

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

МИХЕЕВА АУРИКА ИВАНОВНА

**ПОСЕЛЕНИЯ МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XIII–XV вв.)**

Специальность: 07.00.06. – археология

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель
д.и.н. М.Г. Иванова

Ижевск-2006

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ	
§ 1. История изучения	9
§ 2. Историография.....	18
ГЛАВА II. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ И ПОСТРОЙКИ.....	
§ 1. Фортификационные сооружения.....	25
§ 2. Жилища и хозяйственные постройки.....	36
ГЛАВА III. ВЕЩЕВОЙ ИНВЕНТАРЬ	
§ 1. Керамика.....	56
§ 2. Бытовые изделия и ремесленный инструментарий.....	84
ГЛАВА IV ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА	
§ 1. Хозяйство, торговые и культурные связи населения Марийского Поволжья	117
§ 2. Социально-экономическая структура.....	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	149
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	153
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	171

ВВЕДЕНИЕ

В средневековой истории финно-угорских народов Поволжья и Прикамья, в том числе и марийцев, в настоящее время наименее изученным остается период XIII–XV вв. Письменные свидетельства содержат скудную информацию, характеризующую народы Среднего Поволжья и Прикамья лишь в общих чертах, зачастую ограничиваясь их простым перечислением.

Сложная политическая обстановка, вызванная монголо-татарским нашествием, привела к нарушению стабильного развития региона, что отрицательно сказалось на социальном и экономическом развитии местных народов. Поселения, датируемые XIII–XV вв., на сегодняшний день слабо представлены у мордвы (Белорыбкин Г.Н. 2003. С. 37), удмуртов, чувашей. На этом фоне выгодно отличается территория Марийского Поволжья в границах современного расселения горных марийцев. Представленные здесь поселенческие комплексы могут стать эталоном для изучения других этнографических групп марийцев (луговых, вятских) и существенно дополняют общую этнокультурную ситуацию в Урало-Поволжском регионе.

За прошедший период Марийской археологической экспедицией открыто 25 поселений, на большинстве из которых проведены масштабные археологические работы. Накопление источниковой базы позволило на ином качественном уровне подойти к историко-культурной реконструкции обозначенного периода на территории Марийского Поволжья.

Объектом исследования является население, проживавшее в границах Марийского Поволжья в XIII–XV вв.

Предметом данного исследования являются поселения (их топография, структурные составляющие и т.п.) и вещественные материалы, полученные в ходе археологических раскопок.

Хронологические рамки исследования. Хронологически работа охватывает период XIII–XV вв. н.э. Данные временные рамки охватывают конец домонгольского, золотоордынский периоды, а также начальный этап образования Казанского ханства.

После монголо-татарского нашествия происходит резкое сокращение памятников, в частности перестают функционировать возникшие в XI–XII вв. Выжумские II и III, Починковский, Руткинский могильники, Васильсурское V городище и др. Лишь во второй половине XIII в. по обоим берегам р. Волги, в устье р. Ветлуги и правобережье р. Суры появляются долговременные поселения, функционировавшие вплоть до XV в.

Территориальные рамки исследования охватывают Марийское Поволжье, которое включает правобережье р. Волги от правого берега р. Суры на западе, до правого берега р. Сундырь на востоке; левый берег ограничен с востока р. Ветлугой, с запада р. Дорогучей. Выбор территории исследования обусловлен особенностями распространения известных археологических памятников. На остальной части Марийского Поволжья (бассейны рр.Илети, Большой Кокшаги) археологические древности этого периода неизвестны или представлены разрозненными находками, не позволяющими использовать их в качестве предмета исследования.

Территориальные рамки работы совпадают с современным расселением этнографической группы горных марийцев. Горная сторона отдельной территорией неоднократно выделяется в русских источниках конца XV–XVI вв., что обусловлено особым геополитическим положением (между Русью и Волжской Булгарией; близость Великого Волжского пути и т.д.) и уровнем экономического развития. Территория отличается расположением здесь наиболее изученных в археологическом плане поселений и наличием нескольких археологических микрорегионов.

Степень изученности. Период XIII–XV вв. слабо представлен в научной литературе по причине отсутствия репрезентативных источников как письменных, так и археологических. Открытые и изученные за последние десятилетия поселения существенно дополнили источниковую базу, и позволили выйти на новый уровень научного обобщения.

Отдельные вопросы материальной культуры, системы расселения, торговых контактов середины II тыс. н.э. рассматривались в ряде работ Г.А. Архипова, Т.А. Хлебниковой, Т.Б. Никитиной.

Цель данной работы – изучение поселений Марийского Поволжья XIII–XV вв. и вещественных материалов полученных в ходе исследований для историко-культурной реконструкции данного периода.

Для выполнения поставленной цели решались следующие **задачи**:

1. систематизировать и обобщить имеющиеся на сегодняшний день материалы по поселенческим памятникам, определить их этнокультурную принадлежность;
2. провести анализ фортификационных сооружений; жилых и хозяйственных построек на селищах и городищах рассматриваемого периода;
3. систематизировать и классифицировать предметы материальной культуры поселенческих памятников;
4. определить основные виды хозяйства, направления и уровень контактов;
5. охарактеризовать систему расселения марийцев в XIII–XV вв. в контексте социально-экономической структуры общества.

Источники. Основу работы составляют материалы полевых исследований, проведенных МАЭ в 1956 – 2005 гг. содержащие данные по 25 поселениям, датируемым XIII – XV вв., а также результаты археологических исследований автора, проведенных в 2000–2005 гг.: селище Нижние Шелаболки I–III, Юльяльское селище, Важнангерское (Мало-Сундырское) городище.

Проанализированы различные категории источников. В частности, керамические коллекции (в общей сложности более 16 500 фрагментов) и вещевой инвентарь, хранящиеся в фондах МарНИИЯЛИ.

В диссертационной работе использовались материалы публикаций, отчетов из фондов МАЭ, Архива ИА РАН, научного рукописного фонда (НРФ) МарНИИЯЛИ.

В ходе исследования привлекались данные остеологических анализов, проведенных канд. вет. наук, старшим научным сотрудником НЦАИ ИИ АН

РТ Г.Ш. Асылгараевой; результаты технико-технологических анализов керамики, выполненных канд. ист. наук И.Н. Васильевой в керамической лаборатории Института истории и археологии Поволжья (г. Самара), данные гранулометрического и морфологического анализа грунта, проведенных канд. с-х. наук К.К. Захаровым на кафедре почвоведения экологии и природопользования МарГТУ и результаты палинологических анализов грунта, выполненных в экспериментальной лаборатории ИА РАН Е.М. Спиридоновой.

Автор диссертационного исследования выражает огромную благодарность за предоставленные неопубликованные материалы исследователей МарНИИЯЛИ: д. и. н., зам. директора Т.Б. Никитиной, д.и.н., зав. отделом археологии В.В. Никитину, к.и.н., старшему научному сотруднику отдела археологии А.В. Михееву, к.и.н. научному сотруднику отдела археологии Д.Ю. Ефремовой.

Методы исследования. Для решения поставленных задач в работе применялись метод сравнительно-исторического анализа, а также методы картографирования, этнографической ретроспекции, типологический, подбора аналогий и метод статистической обработки предмета исследования. Исходя из направления на микрорегиональное исследование, использовался метод пространственного анализа, апробированный Г.Е. Афанасьевым на неукрепленных поселениях салтовской культуры (Афанасьев Г.Е. 1987. С. 21–38). При рассмотрении технологических следов на сосудах была использована методика технико-технологического анализа, разработанная А.А. Бобринским. Технологические признаки определялись визуально.

Новизна исследования. Городища и селища являются на сегодняшний день единственными источниками для изучения хозяйственной деятельности, социально-экономических отношений, этнокультурных контактов марийского населения в XIII–XV вв. В работе впервые систематизированы и обобщены практически все материалы по поселениям этого периода, разработана типология наиболее массовых источников, особое внимание уделено анализу керамики. В научный оборот вводятся результаты раскопок последних

лет: Важнангерское (Мало–Сундырское) городище (1999–2005 гг.); Юльяльское селище (2002 г.); Красное селище (1997–1998 гг.).

Практическая и научная значимость. Результаты исследования могут быть использованы для сравнительного анализа при изучении других этнографических групп марийцев (луговых, вятских) и существенно дополняют общую этнокультурную ситуацию в Урало-Поволжском регионе.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов для ВУЗов и школ по истории и культуре Среднего Поволжья, в лекционной пропаганде, оформлении музейных экспозиций.

Апробация работы. Основные положения работы изложены в 6 публикациях и обсуждались на Всероссийских, региональных конференциях и симпозиумах: «Горные марийцы на рубеже веков»: к 450-летию вхождения горных мари в состав Российского государства. (Йошкар-Ола, 2000); III Международном историческом конгрессе финно-угроведов «Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов» (Йошкар-Ола, 2004); «Этническая история финно-угорских народов Поволжья и Прикамья» (Козьмодемьянск, 2004).; Всероссийских научных конференциях: «Археологические памятники Волго-Камья и Урала как объект историко-культурного наследия этносов» (Ижевск, 2004);

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, каталога памятников, графических приложений, статистических таблиц.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются цель и задачи исследования.

В первой главе **«История изучения и историография»** дается история археологического изучения марийских поселений XIII–XV вв. с краткой характеристикой археологического материала и историография.

Во второй главе **«Оборонительные укрепления и постройки»** дана характеристика топографии поселений, рассмотрены вопросы строительства

фортификационных сооружений с реконструкцией отдельных элементов, подробно проанализированы жилища и хозяйственные постройки.

Третья глава *«Вещевой инвентарь»* включает типологию наиболее массового керамического материала. Керамика рассмотрена на нескольких уровнях, корреляция всех характеристик позволила выделить несколько этнокультурных групп посуды, представленных на поселениях Марийского Поволжья. Отдельно по основным функциональным категориям рассматривается бытовые предметы.

В четвертой главе *«Хозяйственно-экономическая структура»* на основе анализа всех составляющих материальной культуры поселений реконструирован характер и основные направления хозяйственной деятельности. Использование методов пространственного анализа позволило рассмотреть вопросы социально-экономической организации общества. На примере Важнангерской (Мало-Сундырской) округи определена степень взаимосвязей между поселениями, проанализированы ресурсные зоны поселений и структура округи.

Основные выводы исследования приводятся в *Заключении*. В *Приложении* вынесены «Список источников и литературы», «Список сокращений», графических приложений, статистических таблиц и каталог памятников.

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

§ 1. История изучения

Изучение поселений средневековых марийцев началось еще во второй половине XIX столетия и носило скорее собирательский характер. Впервые интерес к поселенческим памятникам как к предмету исследования проявляется в 1852 г. и связан с чувашским историком и этнографом С.М. Михайловым, обследовавшим древние памятники в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии. Собранные им предания, описания городищ неоднократно находили отражение на страницах Казанских губернских ведомостей.

Автор публикаций приводит подробное описание укреплений Сундырской горы (Важнангерского городища), где содержатся следующие данные: «...укрепление начинается первоначально с западного края горы едва приметным рвом, сровнявшимся с землею, который, простираясь на юг, становится значительнее, а далее всю южную сторону, примерно на четверть версты, огибает полукругом земляной вал, вышиною местами аршина в два, а ров, глубиною более аршина, идет рядом за валом, и достигают они оба до северного края горы, совершенно их отсекающей своим крутым утесом к волжской стороне; самая середина вала и рва перерезана: по всей вероятности, существовали тут ворота или какое-нибудь другое отверстие для вылазок. Опаснейший пункт, без сомнения с юга, на который отсюда простирается равнина, обращенная в пашни, и с которого удобно было нападать русским на укрепление; по сей причине и укрепление с этой стороны принимает вид оборонительный, а прочие края горы, по крутости их неприступны, лишь от времени они довольно обвалились и обваливаются по слабости грунта земли...» (Михайлов С.М. 1972. С. 34). В настоящее время валы не соединяются между собой, а укрепления мысовой части городища выделяются едва заметной ложбинкой.

Крупные размеры городища, мощная оборонительная система спроводили интерес к интерпретации памятника и попыткам связать его с конкретными историческими событиями. В частности, ссылаясь на «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина, С.М. Михайлов предполагал, что события 1524 г., когда войско князя Палецкого потерпело поражение от черемис, связано с Сундырской горой. Черемисы запрудили реку камнями и деревьями, чтобы суда не могли пройти, а сверху «... сыпались на них стрелы и катились бревна...» (Михайлов С.М. 1972. С. 43). На основании народных преданий о том, что у горных черемис был в старину пятидесятник Чалым и о сожжении города русскими, С.М. Михайлов высказывает предположение о том, что Сундырская гора могла являться летописным Чалымским городком. Другую интерпретацию названия горы дает языковед Н.И. Золотницкий. Название Сундырь, по его мнению, связано с самой местностью, и обозначает «полати», «вышки», то есть, сторожевые пункты при поселениях, с которых во времена Казанского ханства передавались сигналы о появлении неприятелей. Сигналы об опасности передавались с помощью костров. Пламя по горномарийский – «*салым*», отсюда Н.И. Золотницкий и выводит название Чалымский городок, также отождествляя его с Сундырской горой (Шпилевский С.М. 1887. С. 534). В ходе археологических раскопок установлено, что Важнангерское (Мало-Сундырское) городище прекращает свое существование в конце XV в. Вещей более позднего облика не выявлено, соответственно связывать Сундырскую гору с Чалымским городком нет оснований.

При подготовке к IV Археологическому съезду, памятники Козьмодемьянского уезда были дополнительно обследованы С.М. Шпилевским, собравшим легенды о существовании в устье р. Сундырки (близ д.Юльялы) Торговицкой ярмарки. По преданиям, в древности сюда приезжали суда с солью, торговцы с различным товаром: шелк, сукно, украшения, которые обменивались на пушнину, мед, рыбу. Выгодное географическое положение (с одной стороны р. Волга, с другой – сухопутная дорога Нижний Новгород –

Казань) способствовало притоку товаров из дальних мест. Здесь же существовала и мельница (Шпилевский С.М. 1877. С. 538). По мнению историка А.Г. Иванова, обнаруженное в 1987 г. В.В. Никитиным Юльяльское селище являлось Торговицкой ярмаркой (Иванов А.Г. 1994. С. 215).

Первые археологические исследования поселений марийцев XIII – XV вв. начались в 1951 – 1952 гг. В ходе проведения разведочных работ по Горномарийскому району Р.В. Чубаровой открыто несколько археологических памятников в правобережье Волги, частичные раскопки были проведены на Юльяльском городище. Обнаружены железные предметы, керамика, по которым городище датировано серединой II тыс. н.э. (Чубарова Р.В. 1953. С. 186). Рекогносцировочные работы были проведены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище. Материал представлен керамикой, датирующих вещей не найдено. На основании местных преданий и керамики время существования городища Р.В. Чубаровой определено XVI в. (Чубарова Р.В. 1953. С. 184).

Качественные изменения источниковедческой базы связаны с созданием в 1956 г. МАЭ, развернувшей систематические работы по исследованию памятников археологии, хотя на средневековые поселения марийцев, в силу различных обстоятельств, внимания обращалось мало.

В 1957 г. отрядом МАЭ изучено древнемарийское селище, расположенное на мысу коренного правого берега р. Волги – Носельское III. На площади – 193 кв. м. изучена хозяйственная постройка, которую исследователь интерпретировал как амбар с погребом. Материал представлен жерновом, пестом, удилами, керамикой. Селище датировано XIII – XIV вв. (Архипов Г.А. 1982. С. 18). В 100 м от Носельского III выявлено одновременное ему селище – Носельское II, расположенное на мысу «*Вараи нер*» (Ястребинный мыс). Керамический материал селища аналогичен Носельскому III селищу, на этом основании памятник датирован XIII – XIV вв. (Архипов Г.А., Халиков А.Х. 1958. Отчет ... Л. 224). При проверке современного состояния селищ Д.Ю. Ефремовой уточнена площадь памятников (3 333 и 819 кв. м, со-

ответственно). При шурфовке Носельского III селища обнаружены сошник, фрагмент венчика от железного котла, керамический материал (Ефремова Д.Ю. 2004. Отчет ... Л. 19, 23).

В 1958 г. отрядом под руководством Т.А. Хлебниковой начаты, а в 1964 г. продолжены работы на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище. Вскрытая площадь составила 1040 кв. м. Изучено несколько сооружений различного характера, среди которых выделены летние жилища, погребамы хозяйственного назначения, с большим количеством столбовых ям и остатками ограды (Хлебникова Т.А. 1967. С. 155). В том же году археологическими раскопками был исследован Сиухинский комплекс. Со слоем кузницы связан богатый вещевой инвентарь, представленный железными орудиями труда и бытовыми вещами. Кузница предварительно была датирована XII – XIII вв. (Халиков А.Х. 1958. Отчет ... Л. 99), позднее, Г.А. Архипов определил дату ее существования в пределах XIII – XIV вв. (Архипов Г.А. 1973. С. 72).

В 1974 г. в ходе разведочных работ отрядом МАЭ под руководством В.В. Никитина выявлено средневековое селище – Шунангерское III, расположенное на останце у подножия коренной террасы правого берега р. Волги. Изучена яма хозяйственного назначения, собрана керамика. Селище датировано на основании керамики XII – XIII вв. (Никитин В.В. 1974. Отчет ... Л. 79–80). Анализ керамического материала (представлена только круговая посуда) и, прежде всего, оформление края венчика (наплыв с внешней стороны, выраженная блоковидность), позволяют отнести этот памятник к XIII – XV вв.

В 1983 г. Г.А. Архиповым возобновлены исследования на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище. Раскопом площадью 368 кв. м изучен северный край площадки городища, а также траншеей шириной 1 м разрезан северный конец вала. На площадке изучено сооружение, являющееся, по предположению исследователя, остатками святилища; хозяйственные и столбовые ямы. Вещевой инвентарь представлен керамикой, изделиями из черно-

го и цветного металла. По монете и вещевому инвентарю городище датировано XIV – XV вв. и определено исследователем как один из племенных центров марийцев (Архипов Г.А. 1983. Отчет ... Л. 3, 9).

При раскопках Удельно-Шумецкого XII поселения эпохи камня была изучена постройка, связанная со слоем средневекового селища. Исследователем постройка определена как жилая с очагом в центре. По вещевому материалу и керамике Удельно-Шумецкое селище датировано XIII – XV вв. (Никитин В.В. 1986. Отчет ... Л. 34–35). В 1986 г. в ходе разведочных работ В.В. Никитиным обнаружена полуземлянка, связанная со слоем средневекового селища. Селище (Удельно-Шумецкое II) занимало край дюны. В культурном слое мощностью до 30 см найдена лепная миска с примесью дресвы. Здесь же в осыпях собраны фрагменты лепных горшков с примесью крупного шамота и кованый железный гвоздь. Селище датировано II тыс. н.э. (Никитин В.В. 1987. Отчет ... Л. 51).

В 1987 г. на западном конце д. Горный Шумец Юринского района на высоком мысу коренной террасы р. Волги, образованном двумя оврагами, В.В. Никитиным обнаружено поселение, датируемое XIII – XV вв. Памятник определен исследователем как городище. Склоны мыса сильно нарушены оползнями. В осыпях собраны обломки лепной посуды с примесью шамота и раковины. Круговая посуда представлена сосудами с примесью дресвы, раковины, песка, на отдельных фрагментах орнамент в виде прямых прочерченных полос. Кроме посуды, найдены бытовые железные предметы: нож, фрагмент серпа, подковка от обуви (Никитин В.В. 1987. Отчет ... Л. 49). При повторном осмотре в 2004 г., в мысовой части была исследована хозяйственная постройка, получен дополнительный вещевой инвентарь. По навесному замку с полукруглым основанием и скважиной для ключа в корпусе, постройка датирована временем не ранее конца XV в. (Никитин В.В. 2004. Отчет ... Л. 11). В 130 м к северу от Горношумецкого городища выявлено небольшое селище с посудой, аналогичной найденной на городище (Никитин В.В. 2004. Отчет ... Л. 49).

В 1987 г. разведочным отрядом МАЭ под руководством В.В. Никитина было открыто и в последующем году обследовано Юльяльское селище. Памятник расположен в устье р. Сундырь, правого притока р. Волги, занимает правый пойменный берег р. Волги. Для определения культурной принадлежности на селище заложено 4 траншеи общей площадью 80 кв. м. Вскрыты остатки хозяйственных построек. На основании вещевого инвентаря селище датировано XIV – XV вв. (Никитин В.В. 1987. Отчет ... Л. 60-63; Никитин В.В. 1988. Отчет ... Л. 8-9).

В 1992 г. на коренной террасе левого берега р. Сундырь близ д. Сауткино выявлено еще одно средневековое селище. В результате зачистки обрыва коренной террасы (5 м в длину и 0,8 – 1,5 м в ширину) зафиксированы контуры постройки с подполом. В ходе раскопок получен вещевой материал, включающий керамику, бронзовые куски обшивки, массивные железные ручки, замок. По замку селище датировано XIV – XV вв. Исходя из малой площади селища, В.В. Никитин предположил, что здесь размещался отдельно стоящий илем. (Никитин В.В. 1992. Отчет ... Л. 22). В 2004 г. при повторном обследовании памятника Д.Ю. Ефремовой уточнена площадь – 10 900 кв. м, получен дополнительный вещевой инвентарь (Ефремова Д.Ю. 2004. Отчет ... Л. 11).

В результате осмотра береговой линии В.В. Никитиным в 500 м к северо-западу от д. Шартнейка была собрана коллекция лепной и круговой посуды, имеющая аналогии в посуде Юльяльского селища и Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. По керамике селище датировано в пределах XIV – XV вв. (Никитин В.В. 1992. Отчет ... Л. 24). Аналогичная керамика обнаружена на мысовидных площадках в 800 м от д. Важнангер Горномарийского района. Селище распахивается, культурный слой нарушен. На пахоте собран значительный керамический материал во фрагментарном состоянии. По аналогии с керамикой Важнангерского (Мало-Сундырского) городища и Юльяльского селища памятник датирован XIV – XV вв. (Никитин В.В. 1992. Л. 29). При проверке современного состояния Д.Ю. Ефремовой по

распространению находок площадь памятника определена около 8300 кв. м. (Ефремова Д.Ю. 2004. С. 14).

В 1991 г. В.В. Никитиным открыто средневековое селище у д. Красное Селище Горномарийского района (Никитин В.В. 1992. Отчет ... Л. 32), которое в течение четырех полевых сезонов (1995 – 1998 гг.) исследовалось Т.Б. Никитиной. Селище расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Суры, на правом берегу безымянного ручья, впадающего в р. Суру. За период исследований на селище вскрыто 470 кв. м. Изучено две жилых постройки и связанные с ними хозяйственные объекты. На основании обнаруженных вещей (ключи новгородского типа, булавки, часть медного замка в форме единорога) селище датировано XIII – XIV вв. (Никитина Т.Б. 2000. С. 56). В ходе обследования близлежащей территории в 1995 г. Т.Б.Никитиной открыто два одновременных ему селища (селище Красное селище III и IV).

В 1999 г. В.В. Никитиным были проведены работы по обследованию береговой линии Чебоксарского водохранилища. В результате выявлено средневековое селище, расположенное в 300 м к западу от д. Ключево. Материал селища представлен 3 типами керамики: марийской, «славяноидной» и болгарской. Керамический материал аналогичен посуде Важнангерского (Мало-Сундырского) городища, на основании чего селище датировано этим же периодом (Никитин В.В. 1999. Отчет ... Л. 35). Одновременное селище обнаружено в 1000 м к северо-западу от д. Шартнейка Горномарийского района – Шартнейское II. Селище сильно разрушено Чебоксарским водохранилищем. Сборы представлены керамикой (лепной и круговой), обломком стремени, и двумя неопределенными железными предметами. Памятник датирован первой половиной II тыс. н.э. (Никитин В.В. 1999. Отчет ... С. 29). К этому же периоду относится селище выявленное у д. Яндушево (Никитин В.В. 1999. С. 37). Памятник занимает высокий мыс, образованный двумя оврагами врезанными в левый берег оврага Копан, выходящего в пойму р. Б. Сундырка у д. Важнангер. Длина мыса 100 м, ширина 15 – 18 м, высота над поймой 23 м. Восточный и западный склон обрывистые и осыпаются. Пло-

щадка (20 x 15 м) отрезана небольшим рвом, прорезающим мыс с восточной стороны почти до конца, где прослеживается узкий проезд шириной около 2 м. В осыпях собрана лепная посуда с примесью раковины и песка. Шурфовкой установлено наличие культурного слоя в виде темной гуммированной супеси мощностью до 10 – 20 см. Рекогносцировочные работы с напольной стороны, за перешейком, дали железные вещи и фрагменты круговой посуды с примесью дресвы, позволяющие отнести памятник ко второй половине II тыс. н.э.

С 1999 по 2005 гг. совместной экспедицией МарНИИЯЛИ (руководитель Т.Б. Никитина) и РГУК «НПЦ по охране памятников» (руководитель А.И. Михеева) проводились археологические исследования Важнангерского (Мало-Сундырского) городища.

В 1999 – 2000 гг. соединены раскопы предшествующих лет, что позволило более полно представить планиграфическую ситуацию на памятнике. Площадь раскопа составила 292 кв.м.

В 2000 г. на памятник был составлен паспорт. В связи с тем, что село Малый Сундырь прекратило свое существование, название городищу было дано по существующей деревне Важнангер, соответственно памятник получил двойное название – Важнангерское (Мало-Сундырское) городище.

В 2002 г. было заложено два раскопа общей площадью 496 кв.м: раскоп 1 вплотную примыкал к раскопу 2000 г. и являлся его фактическим продолжением; раскоп 2 примыкал к раскопу 1983 г. и представлял собой траншею, перерезающую вал и ров, а также выходящую на напольную часть городища.

В 2003 г. продолжено исследование оборонительных сооружений двумя раскопами общей площадью 170 кв.м. Раскоп 1 площадью 106 кв. м перерезал вал и ров городища с напольной стороны, раскоп 2 площадью 64 кв. м был заложен в мысовой части городища, где обнаружены остатки еще одного вала и рва.

В 2004 г. продолжены исследования предыдущего года. Раскоп 1 2004 г. площадью 158 кв. м вплотную примыкал к раскопу 2003 г., раскоп 2 пло-

щадью 60 кв. м около вала с напольной стороны продолжал раскоп 1958 г. В результате проведенных исследований на раскопе 1 выявлена жилая постройка и 3 ямы хозяйственного назначения, раскоп 2 представлен двумя ямами хозяйственного назначения.

В 2005 г. продолжены исследования на мысовой части городища. Раскоп 1 площадью 60 кв. м продолжал раскоп 2004 г., здесь выявлено 2 ямы хозяйственного назначения и столбовые ямки от ограды; раскоп 2 площадью 132 кв. м заложен на мысовой площадке за рвом. В ходе исследований обнаружено святилище с довольно сложной структурой. Мощность жертвенного слоя составила 25 – 30 см.

В 2001 г. А.И. Михеевой открыт куст памятников у д. Нижние Шелоболки Горномарийского района, состоящий из 3 селищ. Изучена хозяйственная яма, остатки очага. Селища одновременны. На основе керамического материала, ручного жернова, ножа селище датировано XIII – XV вв. (Михеева А.И. 2002. Отчет ... С. 6–9).

В том же году разведочными работами В.В. Никитина на краю высокой песчаной дюны юго-восточного берега старицы правого берега р. Ветлуги, выявлено средневековое Сутырское V селище. Керамика представлена остатками лепной и круговой посуды. Лепная посуда серого цвета с обильной примесью крупного шамота с бугристой поверхностью; круговая представлена фрагментами с примесью дресвы и песка в формовочной массе. Раскопом (40 кв. м) исследовано сооружение типа погребя. По керамике селище датировано первой половиной II тыс. н.э. (Никитин В.В. 2001. С. 18).

В 2002 г. были проведены археологические исследования на Юльяльском селище, которое сильно размывалось в результате влияния Чебоксарского водохранилища. Раскопом площадью 82 кв. м вскрыты остатки жилой постройки подквадратных очертаний, несколько хозяйственных ям (Михеева А.И. 2003. Отчет ...).

Таким образом, благодаря работам, проводимым МАЭ, РГУК «НПЦ по охране памятников», в научный оборот введены 25 новых памятников, дати-

руемых в пределах конца XIII – XV вв., среди них 2 городища, 2 производственных объекта, 21 селище. Памятники сосредоточены вдоль левого и правого берегов Волги. В отличие от раскопок предыдущих десятилетий средневековые поселения мариЙцев изучались большими площадями. Наряду с городищами, изучались неукрепленные поселения – селища. Важным результатом стало также и выявление в ходе раскопок характера укреплений городищ, остатков жилых и хозяйственных построек.

§ 2. Историография

Вопросы, связанные с поселениями древних мари, еще не нашли должного отражения в публикациях. На сегодняшний день не имеется ни одной обобщающей работы по поселениям рассматриваемого периода с полным анализом материала. Данная ситуация характерна в целом для финно-угров Среднего Поволжья и Приуралья, поскольку источниковая база находится в стадии накопления.

Из обобщающих работ, в которых используются материалы поселений, можно отметить работу Г.А. Архипова «МариЙцы IX–XI вв.». В монографии автор основной упор делает на данные могильников и вятских городищ. Между тем, при анализе хозяйства используются материалы Сиухинской и ЮльЯльской кузниц, датируемых XIII–XIV вв. В контексте диссертационного исследования работа интересна, прежде всего, тем, что различные виды занятий древних мари, возникшие в I тыс. н.э., продолжают развиваться в первой половине II тыс. н.э. Г.А. Архипов определил особенности хозяйства в Поветлужье и правобережье Волги. По его мнению, Поветлужье характеризуется как район пушной охоты, а правобережье р. Волги – земледелия и скотоводства. Начало пашенного земледелия у древних мари Г.А. Архипов датирует временем не позднее XI в. Он подробно рассматривает способы обработки почвы, вещевой материал, высказывает предположение о наличии у древних мари в рассматриваемый период способов добычи и обработки железа (Архипов Г.А. 1973. С. 74).

Отдельные аспекты хозяйственной деятельности марийцев XIV–XVIII вв., прежде всего состав вещевого материала, впервые рассмотрены Т.Б. Шикаевой (Никитиной) (Шикаева Т.Б. 1979). Основными источниками послужил инвентарь поздних могильников, а также орудия труда Сиухинской кузницы, Носельского селища III, Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. Привлекая материал разновременных памятников, автор рассматривает вещевой инвентарь в развитии, отмечая их преемственность с XII по XVIII в. На основании анализа хозяйственного инвентаря определены основные виды хозяйства: пашенное и подсечное земледелие, скотоводство, охота (Шикаева Т.Б. 1979. С. 51–63).

Проведенные Т.А. Хлебниковой исследования Важнангерского (Мало-Сундырского) городища позволили вплотную подойти к характеристике хозяйственных построек (Хлебникова Т.А. 1967. С. 148–169). Несмотря на то, что в ходе археологических исследований не было выявлено жилых построек, автор по косвенным признакам высказывает предположение о существовании у марийцев в этот период наземных жилищ с печкой (Хлебникова Т.А. 1967. С. 160), что подтвердилось последующими исследованиями (Никитина Т.Б. 2002. Отчет ... 2004. Отчет ...). Слабая насыщенность слоя Важнангерского (Мало-Сундырского) городища материальными остатками спровоцировало определение городища как убежища «... на случай опасности с небольшим постоянно живущим населением...» (Хлебникова Т.А. 1967. С. 168).

Впоследствии, с открытием новых памятников и их изучением, в частности, Красноселищенского селища, Юльяльского, Сауткинского, Важнангерского селищ, Важнангерского (Мало-Сундырского) городища, материалы раскопок оперативно вводились в научный оборот. В частности, на примере Важнангерской (Мало-Сундырской) округи была охарактеризована система расселения первой половины II тыс.н.э. (Никитина Т.Б. 1995), на основе материалов полученных при раскопках селища Красное селище проведена реконструкция жилых сооружений (Никитина Т.Б., Михеев А.В. 2001).

В монографии «Марийцы в эпоху средневековья» Т.Б. Никитиной рассмотрены отдельные аспекты развития хозяйства, домостроительства марийцев с I тыс. по XV в. По мнению исследователя, у марийцев получает развитие «неполная земледельческая оседлость», что подтверждается и характером поселений (небольшие площади, не очень мощный культурный слой, достаточная разбросанность) (Никитина Т.Б. 2002. С. 134). Привлечение данных анализа остеологических материалов позволило говорить о том, что животноводство становится одной из основных отраслей хозяйства. Более осторожно автор подходит к вопросу о существовании у марийцев металлургии. В частности, с учетом новых данных, Т.Б. Никитина ставит под сомнение тезис о местной выработке железной руды, и склоняется к тому, что в эпоху средневековья черный металл привозили в виде полуфабрикатов (Никитина Т.Б. 2002. С. 136–139).

Вопросы культурных контактов по материалам поселений XIII–XV вв. рассматривались рядом исследователей, выделивших два направления торговых контактов марийцев: с булгарами и Русью (Хлебникова Т.А. 1967. С. 167; Архипов Г.А. 1982. С. 24; Никитина Т.Б. 1991. С. 24–25).

Ветлужско-Вятское междуречье с древности являлось территорией этнокультурных контактов, и первая половина II тыс. н.э. не является исключением. Очевидно, что Великий Волжский путь способствовал развитию торговых отношений. Однако контакты с соседями не ограничивались только торговлей. Т.А. Хлебникова, анализируя материал селищ и городищ, расположенных в правобережье р. Волги (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище, Носельское III, Сиухинское селища) отмечает, что в XIII–XV вв. местное гончарство развивалось под явным влиянием славян, о чем свидетельствует керамика с местными примесями (шамотом, толченой раковинной), но не местной формы (Хлебникова Т.А. 1967. С. 90). Существование в первой половине II тыс. н.э. «активных славяно-марийских контактов» подтверждается и материалами Юльяльского селища (Никитина Т.Б. 1991. С. 29). Однако уровень контактов определяется неоднозначно. Т.Б. Никитина считает, что в

большей степени они носят торговый и культурный характер (Никитина Т.Б. 2000. С. 154), Л.Д. Макаров на основании анализа керамики, бытовых вещей, и предметов христианского культа склонен считать, что «... взаимоотношения местного населения с пришлым древнерусским достигли уровня взаимной интеграции материальной и духовной культуры, а может и физической метисации» В частности, он ставит под сомнение этническую принадлежность некоторых поселений, связанных исследователями с марийцами, и считает что «называть такие памятники только древнемарийскими ... не совсем корректно...» (Макаров Л.Д. 2004. С. 117).

На сегодняшний день открытым остается вопрос об этнической принадлежности особой группы керамики, которую Т.А. Хлебникова впервые под названием «славяноидной» ввела в научный оборот в 1967 г. Позднее, при обобщении керамических материалов Волжской Булгарии Т.А. Хлебникова определила ее в XVI этнокультурную группу (XVI ЭКГ). Происхождение данной керамики исследователь связывала с населением марийского и, отчасти, чувашского населения Поволжья в период перехода от производства лепной керамики к круговой (Хлебникова Т.А. 1984. С. 200–201). В связи с тем, что в оформлении края венчика и горловины, по мнению Т.А. Хлебниковой, прослежено влияние славянской гончарной традиции, за посудой такого типа в научной литературе закрепился термин «славяноидная» (Хлебникова Т.А. 1984. С. 170). Впоследствии к теме «славяноидной» керамики обращались Н.А. Кокорина (Кокорина Н.А. 2002 С. 95), М.Д. Полубояринова (Полубояринова М.Д. 1993. С. 52), Л.Д. Макаров (Макаров Л.Д. 2004. С. 117–121), Д.А. Салангин (Салангин Д.А. 1999. С. 165), К.А. Руденко (Руденко К.А. 2004. С. 146–149). В целом следует отметить, что всеми исследователями признается факт возникновения данной посуды на этнически смешанных территориях, однако четких критериев определения особенностей, как и этнических истоков, данной посуды на сегодняшний день не выявлено. Проблема осложняется и тем, что керамика поселений XIII–XV вв. Чувашско-Марийского Поволжья не подвергалась специальному исследованию. Как

правило, существующие публикации содержат общую характеристику керамического материала (Архипов Г.А. 1982. С. 5–24; Никитина Т.Б. 1995. 2000; Михеева А.И. 2004. С. 143–148).

С возобновлением археологических исследований на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище в научный оборот вводятся данные о результатах раскопок, касающиеся оборонительных сооружений. В результате проведенных исследований 1999–2005 гг. выявлены внутривальные и надвальные конструкции, изучен древний проезд с надвратными сооружениями. Дополнительная система укреплений выявлена также и в мысовой части памятника. Высказаны предположения о причинах и времени прекращения функционирования городища (Никитина Т.Б., Михеева А.И. 2004-а. С. 89–95; Никитина Т.Б., Михеева А.И. 2004-б. С. 194–201; Никитина Т.Б. 2004. С. 142–144).

Таким образом, изучение марийских поселений XIII–XV вв. развернулось в последние десятилетия и не подвергалось специальному научному обобщению. Вместе с тем, собранные материалы позволяют охарактеризовать различные аспекты материальной культуры и социально-экономической структуры общества, реконструировать основные виды хозяйственной деятельности населения Марийского Поволжья в XIII–XV вв.

Глава 2. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ И ПОСТРОЙКИ

В настоящее время на территории Марийского Поволжья известно 21 селище, 2 городища, 2 производственных объекта, датируемых XIII–XV вв.

При выборе мест для устройства городищ и селищ большое значение имели характер ландшафта, близость и направление основных путей сообщения (Никитина Т.Б. 2002. С. 34). Следует отметить, что соотношение селищ и городищ менялось на протяжении всей эпохи средневековья.

Основным типом древнемарийских поселений в раннем средневековье были преимущественно небольшие, укрепленные, достаточно далеко расположенные друг от друга городища (известно 26), что вполне соответствовало периоду освоения новых территорий (Никитина Т.Б. 2002. С. 185). На рубеже I–II тыс. наблюдается тенденция к расселению на селищах, расположенных вблизи городищ, что свидетельствует о более стабильной политической ситуации и некоторых изменениях в экономической жизни населения. Количественное соотношение городищ и селищ на данном этапе составляет, соответственно, 11:19 (Никитина Т.Б. 2002. С. 268, приложение 1). В конце XIII–XV вв. резко сокращается количество городищ – 2, при росте числа неукрепленных поселений – 21 (Приложение).

Пути хозяйственного освоения земель, исторически сложившийся тип застройки поселений, некоторые особенности социальной организации сельского населения в известной степени отражает топография селищ. Для типологии марийских селищ по топографии за основу взяты принципы классификации А.В. Кузы по материалам древнерусских поселений. Несмотря на различие природных условий в различных областях лесостепной зоны, основные топографические типы поселений были распространены достаточно широко. Всего А.В. Кузой выделено четыре типа неукрепленных поселений: приречный, мысовой, дюнный (сюда же отнесены поселения расположенные на буграх, всхолмлениях), водораздельный (Куза А.В. 1985. С. 98).

Самым распространенным типом древнемарийских неукрепленных поселений был мысовой. Как правило, поселения располагались на мысу: Важ-

нангерское, Носельские I – III селища, Починковское I (Рис.2), селище Красное Селище IV (рис. 3–г), Юльяльская кузница (рис. 3–а) или мысовидном останце коренной террасы – Сиухинская кузница (рис. 3–б). У селищ такого типа топографически выражены две границы. Склоны мысов не крутые, имеются пологие выходы к воде.

Другим типом неукрепленных поселений был террасный (приречный). Удаленность селищ от русла реки, ручья более чем на 100 м – явление редкое. Протяженность вдоль берега не превышает 300 м. У селищ такого типа выражена одна граница. Традиционно они занимают берег надпойменной–Юльяльское селище, Красное Селище II селища (рис. 3–г; 4–г) или надлуговой террасы: Шартнейские I–II, Ключевское, (рис. 3–а, б; рис. 4–в).

К третьему типу относятся поселения, расположенные на дюнах, всхолмлениях, буграх. На краю дюны левого берега р. Волги расположены Удельно-Шумецкое II и Сутырское V селища (рис. 4–е); на песчаном бугре–Починковское II, на дюнном останце расположено Шунангерское селище (рис. 3–д). Как правило, границы этих селищ определены по топографии и распространению подъемного материала.

Анализ топографии марийских селищ позволяет выделить смешанный тип – террасно-мысовой, к которому можно отнести куст поселений у деревень Красное Селище и Нижние Шелаболки (Рис. 4–в, г). В Красноселищенский куст входят селище II, расположенное на правой надлуговой террасе правого берега р. Суры; селище III, занимающее подпрямоугольный мыс, образованный коренной террасой правого берега р. Суры и оврагом «Андран Энгер»; селище IV на мысу подтреугольной формы, образованным коренной террасой правого берега р. Суры и левым склоном оврага «Андран Энгер». Однородность материала (керамики), расположение селищ в непосредственной близости друг от друга позволяют говорить о возможности существования здесь единого поселенческого комплекса. Аналогичная картина расселения и на селищах у д. Нижние Шелаболки. Селища I и II расположены на мысу коренной террасы р. Обуховки, правого притока р. Волги. У подножия

мыса протекает ручей. Селище III расположено на площадке надпойменной террасы левого берега р. Обуховка, в 42 м. от селища II, границей между селищами является овраг, по которому течет ручей. Такая система расселения хорошо увязывается с записями очевидцев, сделанными в середине XIX в.: «Черемисские деревни состоят из множества околотков, вытянутых по оврагам. Несколько таких околотков вместе составляют деревню» (Риттих А.Ф. 1870. С. 131).

Таким образом, в Марийском Поволжье отмечено четыре топографических типа поселений. Наиболее распространенным типом является мысовой. Поселения на дюнах характерны для Марийского левобережья, что обусловлено иными географическими условиями. Приречное расположение селищ отмечено в правобережье р. Волги.

§ 1. Фортификационные сооружения

На территории Марийского Поволжья известно два городища датируемых XIII–XV вв. В связи с тем, что вал на Горношумецком городище не сохранился, приемы строительства оборонительных сооружений для XIII–XV вв. можно проследить лишь на примере Важнангерского (Мало-Сундырского) городища.

При выборе места для строительства городищ максимально использовались природно-географические особенности территории.

Планировка – одна из важнейших черт каждого оборонительного сооружения. Именно план укрепления определяет основные тактические особенности организации его обороны. Поэтому при изучении оборонительных сооружений одной из первых задач, как правило, является выяснение основополагающих принципов их планировки.

Важнангерское (Мало-Сундырское) городище по топографии относится к мысовому типу (рис. 5–а). Городище занимает высокое тектонически-приподнятое правобережье р. Волги и входит в часть Приволжской возвышенности. С северной стороны территория городища ограничена поймой р.

Волги, с западной – правым берегом р. Малый Сундырь. Высота северо-восточного склона достигает 78 м над уровнем поймы р. Волги, юго-западный склон и мысовая часть имеют высоту 71 м от поймы р. Сундырь. Расчеты склона показали, что по характеру естественного уклона он не однороден и составляет от 8° до 105, 8°.

С напольной стороны площадка городища защищена дугообразным валом и рвом. Современная высота вала составляет 120 см, глубина рва от вершины вала 200 см, с напольной площадки – 110 см. Почти по центру вала имеется разрыв шириной до 10 м. В 1964 г. ширина разрыва составляла 4 м (Хлебникова Т.А. 1967). В южной оконечности вала заметны следы еще одного проезда шириной также 10–12 м. Мысовая часть городища имела дополнительные укрепления, от которых визуально прослеживается небольшая ложбинка. По описаниям историков (С. Михайлов, С.М. Шпилевский) укрепления мысовой части соединялись с укреплениями, возведенными для защиты городища со стороны поля.

Оборонительные сооружения Важнангерского (Мало-Сундырского) городища изучались в 1958 г. Траншеей шириной 2 м был перерезан юго-восточный край вала и зачищена стенка в районе первого разрыва. Внутри-вальных конструкций Т.А. Хлебниковой не отмечено, с надвальными сооружениями связаны два округлых пятна диаметром 8–10 см, располагавшихся по гребню вала. (Хлебникова Т.А. 1967. С. 148-149). В 1983 г. траншеей 4 х 10 м перерезан северный край вала (Архипов Г.А. 1985. Отчет ... Л. 2). Деревянных конструкций, как и дополнительной подсыпки вала, также не было обнаружено (Архипов Г.А. 1985. Отчет ... Л. 3).

Изменение методики исследования последних лет дало совершенно иные результаты. Произведенные широкой площадью раскопки вала и рва с напольной стороны (траншея 6 х 22 м) и в мысовой части городища в течение трех полевых сезонов (2002–2004 гг.) дали выразительные материалы, позволяющие реконструировать систему фортификационных сооружений Важнангерского (Мало-Сундырского) городища.

В ходе исследований 2002 и 2004 гг. установлено, что первоначальная ширина вала составляла 870 см, в районе проезда 1140 см. Перед началом строительных работ было проведено выравнивание поверхности и выжигание дернового слоя, затем насыпался мелкий камень. Углистая прослойка с вкраплениями золы и мелкого камня у подошвы хорошо зафиксированы в стратиграфии вала (рис. 6). Аналогичная картина наблюдалась на многих древнемарийских городищах (Ардинское, Пайгусовское городища I тыс. н.э., Васильсурское V городище XI–XIII вв. и т.д.). Мелкий камень насыпался, вероятно, для укрепления нижних слоев насыпи. На подготовленную площадку устанавливались внутривальные конструкции, которые служили ядром вала, придавали ему прочность и предохраняли от быстрого осыпания.

За два полевых сезона удалось выявить одну конструкцию полностью, вторая уходила в южную сторону вдоль вала, третья в стенку раскопа 1983 г. Аналогичная конструкция выявлена при исследованиях проезда в 2003 г. По всей вероятности, при возведении вала данный прием использовался по всей длине, по крайней мере, до второго разрыва. От этих конструкций сохранились глиняные забутовки, которые располагались по центру насыпи. В профиле забутовки имели куполовидную форму, с высотой боковых стенок 80–95 см, максимальной высотой в центре 140 см. (рис. 6–в).

Нижний слой конструкций составляет плотный темно-коричневый суглинок с мелкими угольками. Ближе к верхушке слой суглинка приобретает коричневый цвет. Тонкие горизонтальные прослойки светло-серого или пепельного цвета, зафиксированные в глиняной забутовке, позволяют предполагать, что она заполнялась глиной послойно, плотно утрамбовывалась, возможно, обильно поливалась водой, а затем просушивалась. В качестве связующего раствора использовался речной ил, что подтверждено данными гранулометрического и морфологического анализов грунта*. Использование такого приема значительно повышало прочность внутривальных конструкций.

* Гранулометрический и морфологический анализы грунта выполнены на кафедре экологии и природопользования Мар ГТУ к. с.-х. н. К.К. Захаровым

Вертикальные стенки забутовок практически отвесные, что позволяет предполагать наличие жестких боковых креплений – стенок. Вероятно, здесь использовались деревянные конструкции срубного типа из положенных горизонтально бревен диаметром до 15 см (диаметр определен по отпечатку в глине) и поперечных жердей диаметром 8–10 см (расстояние между забутовками). Высота каркасов не превышала 80 см. Срубные конструкции имели несколько секций с размерами сторон по основанию 390 x 305 см.

Следов деревянных конструкций, за исключением обугленных фрагментов, не обнаружено, поскольку дерево в слоях городища не сохраняется. Древесная труха прослежена в слое супеси с кусочками глины между забутовками. Судя по тому, что боковые стенки забутовок не выходят на горизонт дневного уровня древней поверхности, можно сделать заключение, что внутривальные конструкции не переходили в надвальные. В таком случае мы имеем дело с особенностью, характерной для укреплений Северо-восточной Руси, где срубы внутри валов не превышали в высоту 2 м и не доходили до вершины вала (Раппапорт П.А. 1956. С. 121-122).

Наличие широкой горизонтальной площадки между краем рва и внешней боковой стенкой забутовок однозначно свидетельствует о том, что конструкции засыпались землей. Данный ход весьма практичен: деревянная стена, забутованная глиной, неизбежно должна была прийти в негодность, поскольку дерево разрушается достаточно быстро. Деревянные конструкции после этого могли развалиться. Насыпь вала представлена желтой супесью, которая с внешней стороны содержит кусочки сухой глины. Возможно, такое смешивание способствовало уменьшению сыпучести грунта. С использованием формулы подсчета земли, сползшей с вала, подсчитана высота насыпи, которая могла составлять не менее 500 см.

Для укрепления подножия вала использовались крупные камни, которые фиксировались как со стороны площадки, так и со стороны рва. По видимому, существовали и другие формы предохранения вала от осыпания, например, скат насыпи вала и торцовая стена со стороны проезда укреплены

обмазкой из глины с кремнеземом, аналогичной заполнению в забутовке. Этот глиняный слой был закреплен по бокам небольшими кольями диаметром 8 – 10 см.

Верхняя часть насыпи вала, состоящая из рыхлой супеси, сильно разрушена и деформирована. Часть сползла в ров (толщина желтой супеси во рву до 1 м) и распределена по площадке городища на расстоянии до 60 м. В предвальной части толщина желтой супеси доходит до 60 см. В результате сильной деформации верхушки вала и оползней полная информация о наличии дополнительных надвальных сооружений не сохранилась. Тем не менее, при исследовании северной оконечности вала выявлены следы от постройки, первоначальные контуры которой представляли собой бурое пятно диаметром 320 см, ограниченное углистой полосой шириной 40 см. От пятна в южном и северо-восточном направлениях отходили слабо гуммированные полосы шириной 40 и 50 см, соответственно (рис. 7–а). На глубине 70 см от современной дневной поверхности пятно стало более отчетливым и приняло форму близкую к шестиугольнику, с размером диагонали 270 см, длина каждой грани при этом составляла 150 см. Боковые полосы на этой глубине исчезли (рис. 7–б). По аналогии с материалами оборонительных сооружений соседних территорий можно предположить, что в данном случае выявлены остатки наблюдательной (сторожевой) башни.

Анализ оборонительных укреплений древнерусских и болгарских городищ свидетельствует о том, что башни являются важным элементом оборонительных сооружений (Раппопорт П.А. 1961. С. 144; Губайдуллин А.М. 2002. С. 109; Никольская Т.Н. 1987. С. 33). Как правило, исследователями выделяется два типа башен: надвратные и наблюдательные. Многоугольные башни обнаружены на смоленском городище Церквище (Раппопорт П.А. 1962. С. 140), Суварском городище (Губайдуллин А.М. 2002. С. 83, рис. 121).

Расположение башни на краю северо-восточной оконечности вала не случайно: отсюда открывается прекрасный обзор на достаточно большое расстояние как в сторону поймы р. Волги, так и на площадку за пределами обо-

ронительных сооружений. Башня не являлась самостоятельным сооружением. По всей видимости, конструктивно она была связана с деревянной стеной, остатки которой выявлены в южном и северо-восточном направлениях.

В восточном направлении от башни, на склоне вала, обращенного в сторону рва, зафиксированы остатки сгоревшей стены (рис. 7–б). Первоначальные достаточно аморфные контуры углистого заполнения обнаружены в квадратах Д-3 / 1-3 на глубине 45 см. На уровне 70 см от современной дневной поверхности в заполнении зафиксированы сильный прокал и зола, а также фрагменты обугленного дерева. Судя по сохранившимся остаткам, пролет стены составлял 290 см, длина опорных столбов – не менее 260 см. Пространство между опорными столбами, было обшито досками.

Как показали раскопки, проем в валу действительно был древним проездом. Первоначальные размеры древнего проезда совпадают с описаниями предшественников, которые фиксировали его в пределах 400 см (Хлебникова Т.А. 1967.С. 148).

Под разрушенной частью современного проема были обнаружены остатки двух ям, связанных с конструкцией древнего проезда. Ямы (№ 48, 49) подпрямоугольной формы с закругленными углами длиной 410–470 см, глубиной 110–130 см. Заполнение ям аналогично заполнению забутовок и представлено темно-коричневым суглинком с кремнеземом (Никитина Т.Б. 2004. Отчет). Судя по расположению ям: яма 48 по центру ядра вала, а яма 49 на краю вала со стороны рва, данные конструкции могли служить опорами надвратных сооружений, вероятнее всего, башни. По аналогии с материалами древнерусских и болгарских городищ можно предположить, что башня была подквадратной формы с размерами сторон 500 см (расстояние между ямами по центру).

Юго-восточная граница рва, выходящая на напольную сторону, была обозначена скоплением камней, западная граница со стороны насыпи вала – заполнением глины (рис.6–б). В районе проезда фиксируются остатки земляной перемычки, а во рву заметны следы многочисленных, достаточно бессис-

темных кольев. Колья диаметром 5–12 см, глубиной 10–30 см располагались на внешнем склоне рва. Такой прием в русской военно-оборонительной технике получил название «частика» или «щепей» (Косточкин В.В. 1969. С. 454).

Укрепления мысовой части городища менее внушительны и сохранились гораздо хуже. Вал деформирован и почти полностью оплыл в сторону склона. Ширина его основания составляла 500 см, сохранившаяся до настоящего времени высота вала, судя по стратиграфии, достигала 70 см. Также как и при строительстве вала с напольной стороны поверхность перед строительством освобождалась от растительности путем выжигания, от которого сохранилась углисто-золистая полоса в профиле северной стенки вала (рис. 8). Есть основания полагать, что основу вала составляла насыпь, состоящая из желтой супеси с вкраплениями камня и песчаника, которая обозначилась с глубины 35 см от уровня современной дневной поверхности. Контуры этого заполнения фиксировались в кв. А, Б/1-2 при зачистках на глубине 35–70 см, причем заполнение сокращалось в направлении к северной стенке раскопа. На границе квадратов А, Б/1-2 по краю заполнения из желтой супеси проходит полоса аналогичного заполнения, сильно, но бессистемно, насыщенного камнем различных размеров (от мелких до достаточно крупных валунов). Вероятно, данные камни были предназначены для укрепления насыпи и предотвращения ее быстрого осыпания. При зачистке на глубине 45 см от уровня современной дневной поверхности, на фоне желтой супеси на границе кв. А/2-3 заметны слабые контуры темно-коричневой слабо гуммированной супеси. Эти контуры фиксировались в профиле слабым заполнением и являлись, судя по стратиграфии, ядром вала в первый строительный период городища (рис. 8). Исследования 2004 г. позволяют говорить о том, что первоначальное ядро вала составляли деревянные конструкции из сучковатых жердей, впоследствии заполненные супесью (Никитина Т.Б. 2005. Отчет ... Л. 15).

Дневная поверхность вала обозначена темно-серой (практически черной) гуммированной супесью. Почти на вершине вала выявлена яма № 1 диаметром 20 см, глубиной 40 см с углисто-гумусным заполнением от опорного столба оборонительной стены второго строительного периода (рис. 8–а). Более подробно рассмотреть характер внутривальных и надвальных сооружений не представляется возможным из-за его сильной деформации. Интересен факт обнаружения в 2004 г. челюсти собаки и свиньи в основании вала на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности. Здесь же было прослежено скопление рыбьей чешуи и костей животных.

Ров в мысовой части городища использовался по назначению в первый строительный период городища. Первоначальная ширина рва – 440 см, глубина в центральной части (кв. А/6) – 90 см от уровня современной дневной поверхности и 350 см от сохранившейся верхушки вала. Дно рва укреплено крупными камнями. Нижняя часть рва заполнена коричневой гуммированной супесью, на которой лежит слой желтоватой супеси с мелким камнем, сползшей при разрушении насыпи вала (рис. 8–б). Во рву, в слое темно-серой супеси с углистыми включениями, зафиксирована серия столбовых ямок (№ 5–15), которые перерезали слой желтоватой супеси с мелким камнем, сползшей с насыпи вала. Наиболее глубокие ямы (№ 6, 9, 10, 15) имели в заполнении остатки дерева. Деревянные столбы в нижней части были обожжены, что предохраняло их от разрушения. Диаметр ям составляет 12–18 см (ямка № 9 подквадратной формы размерами 18 х 18 см), глубина – от 42 до 72 см. Столбовые ямы связаны со вторым периодом функционирования укреплений, что зафиксировано в профиле южной стенки рва (рис. 8–б). Выявленные столбы можно интерпретировать как остатки однорядной деревянной стены, являвшейся дополнительным укреплением внешнего склона рва, поскольку его глубина и крутизна к этому периоду была незначительна. В пользу более позднего характера вышеописанных столбовых ям свидетельствуют и данные палинологического анализа, поскольку в образцах из темно-серой супеси

отражены различные этапы в изменении споро-пыльцевых комплексов, что характерно для первой половины XV в.*

Таким образом, в ходе исследований 2003–2004 гг. выяснилось, что оборонительные сооружения Важнангерского (Мало-Сундырского) городища представляли собой сложную систему, включающую как внутривальные, так и надвальные конструкции; наблюдательную и надвратную башни, проезд (рис. 9, 10). Кроме укреплений с напольной стороны, существовали и укрепления наиболее пологого склона в мысовой части городища. В обоих случаях зафиксировано два периода функционирования укреплений, причем укрепления в мысовой части, по всей вероятности, к концу существования городища не имели оборонительного характера. Вероятно, на данном этапе, укрепления огораживали жилую площадку городища от выявленного ниже по склону святилища.

Основу вала с напольной стороны составляли срубные конструкции из нескольких секций, забутованных глиной. Использование срубных конструкций является достаточно распространенным способом строительства оборонительных сооружений в лесной полосе Восточной Европы. Они обнаружены на Суварском, Тигашевском городищах (Каховский В.Ф., Смирнов А.П. 1972; Смирнов А.П. 1950), городище Слободка (Никольская Т.Н. 1987. С. 30) и других памятниках Северо-Восточной Руси (Раппопорт П.А. 1956. С. 101–103) и Вятской земли (Макаров Л.Д. 2001. С. 16). На древнеудмуртском городище Иднакар IX–XIII вв. основу внутреннего вала составляла бревенчатая конструкция из срубов длиной 4,5–5 м и шириной 2,6–3 м, заполненных плотной красной глиной, в некоторых местах с примесью песка и гумуса. Разница в том, что срубы поставлены друг от друга на расстоянии 0,8–1 м (Иванова М.Г. 1988. С. 20–21). Наиболее близким к Важнангерскому (Мало-Сундырскому) городищу является городище Большая Тояба в Чувашии с той

* Палинологические исследования проведены в экспериментальной лаборатории ИА РАН Е.А. Спиридоновой, М.Д. Кочановой

разницей, что на последнем внутривальные конструкции выходят на уровень дневной поверхности (Смирнов А.П. 1950. С. 133–138).

Обмазка ската и внешней грани стены глиной, наличие земляной перемычки в районе проезда, конструкции надвальных и внутривальных сооружений в целом близки русским и болгарским строительным традициям (Смирнов А.П. 1950; Никольская Т.Н. 1987; Федоров-Давыдов Г.А. 1962).

Исходя из апробированной П.А. Раппопортом методики расчета объема работ, необходимых для строительства крепостей, можно определить примерное количество человек, необходимых для строительства фортификационных сооружений Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. За основу брались нормы старых русских справочников (напр.: Урочные положения на все вообще работы, производящиеся при крепостях, гражданских зданиях и технических сооружениях. Изд.2-е, СПб., 1839; Урочное положение для строительных работ. Утверждено в 1869 году. СПб., 1881), в которых учитывается 12-ти часовой рабочий день и исключительно ручной труд при норме выработки 2 куб. м. При расчетах объема грунта бралось среднее количество земли, использованной на строительство вала, с учетом исследований 2002 и 2003 г.

За основу возьмем расчеты П.А. Раппопорта, принятые для крепостей Юрьева-Польского (середина XII в.), Мстиславля (вторая половина XII в.) и Хабарова городка (конец XV в.). По хронологическому периоду и размерам вала (наружного) Важнангерскому (Мало-Сундырскому) городищу ближе Хабаров городок, по наличию внутривальных конструкций и площади крепости – Мстиславль.

Объем земли, использованной на строительство вала Важнангерского (Мало-Сундырского) городища, составил 2 827 куб. м. Сюда включен объем непосредственно вала и земли, сползшей в ров. Учитывая, что земля при выемке дает увеличение объема (в нашем случае грунт имеет смешанный характер – суглинок и супесь), применяется коэффициент 17 %. Для выполнения этих работ требуется (с учетом дневной выработки 2 куб. м.) 1173

чел./дн. Кроме того, для подноски этой земли на место сооружения валов, насыпки и трамбовки необходимо потратить еще столько же, соответственно, с учетом дополнительных нагрузок, затраты составят 2346 чел/дн. Кроме земляных работ, требуется учесть объем работ по строительству деревянных внутривальных конструкций, строительство башни, дополнительных стен, предохраняющих вал от осыпания, что составляет дополнительно 594 чел/дн.

Таким образом, по нормам урочных положений, для постройки Важнангерской крепости всего нужно было 2940 чел/дн. Учитывая совершенно справедливое замечание П.А. Раппопорта о том, что нормы урочных положений XIX в. отражают гораздо более совершенную организацию труда, чем в Древней Руси, а также гораздо лучшее качество строительных инструментов, полученные цифры можно увеличить в два раза, что составит 5880 чел/дн.

Принимая во внимание возможность выполнения строительных работ в лесной полосе с мая по сентябрь, в среднем 150 дней в году, для постройки крепости необходимо 39,2 чел/дн. Если предположить, что строительство крепости осуществлялось в течение одного строительного сезона, необходимое количество рабочей силы составляет 40 человек. Примерно такое же количество могло быть задействовано и в строительстве укреплений в мысовой части.

Судя по свидетельствам русских летописей, время строительства крепостей ограничивалось нередко лишь летним периодом, о чем свидетельствуют неоднократные указания на то, что «...заложен бысть городок» и «того же лета рублен был», в частности Переяславль «единого лета срублен бысть», укрепления Выборга построены в течении 2–3 месяцев, сгоревшие стены крупной крепости во Владимире восстановлены за 2 месяца, постройка города Коложе на новом месте осуществлена за две недели (Раппопорт П.А. 1961. С. 213). С учетом данных русских летописей вполне возможно ограничить строительный период двумя месяцами. В таком случае необходимое количество работников, задействованных в строительстве укреплений с на-

польной стороны, составит 98 человек, с учетом строительства укреплений в мысовой части – 196 человек.

§ 2. Жилища и хозяйственные постройки

За прошедшие годы накоплен значительный материал, позволяющий расширить сведения о домостроительстве марийцев в конце XIII–XV вв., однако в силу того, что в земляном грунте Марийского Поволжья дерево практически не сохраняется, сведений для реконструкции сооружений бывает недостаточно. В связи с этим, для понимания традиций домостроительства, планировки и интерпретации построек, выявленных в процессе археологических исследований, правомерно привлечение этнографических данных.

Жилые постройки

Исследователи средневековых поселений лесной зоны Восточной Европы выделяют два типа жилищ: наземные и полуземлянки. К полуземлянкам относятся жилые постройки, пол которых расположен ниже уровня земли, к наземным – жилые постройки, пол которых расположен на уровне земли или несколько поднят (П.А. Раппопорт, Б.А. Колчин, Г.В. Борисевич. 1985. С. 137).

На поселениях Марийского Поволжья преобладают наземные жилые постройки, которые выявлены на Красноселищенском II (2), Юльяльском (1) селищах, Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (1).

Жилища на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище и Красноселищенском II селище в плане имеют подквадратную форму, стены ориентированы по сторонам горизонта (рис.11–1; 12). Площадь построек составляет от 16 до 27 кв. м. Срубы ставились на землю без фундамента, в результате чего нижние венцы просели в грунт на глубину 10–15 см. Диаметр бревен, судя по фрагменту обугленного бревна в постройке Важнангерского (Мало-Сундырского) городища составлял не менее 20 см. С внешней стороны нижний венец был обмазан глиной, что хорошо прослежено по периметру жилой постройки. Возможно, глиной были обмазаны и нижние венцы построек на

селище Красное Селище, поскольку контуры построек, выявленных на глубине 15 см от древней дневной поверхности, представлены полосами оранжевого суглинка с гуммированными включениями, в то время как основное заполнение раскопа составлял темный гуммированный суглинок. Дерево в данном случае не сохранилось. Срубы постройки 1 на Красном Селище II и постройки на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, по всей вероятности, рублены в угол: выступы боковых стен за внешними контурами построек не прослежены (рис. 11–1; 12). У второй постройки на селище Красное Селище II отмечены выступы за контуры стен, в связи с этим, можно предположить, что сруб рублен в «чашу» с остатком (рис. 12). Никаких столбов для дополнительного укрепления кровли не обнаружено, вероятно, она опиралась на стропила, уложенные на боковые стены сруба.

Отопление жилищ осуществлялось посредством печей. На селище у д. Красное Селище II в юго-восточном углу обеих построек выявлены остатки печи. Постройка 2 изучена частично. Печь в первом жилище представляла собой скопление обожженной глины подпрямоугольных очертаний с размерами сторон 122 x 120 см. Это заполнение фиксировалось с глубины 10 см от уровня древней поверхности и продолжалось до 25–30 см. В центре заполнения на глубине 15–20 см выделялось зольно-углистое пятно размерами 48 x 60 см. Ниже продолжалось заполнение обожженной глины, под которым на фоне материковой глины обнаружены следы угловых столбов опечка. Остатки опорных столбов (ямы № 44, 46, 48) хорошо прослежены в плане (Никитина Т.Б. 1996. Отчет ... Рис. 4). Столбы достаточно мощные, диаметром до 28 см. Печь стояла вплотную к стенам жилища. В постройке зафиксирован ряд столбовых ям, позволяющий представить внутреннюю планировку жилища. Реконструкция жилища выполнена Т.Б. Никитиной (Никитина Т.Б. 2002. С. 49). Постройка срубного типа, с двухскатной крышей. Дверной проем, вырубленный в восточной стене, служил входом. Над ним и печью могли располагаться полати, занимавшие половину верхней части дома, опорные столбы от которых прослежены в плане (ямы № 49, 39). Вдоль западной и

частично северной стен постройки – лавки. По диагонали к печи, в красном углу, располагался стол, с которым связано гуммированное заполнение на уровне пола.

Глинобитная сводчатая печь в постройке на Важнангерском городище стояла в юго-западном углу, устье располагалось в северной стенке (рис. 11–1). Устье печи фиксировалось разрывом глиняной обмазки на плане и культурным слоем, сильно насыщенным костями животных в северо-западном кухонном углу напротив устья. Печь установлена на дощатый опечек, от которого сохранились обугленные доски. Нижнюю часть опечка проследить не удалось, скорее всего, он имел форму срубного ящика, так как опорных столбов не обнаружено. По этнографическим данным известно, что в марийских избах под печкой образуется свободное пространство (*кумага лубал*) вроде чуланчика, куда в старину прятали редкие домашние вещи так чтобы снаружи не было видно (Марийские постройки домов, надворные постройки. № 9. Л. 5).

Печь, как и в постройке на Красном Селище II, стояла вплотную к стенам жилища. У восточного угла печи со стороны устья выявлен печной столб (яма № 9), к которому, вероятно, крепилось два бруса, направленные под прямым углом к стенам. В соответствии с данными этнографии следует, что один брус («*кашта*») идет от печи к передней стене. Другой такой же брус идет от печи к боковой стене. Между ним и задней стеной вплоть до печи положены полати («*шолдр амбал*»). Передний брус делит дом на две половины: женскую и мужскую (Марийские постройки домов, надворные постройки. № 6. С. 5). В мордовском доме в печной столб был укреплен один конец приступков, по которым поднимались на печь, и этот столб имел название «*шалгом*» (Белицер В.Н. 1963. С. 170). Красный угол традиционно устраивался по диагонали с печью, а значит в северо-восточном углу. Здесь зафиксирована столбовая яма, которая могла являться опорным столбом стола.

Вход в жилище на плане не прослежен. Судя по расположению этой постройки на городище, вход в дом с западной стороны исключается, так как

там уже начинается склон и фиксируются остатки разрушенного мысового вала. С учетом расположения печного столба можно предположить наличие дверного проема в южной стенке.

При такой планировке жилища юго-восточный угол был занят лавками или спальными нарами (рис. 14—*a*). В рассматриваемой жилой постройке этот угол менее всего был насыщен находками.

Постройка, близкая к подквадратной форме, площадью не менее 24 кв. м была выявлена при исследовании средневекового селища у д. Юльялы (рис. 11—2). Заполнение подквадратной формы с сохранившимися размерами сторон 460 x 628 см выделялось на глубине 45 см от уровня современной дневной поверхности большим содержанием гумуса с вкраплениями мелких углей, редких кусочков обожженной глины или мелкой обмазки, рассеянных по всей площади заполнения. На глубине 50 см размеры заполнения несколько срезались и составили 464 x 528 см. В южном углу постройки зафиксирован развал печи, представленный скоплением обмазки. На глубине 35—40 см от современной дневной поверхности печь приобрела четкую подквадратную форму, с размерами сторон 140 x 140 см. Вдоль стенок развала печи практически сплошной линией отмечена обкладка песчаником. Под развалом печи выявлена полоса, сильно насыщенная крупным углем и фрагментами мелкой красной обмазки, которая может быть связана с остатками срубного опечка. Ширина полосы от 16 до 30 см. Длина сторон опечка, судя по сохранившимся фрагментам, составляла 178 x 178 см. (рис. 11—2). Характер обмазки и отпечатков на ней досок свидетельствует в пользу того, что печь была сводчатая. В качестве пода могли использоваться крупные камни песчаника, обнаруженные при снятии верхнего слоя обмазки. Устье печи, вероятно, располагалось со стороны северо-восточной стенки, поскольку здесь зафиксировано наибольшее скопление костей и керамики.

В постройке на Юльяльском селище печь расположена в южном углу постройки, но на небольшом удалении от юго-западной (90 см) и юго-восточной (108 см) стенок. Такое расположение печи находит аналогии в эт-

нографических материалах: «... Как правило, печь располагалась справа от входа на небольшом расстоянии от боковой и задней стен избы, обращенная топкой к передней стене избы. Свободное пространство между печью, задней и боковой стенкой не использовалась для прохода, а служило местом для хранения кухонной и другой бытовой утвари» (Козлов Л.И., Сепеев Г.А., 1986. С. 79).

В отчетах Т.А. Хлебниковой содержатся косвенные свидетельства о существовании на Важнагерском (Мало-Сундырском) городище как минимум 2 наземных жилищ (яма 4 на раскопе 1958 г. и в северо-восточной оконечности раскопа 6 – А.М.). К сожалению, говорить о полных размерах построек не приходится. Яма 4 из раскопок 1958 г. выделялось на глубине 30 – 35 см более темным цветом и насыщенностью мелкими кусками обожженной глины. Установленные границы ямы на этом уровне составили 285 x 200 см, по южному краю она заглублена в материк на 8 см по северному – на 20 см. В заполнении вместе с кусками обожженной глины много костей животных и керамики. По мнению исследователя, яма имела характер сбросовой (Хлебникова Т.А. 1967. С. 160) но, судя по незначительной глубине, вряд ли это было возможным. Вероятнее всего, данное сооружение является остатками развала печи жилой постройки, обнаруженного у южной стенки ямы 4. Здесь исследователем отмечено большое скопление обмазки, которое представляло собой «... хаотическое нагромождение отдельных более или менее крупных кусков обожженной глины вперемешку с золой. Некоторые куски имели сильно прокаленную поверхность. Ниже этого скопления – чистый необожженный песок» (Хлебникова Т.А. 1958. Отчет ... Л. 265).

Остатки второй жилой постройки выявлены и в северо-восточной оконечности раскопа 6, почти у современного края площадки городища. Здесь, на участках 68–71, отмечено «... много обожженной глины с известью очень плотно слежавшихся ...» (Хлебникова Т.А. 1958. Отчет ... Л. 268). Судя по профилю северо-восточной стенки участков 68 – 72, длина постройки могла составлять около 400 см, ширина прослежена лишь частично – 150 см. В пре-

делах постройки, в северо-восточной оконечности раскопа 6, наибольшая концентрация обожженной глины с известью отмечена на участке 71 у юго-восточной стенки. Вероятно это также остатки развала печи.

Безусловно, две последних постройки можно отнести к жилым, с определенной долей вероятности. Т.А. Хлебникова, отмечая характер заполнений, насыщенность фрагментами обожженной глины, в том числе и кусков от прокаленного пода, скопление керамики и костей в пределах данных сооружений, высказывает предположение о существовании на Важнагерском (Мало-Сундырском) городище наземных жилищ с печами (Хлебникова Т.А. 1967. С. 160), что подтвердилось исследованиями 2004 г.

Другой тип жилищ – в виде полуземлянки, представлен пока лишь на Важнагерском (Мало-Сундырском) городище (рис. 13).

Полуземлянка прямоугольной формы размерами по дну 600 x 290 см, углублена в материк на 120 см. Стены полуземлянки, также как и наземного дома, ориентированы по сторонам горизонта. Вдоль границ выявлены следы сгоревшего дерева шириной 3 – 4 см. Особенно четко проявилась западная, фрагмент южной, угол северной и восточной стен. По всей вероятности, это был сруб, впущенный в землю. Вход в землянку находился в боковой восточной стене, где фиксируются уступы, укрепленные камнем.

Почти по центру жилища и в восточной половине постройки выявлены две ямы (рис. 13–б). Одна из них (№ 13) была подполом глубиной до 80 см, имеющим деревянное перекрытие. Труднее определить функциональное назначение ямы № 14. Возможно, она использовалась в производственных целях, поскольку в заполнении обнаружены шлаки.

В полуземлянке выявлено две печи, располагавшиеся вдоль южной стенки в юго-западном (рис. 13–а) и юго-восточном (рис. 13–б) углах постройки. Печь с глинобитным сводом в юго-западном углу жилища имела в основании размеры 208 x 100 см, от свода сохранились фрагменты обожженной глиняной обмазки с отпечатками досок на одной из сторон. Вероятно, под печи был сложен из песчаника, поскольку отдельные плоские песчанико-

вые плиты имели следы нагара. Высокое расположение печи (в том числе и пода) по отношению к полу постройки и наличие развала камней под ней позволяют предположить, что мы имеем дело с типичной для марийских поселений печью, хорошо известной по этнографическим более поздним материалам. «Печь в избе ставится на сруб из еловых или сосновых бревен. Сам сруб опирается на камни, уложенные под углы, или на деревянные столбы, вкопанные в грунт. Установка печи на сруб является более распространенной. Сруб обычно делается невысоким и в зависимости от высоты подполья состоит из 4–5 венцов, рубленных по углам «в лапу». На сруб укладываются доски толщиной 40–50 мм в виде сплошного настила, который сверху покрывается слоем грунта. По грунту насыпается слой песка, по которому настилается под печи» (Козлов Л.Г., Сепеев Г.А. 1986. С. 79). Вокруг печи отмечена наибольшая концентрация керамического материала, здесь же выявлен развал сосуда.

Еще одна небольшая печка была обнаружена в юго-восточном углу, задней стенкой врезана в южную стенку постройки, образуя своеобразную нишу. Она фиксировалась с глубины 75 см и на дне постройки оформилась в заполнение прямоугольной формы размерами 108 x 80 см из прокаленной глины. Высота купольного свода печи, судя по южной стенке, могла составлять не менее 58–60 см. Хорошо фиксировалось устье печи, повернутое в северную сторону. Печь была установлена на земляной пол постройки. В непосредственной близости от этой печи расположена яма 14.

Характер данной постройки не совсем ясен. Во-первых, наличие двух печек в пределах одной постройки, во-вторых, в центре постройки на уровне пола жилища (-115 см) выявлены остатки погреба. Расположение погреба, как и наличие двух печек в пределах жилища, не является традиционным для марийских поселений. Вероятно, в данный период полуземлянки не имели большого распространения. Не случайно выявленная постройка располагалась во рву, а не на площадке городища.

В качестве пережиточной формы полуземляночные жилища сохраняются у многих финно-угорских народов вплоть до прошлого столетия.

«Пережиточной формой древнего полуземляночного жилища считают мордовский *выход*, или подвал, который можно встретить в современной мордовской деревне. *Выход* представляет собой полуземлянку, углубленную в землю на 1–1,2 м, площадью чаще всего 2,5 х 3 м. Стены его имеют деревянные крепления, крыша сделана из бревен на два ската и сверху покрыта дерном. Высота *выхода* по коньку 2,3–2,5 м. С поверхности в помещение ведет небольшая лесенка. Часто *выход* состоит из двух помещений, одно из них служит спальней, второе – складом для хозяйственных вещей (Горюнова Е.И. 1963. С. 130). Сохранилось и другое описание *выхода*: «*Выход* представлял собой полуземлянку, углубленную в землю на 0,70 м, а иногда до 1 м. Размер его варьировал от 3 х 4 до 4,5 х 6,5 м и более. Некоторые *выходы* состояли из двух камер, вдоль стен одной из камер обычно устраивались земляные нары. В подвал вели земляные ступеньки. В подвале хранили от пожара наиболее ценное имущество, одежду, постельные принадлежности, здесь же стояли кадушки с зерном и лари с мукой» (Белицер В.Н. 1963. С. 181).

Возможно, что обнаруженная полуземлянка имела сходное назначение. Одна ее западная половина с большой печью на опечке использовалась как спальное жилое помещение, а вторая восточная часть имела назначение производственного (яма № 14 со шлаками) характера и для хранения продуктов (подпол – яма № 13), которая подтапливалась маленькой печуркой. Между двумя частями дома прослежена перегородка в виде углистой полосы.

На поселениях этого периода обнаружены в подавляющем большинстве дома наземной срубной конструкции. Хотя наличие полуземлянок также не исключено. Например, в результате рекогносцировочных раскопок на селище IV у д. Красное Селище и Удельно-Шумецком II селище зафиксированы котлованы от полуземлянок, прослеженных на поверхности в виде впадины. Но говорить о функциональном назначении этих построек на сегодняшний день преждевременно.

Таким образом, в рассматриваемый период преобладают наземные жилые постройки срубного типа, подквадратной формы с ориентировкой стен по сторонам горизонта. Наземные дома с печным отоплением в XIII–XV вв. становятся обычным явлением. Печи устанавливались на столбовой или срубный опечек, в одном случае печь установлена на грунт. Многие детали планировочной структуры и строительные приемы находят аналогии в домостроительной технике соседних народов Среднего Поволжья. Наземные дома, расположенные без всякого порядка, площадью 4 x 5 м обнаружены на селище XIII–XIV вв. Полянки Ковылкинского района в Мордовии. Интересно, что бревна снаружи обмазывались слоем глины. Куски найденной в культурном слое обмазки имеют на одной стороне отпечатки дерева (Горюнова Е.И. 1963. С. 144). Стены обмазывались снаружи глиной для утепления и в домах волжских булгар (Шарифуллин Р.Ф. 1993. С. 62).

Анализируя жилые постройки следует отметить, что основные типологические признаки жилищ XIII–XV вв: подквадратная форма, ориентировка стен по сторонам горизонта, срубная конструкция, расположение печи в южном углу, находят преемственность в постройках I и рубежа I–II тысячелетий, в частности, на Сомовском II городище (VII вв.), Удельно-Шумецком селище (рубеж I–II тысячелетий), Васильсурском V (XI–XIII вв.) городище (Никитина Т.Б. 2002. С. 48–52).

Хозяйственные постройки

Кроме жилых сооружений на поселениях обнаружено большое количество ям различных размеров, имеющих разнообразный характер заполнения и состав находок. Большинство из них представляют остатки хозяйственных или производственных сооружений.

По функциональному назначению они подразделяются на клетки-амбары, погреба, кухни – *кудо*, овины, сараи-навесы.

Разделение хозяйственных объектов на группы произведено по схеме, предложенной Т.Б. Никитиной с использованием имеющихся в этнографической литературе типологических схем (Никитина Т.Б. 2002. С. 53).

Одним из распространенных объектов марийского двора по этнографическим данным является *погреб* – яма для сохранения портящихся продуктов. Погребки имели наземное перекрытие в виде шалаша, жердевого остова, плетня и др. Нередко они устраивались в подклети или под навесом между постройками двора. По археологическим материалам погреб должен быть заглублен в материк не менее чем на 1 м.

Этнографами приводится следующее описание погреба: «это было углубленное помещение, стены которого укреплялись вертикальными бревнами, реже обкладывались камнями. Сверху над погребом делался небольшой сруб с односкатной крышей» (Сепеев Г.А. 1975. С. 130). Наиболее архаичной формой «надпогребницы» является, вероятно, конусообразное покрытие из жердей и досок зафиксированное А.О. Хейкелем у поволжских марийцев. (Хейкель А.О. 1888. С. 96; Сепеев Г.А. 2000. С. 221; Сепеев Г.А. 2005. С. 97).

В настоящее время погреба выявлены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (5), селище Красное Селище II (1), Сутырском V селище (1).

Примером округлого погреба является яма № 8, выявленная в раскопе 1964 г. на Важнангерском городище (рис.15). Яма имела в плане почти правильный круг, диаметром 380–390 см, глубиной 140 см. По ее контуру отмечено 22 округлых пятна диаметром от 6 до 14 см. В профиле ямы, в слое серой супеси, составлявшей верхнее заполнение, и чуть выше ее дневного уровня отмечено прогнущееся над ямой более гуммированное наслоение с большим количеством угля. С северо-западной стороны ямы прослежен уступ шириной 40 см, возможно, здесь и был вход. Т.А. Хлебникова считала, что существовала наземная часть погреба в виде плетня (Хлебникова Т.А. 1967. С. 157, 158). Но, судя по диаметру ям от столбов, здесь сохранились остатки погребов с традиционной для марийцев напогребницей из жердевого остова, зафиксированной по этнографическим материалам (Никитина Т.Б. 2002. С. 55). Реконструкция погреба представлена на рис. 14–б.

Яма № 1 из раскопок 2002 г. на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище имела округлую форму диаметром 250 см, первоначальные контуры которой обозначились на глубине 30 см от современной дневной поверхности (рис.15). Глубина заполнения составляет 106 см. В северо-восточной стороне отмечено скопление твердой (слегка обожженной или высушенной) глины. Вокруг ямы фиксировались столбовые ямки со слабогумированным заполнением (ямы № 2, 3, 6, 7), являвшимися вероятно, остатками напогребницы.

Округлый в плане погреб выявлен на селище Красное Селище – яма 23 из раскопок 1997 г., диаметром 280 см, глубиной заполнения 124 см (рис. 15). Вокруг ямы не прослежено дополнительных столбов, поскольку данный участок нарушен при подсыпке земли, но какая-то конструкция напогребницы, безусловно, должна была быть, о чем свидетельствует углистая прослойка в профиле ямы.

Дно погребных ям 1 и 2 из раскопок 2004 г. Важнангерского (Мало-Сундырского) городища подстилали камни, яма № 2 по контуру боковых стенок была обложена камнем. Укрепление стенок и дна погреба камнями также соответствует традиции, прослеженной в марийских деревнях по этнографическим источникам (Сепеев Г.А. 1975. С. 130).

Погреб глубиной 120 см из раскопок 1983 г. на Важнанагерском (Мало-Сундырском) городище изучен частично. Яма 1 имела подпрямоугольные очертания с длиной сохранившейся стенки 320 см. Вдоль западной стенки прослежен выступ. Дно ямы ровное, с незначительным углублением в центре (рис. 16–б).

Вероятно в качестве погреба использовалась яма № 4 (раскоп 9, 1964 г.) на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище. Пятно подтрапецевидной формы с закругленными углами было выявлено на глубине 40 см с размерами сторон 440 x 280–320 см (рис. 18). Яма подробно охарактеризована Т.А. Хлебниковой, определившей два периода функционирования ямы, которая первоначально использовалась как погреб (Хлебникова Т.А. 1967. С.

155–157). Стенки заглубленной части были укреплены вертикально стоящими горбылями (?). Яма имела уступы. Вдоль северо-западной стенки прослежен уступ шириной около 120 см. Разрез юго-восточной части ямы также показал наличие уступа, на котором лежали бревна. Это выступ может быть связан либо с конструкцией стен, либо со спуском в погреб.

Небольшой подпрямоугольный в плане погребок размерами 254 x 154 см был исследован при раскопках Сутырского V селища (Никитин В.В. 2000. С. 19). При разборке ямы отчетливо прослежены следы свалившихся деревянных конструкций, фрагменты обугленных бревен, плах. Вероятно, над погребом существовала деревянная конструкция, от которой сохранились опорные столбы №№ 1 – 9. У северного края сооружения существовал пологий спуск к углубленной части ямы, что отчетливо прослеживается в профиле по линии Д–Е. Заглубленная часть погреба составляет 108 см. Стенки и пол погреба были обложены деревом, о чем свидетельствуют остатки обуглившихся бревен и плах вдоль восточной стенки ямы (рис. 16, разрез В–Г).

Достаточно распространенным типом построек марийского двора по данным этнографии являются клетки, амбары, которые сохраняются вплоть до настоящего времени (Сепеев Г.А. 1975, 2002; Козлова Т.А. 1958). Очень часто клеть имела подклеть в виде погреба, где хранились скоропортящиеся продукты. Клеть использовались как для хранения утвари, одежды, так и в качестве летнего жилья. Амбар служил для хранения зерна, нередко в нем устраивали ручную мельницу. Пол амбара, как правило, был поднят над землей на столбах. К сожалению, данный тип постройки трудно уловим археологическими методами изучения. Следует отметить, что вплоть до XIX вв. у марийцев нет четкого разделения клетки и амбара, возможно, здесь имеет место совмещение функций.

На поселениях XIII–XV вв. обнаружено восемь построек, которые могут быть отнесены к клетям-амбарам.

Постройка срубного типа на Юльяльском селище (раскоп 1989 г.) имела размеры сторон 280 x 200 см. (рис. 17–б). Стены ориентированы по линии

ям северо-запад – юго-восток и юго-запад – северо-восток. Судя по выступам за контуры стен, сруб рублен с остатком, в «чашу». Постройка заглублена на 20 см, в центре – яма прямоугольной формы с размерами сторон 92 x 128 см, глубиной 30 см. У восточного угла сооружения прослежены углистые полосы, в пределах которых выявлены два столба. Данная постройка, безусловно, должна была иметь деревянное перекрытие (пол ?), в таком случае ее можно рассматривать как клеть с небольшой подпольной ямой.

Клетью с подпольем является срубная постройка 1 из раскопа 2 (2002 г.) Важнангерского (Мало-Сундырского) городища, которая имела в плане прямоугольную форму с размерами сторон по полу 320 x 290 см. (рис. 19–а). Боковые стороны расположены по линии северо-запад – юго-восток. В северном углу на одной из стенок имелся выступ шириной 20 см, возможно, строение срублено с остатком, «в чашу». Почти по центру зафиксирована яма диаметром 280 см, глубиной 80 см. Заполнение состояло из коричневой плотной гуммированной супеси, в котором найдены развал сосуда, разрозненные фрагменты керамики, камни. Постройка имела два периода использования.

Хозяйственная постройка с погребом изучена на Носельском III селище. Материалы исследований опубликованы (Архипов Г.А. 1982). Первоначальные контуры в виде неправильного прямоугольника имели размеры 450 x 250 – 360 см. Заполнение выделялось по насыщенности углисто-гумусными включениями. На гл. 35–40 см в восточном углу постройки оконтурилась яма округлой формы размерами 250 x 200 см, глубиной 140 см. В заполнении отмечены древесные включения, на дне найдены обломки жернова. Данная яма являлась погребом и имела деревянное перекрытие. Следует отметить, что в границах постройки (но вне ямы) отмечены включения обожженной глины, в 10 см от западной стенки ямы скопление имело округлую форму диаметром 48 см. Здесь между краем ямы и скоплением обожженной глины найден еще один жернов. Постройка, по всей видимости, была срубной. Вдоль ее восточной стенки прослежена углистая полоса, оставшаяся от бревна. По северному

краю выявлены две неглубокие столбовые ямы. Возможно, данное сооружение являлось амбаром с погребом, в котором размещалась и ручная мельница.

Как клеть с погребом может быть рассмотрена и яма № 2 на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище из раскопа б 1958 г., от которой зафиксирован лишь юго-восточный угол (рис. 18). Судя по сохранившейся части, постройка имела подпрямоугольную форму, ориентирована по сторонам горизонта. С восточной стороны сохранились столбовые ямы от наземной части. В юго-восточном углу располагалась яма, заглубленная в материк на 120 см. В плане яма имела овальную форму размерами 440 x 360 см. На дне погреба обнаружены остатки древесной коры. Т.А. Хлебникова предложила следующую реконструкцию данного сооружения: яма размерами 3 x 4 м с отвесными стенками, с уступами с северо-западной и юго-восточной стороны, имела прочное древесное перекрытие, являвшееся одновременно полом наземной постройки, от которой сохранились следы от вертикально вбитых столбов. Пол подпола выстлан древесной корой. По мнению Т.А. Хлебниковой, постройка представляла собой летнее жилище марийцев (Хлебникова Т.А. 1958. Отчет... Л. 201–202). Вероятнее всего, в данном случае постройка представляла собой клеть с погребом, наземная часть которой могла использоваться и в качестве летнего жилища. Находки бытовых вещей (замок, шило, пряслица и т.д.) подтверждают его жилой характер. Хозяйственные постройки, совмещающие функцию кладовой и летнего жилья, известны и у других финно-угорских народов, в частности, у мордвы (Горюнова Е.И. 1961. С. 167) и удмуртов (Семенов В.А. 1982, 1985).

Четко прослежена двухуровневая традиция в постройке на селище Красное Селище (раскопки 1995 г. яма № 3). Постройка подквадратной формы с размерами сторон 215 x 215 см заглублена в материк на 80 см. (рис. 17–а). Подполье отделялось от наземной части деревянным перекрытием, являвшимся одновременно полом постройки. Пол (юго-восточная часть) был обмазан глиной, о чем свидетельствует прослеженная в профиле и на плане,

вдоль восточной и западной стен постройки, прослойка обожженной глины. Дно подполья было выложено деревом, от которого сохранилась углистая прослойка толщиной 6 см. Возможно, стены подполья также были укреплены деревом. От южного угла постройки в южном направлении под прямым углом уходит в кв. А'/1 уходит гуммированная полоса, которая, по всей видимости являлась остатками навеса.

Интересное сооружение было исследовано на Важнагерском (Мало-Сундырском) городище (яма № 12) в 2000 г. (Никитина Т.Б. 2001. С. 10). Изначально яма представляла собой гуммированное заполнение аморфных очертаний с интенсивным вкраплением угля и обожженной глины. На глубине 55 см яма приобрела округлые очертания диаметром 360 см (рис. 19–б). На глубине 60 см в северной и северо-восточной половине ямы обнаружено скопление крупных камней, обмазанных глиной и развалы от пяти сосудов. Глина сильно обожжена. Здесь же встречались крупные куски угля. На глубине 65 см вдоль контуров в восточной половине ямы выявлено сплошной полосой заполнение обожженной глиняной обмазки. Общая глубина ямы № 12 составляет 75 см., в материк она заглублена на 60 см. На дне прослежена углистая прослойка толщиной 4–6 см. Дно ямы под углистой прослойкой (в северной половине) было выложено камнями (естественное ?). В профиле ямы зафиксированы четкие прослойки обожженной глины толщиной до 20 см. С верхней прослойкой глины связаны находки большого количества керамики, в том числе пять развалов сосудов с нагаром, пряслице, три ножа, ключ, три монеты. Характер залегания находок, а также стратиграфия ямы 12 позволяют говорить о том, что она имела деревянное перекрытие, которое для придания прочности, было обмазано слоем глины, впоследствии хорошо просушенной (или обожженной). С северной стороны к яме примыкает гуммированная полоса шириной 78 см, длиной 166 см, с западной также фиксируются остатки гуммированного заполнения размерами 160 x 310 см.

Характер находок свидетельствует о хозяйственном назначении (горшки, кости животных и рыбы, ножи) сооружения, вероятнее всего в качестве

клетей с подпольем. К сожалению, сложно определить тип постройки по технике строительства.

На Сауткинском селище, благодаря тому, что постройка горела, четко прослежены следы укрепления досками стен и пола заглубленной части постройки, от которых сохранились полосы зольно-углистой и углистой супеси. Перекрытие, разделявшее наземную часть от подпола, прослежено в профиле в виде углистой супеси. При расчистке в этом слое фиксировались фрагменты обожженных досок. От упавших стен и перекрытия наземной части постройки на плане зафиксированы полосы золистей супеси с обеих сторон котлована. О размерах постройки можно судить лишь приблизительно, поскольку часть разрушена обрывом. Длина юго-восточной стороны постройки составила 320 см, длина юго-западной стенки прослежена на 100 см (Никитина Т.Б. 1995. С. 133).

Судя по археологическим материалам, наземные сооружения с небольшим подпольем являлись достаточно распространенным типом построек на марийских поселениях, что подтверждается и этнографическими материалами. Определенная преемственность двухуровневой традиции также находит отражение в этнографии. В наиболее ранних описаниях клеток приводятся данные о том, что клетки-амбары были на столбах (Фукс А. 1840. С. 293). К.И. Козлова считает, что из клеток на столбах путем застройки свободного пространства между столбами и возникли двухэтажные клетки (Козлова К.И. 1958. С. 117). Вероятно, существовавшие в первой половине второго тысячелетия клетки с небольшим подпольем и являются наиболее древними формами двухэтажных клеток.

В этнографических материалах в качестве особенностей марийской усадьбы отмечено строение «*кудо*», которое использовалась как кухня, летнее жилье и место проведения семейных жертвоприношений (Сепеев Г.А., 2005. С. 97). В этнографической литературе сохранилось следующее описание: «*Кудо*... представляла собой срубное строение с двускатной крышей, без окон, пола и потолка, с открытым очагом посередине. На уровне потолка

между торцовыми стенками укладывались два параллельных бревна. Они служили опорой для передвигающегося по ним Т-образного шеста с крюком в нижнем конце, на который подвешивались котлы. У луговых и восточных марийцев дверь прорубалась в торцовой стенке, у горных – иногда в боковой» (Сепеев Г.А. 2005. С. 97). В отдельных описаниях *кудо* представляет собой просто шалаш с очагом и котлом над ним (Горные черемисы. 1853. С. 226).

С точки зрения археологии хорошо уловимыми признаками *кудо* является только открытый очаг. Вокруг таких очагов фиксируется наибольшее скопление керамики, индивидуальных находок. Постройку над очагом трудно зафиксировать, иногда она угадывается только по наличию столбов или натопанного гуммированного заполнения вокруг.

На памятниках конца XIII–XV вв. (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище, Красноселищенское, Нижнешелаболкинское селища) найдены мощные очаги диаметром 100–150 см, содержащие кухонные отходы. Вокруг таких очагов фиксируется наибольшее скопление керамики, индивидуальных находок. Возможно, здесь существовали какие-то легкие постройки (навесы?).

Например, вокруг ямы 3 на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (р. 2, 2002 г.) прослежены столбовые ямки диаметром 20–22 см, глубиной 18–20 см, которые могли быть опорными столбами навеса над очагом. Возможно, с остатками очага можно связать и Сооружение А на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (раскоп 1983 г.), представленное овальным пятном, размерами 180 x 120 см. В заполнении ямы сильно гуммированная супесь, на дне прокаленная глиняная подушка. Вокруг этого сооружения (к югу) полукругом располагалось 10 столбовых ямок, диаметром 20–24 см, глубиной 12–28 см.

На средневековых поселениях марийцев второго тысячелетия пока не найдено прямых свидетельств о функционировании производственных сооружений. К числу производственных можно, с определенной долей вероят-

ности, отнести постройку, исследованную В.В. Никитиным на Юльяльском селище в 1987 г. (Никитин В.В. 1987). О ее конструктивных особенностях говорить сложно, поскольку она сильно разрушена береговой линией. Сохранившиеся размеры сооружения 520 x 40–150 см. Постройка заглублена в материк на 40 см. Вдоль сохранившихся стен сооружения, но не в котловане, выявлены остатки столбовых ям диаметром 20–50 см, глубиной 20–40 см. В юго-восточном углу постройки зафиксированы остатки очага (?) подквадратной формы с длиной сохранившейся стороны 90 см, глубиной 60 см. В заполнении ямы сверху были прослежены куски глиняной обожженной обмазки, фрагменты угля, на дне – углистая прослойка. Судя по находкам в яме кусков железных шлаков, крицы, обломков железных предметов, сооружение могло иметь производственный характер.

Остатки опорных столбов, предположительно от сарая-навеса для транспортных средств и хранения хозяйственного инвентаря обнаружены в предвальной части Важнангерского (Мало-Сундырского) городища в раскопе 1983 г. Западная часть этого сооружения находится достаточно близко от сильно утрамбованной интенсивно гуммированной площадки прямоугольной формы, которая вполне могла быть полом стойла для лошадей. По соседству обнаружен обломок конского стремени.

Овины-шиши, предназначенные для сушки снопов, являются обязательной принадлежностью марийской усадьбы по этнографическим материалам. Для этих целей могла быть использована яма 4 раскопок 1964 г. на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище во второй период функционирования (рис. 18). По мнению Т.А. Хлебниковой, вторичным использованием ямы № 4 могло быть в качестве заглубленного в землю жилья с очагом (Хлебникова Т.А. 1964. Отчет... Л. 157). Небольшие размеры этого строения в углубленной части (менее 2 м в ширину по полу) делают такое жилье очень трудным в эксплуатации. Скорее всего, сооружение вторично использовалось в качестве овина. Описание овинов вполне соответствует обнаруженным конструктивным деталям ямы № 4 (жерди, ступеньки, слой сажи и золы, угли-

стая прослойка от древесного перекрытия). «Горные черемисы имеют отчасти находящиеся под землей риги, которые называют *Än*. Она представляет печь», «которая вделывается в отрытой в земле яме (*tepenä или än // kuda*). В нее заходят через особое входное отверстие. Крыша ямы (*än kuda lewäš или än wilwäl*), которая сделана из досок и земли, находится на уровне земляного пола, за исключением места печи, поверх которой ставят длинные жерди (*än rawa*) конусообразно. Верхние концы жердей соединены, а как опору нижних концов забивают широкие колышки в землю и вокруг шара из жердей обвязывают пояса из прутьев, которые поддерживают все *Än* – строение. Рядом с *Än* вкопан толстый ствол дерева, на котором не срублены сучья, или укреплены короткие поперечные деревяшки; этот ствол используют как направляющий при сооружении стога. Чтобы не сыпалось зерно вниз на печь и не падала на нее солома, поверх печи на одинаковой высоте с земляным полом кладут поперечные деревяшки, которые закрыты липовой корой. Так что просушенный урожай ложится на сухое место рядом с ригой» (Хейкель А.О. 1888. С. 1–2). «А у чуваш и марийцев вместо овинов употребляется шиши, которые образуют конус из поставленных на землю жердей, сверху связанных. Сии жерди обкладываются снопами. Внутри жгут дрова» (История Марийского края в документах и материалах. 1992. С. 475).

На поселениях прослежено несколько ям достаточно крупных размеров, которые не содержат выразительных культурных остатков, имеют слабогумированный слой и не подлежат интерпретации. Они могли возникнуть при различных обстоятельствах. Например, известно, что марийцы «... выкапывают яму и извлеченную землю насыпают в нее, если земля в яме будет с верхом, значит можно строиться, а если яма не наполнится, то на данном месте строить нельзя» (Сепеев Г.А. 1965. С. 91). Данные ямы могли также входить в комплекс хозяйственных построек, которые, к сожалению, не всегда удается выявить при археологических раскопках.

Таким образом, по технике строительства сооружений на марийских поселениях мы можем выделить срубные и столбовые. К постройкам срубно-

го типа относятся жилые (Красное Селище, Важнангерское (Мало-Сундырское) городище, Юльяльское селище) и хозяйственные постройки (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище). Среди столбовых большинство составляют хозяйственные постройки типа клетей, погребов. По вертикальному членению постройки могут быть разделены на наземные и полуземлянки. Полуземляночные постройки являлись, по-видимому, исключением. В одном случае это постройка, расположенная во рву (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище), во втором – производственное сооружение (Юльяльское селище). Остальные постройки относятся к наземным сооружениям.

При анализе планов раскопов с марийских поселений XIII-XV вв. наблюдается компактное расположение построек, позволяющее предположить наличие каких-то ограничений пространства. Традиционная марийская усадьба, состояла из двух частей. Основной ее частью являлся двор с жилыми и хозяйственными постройками повседневного пользования. Примером средневекового двора могут являться комплексы жилища и хозяйственных построек, выявленных на селищах у д. Красное Селище, д. Юльялы, Важнангерском (Мало-Сундырском) городище.

На мысу городища комплекс построек состоял из наземного срубного дома, 2 погребов, хозяйственных ям, составляющих часть одной усадьбы (рис. 11–а). В предвальной части городища можно выделить часть усадьбы, представленную навесом для транспортных средств, сараем для скота и *кудо* (Сооружение А). Фрагменты усадеб сохранились также в пределах раскопа 9 (1958, 64) где выявлен комплекс из клетки с подполом (Яма 2), легкой столбовой постройки, погреба–яма 4 (Хлебникова Т.А., 1967); на Красном Селище к востоку от жилища 1 выявлена клеть с подпольем–яма 3, 5 ям различного хозяйственного назначения: ямы 1, 2, 4, 5, 12 (рис. 12).

Глава 3. ВЕЩЕВОЙ ИНВЕНТАРЬ

§ 1. Керамика

Наиболее массовой категорией находок на поселениях является керамический материал. В целом он составляет более 16 тыс. фрагментов глиняных сосудов. Керамика поселений, представлена, как правило, очень мелкими фрагментами, не всегда пригодными для обработки. Население Марийского Поволжья в XIII–XV вв. находилось на стадии освоения гончарного круга. Значительная часть сосудов лишь подправлена на круге, что прослеживается в основном по горловине и венчику. Поэтому в статистическую обработку введено только 2 289 фрагментов. Основным источником при характеристике керамики послужили коллекции Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (1983, 1999–2005 гг.), Красного Селища II, III (1995–1998 гг.), Юльяльского (1987, 1988, 2002 гг.), Носельского (1958, 2004 гг.) селищ. Массовость коллекций этих памятников позволяет проследить традиции и закономерности в производстве керамики. Керамические коллекции селищ, обследованных в результате разведочных работ: Важнангерское, Сауткинское, Нижние Шелаболки, Шунангерское II, Шартнейские I и II, Носельские I и II и т.д., вследствие малочисленности материала, не позволяют проследить закономерности или серийность в типах сосудов и оформлении вариантов венчиков. В связи с этим при анализе показатели с этих памятников приводятся в числовом выражении без подсчетов процентных соотношений.

Исследование преобладающей части керамики проводилось в рамках визуально-интуитивного подхода, при этом учитывались такие показатели как техника формовки, состав теста, обработка поверхности, особенности обжига, общие очертания формы и ее особенности. При этом 77 фрагментов керамики подверглись технико-технологическому анализу, проведенному в керамической лаборатории Института истории и археологии Поволжья к.и.н. И.Н. Васильевой (г. Самара).

Состав теста определялся визуально по наличию или отсутствию видимых примесей, прослеживаемых при наличии их в изломе черепка и на поверхности сосудов. По результатам технологического анализа в лепной и круговой посуде определена примесь песка и песчаниковой дресвы. Песок очень крупных фракций (до 3 мм), что не всегда позволяет отделить его от дресвы. Данные технологического анализа свидетельствуют о том, что в качестве примеси к тесту использовался органический раствор. Учитывая, что следы органического раствора трудно обнаружить визуально, данная примесь не выделяется отдельно. Анализ оформления керамики, орнамента производится описательно, путем осмотра.

Рассмотрение морфологических признаков, ввиду фрагментарности керамического материала, производится на двух уровнях. На первом рассматриваются разновидности оформления края венчика, на втором – изменение формы сосуда. При характеристике оформления края венчика вводится понятие «вариант», внутри варианта выделяются разновидности.

В основу классификации керамики на втором уровне положены пропорции верхней части сосуда, дающие представление о вытянутости по вертикали и горизонтали. Учитывая тот факт, что большинство существующих методик обработки керамики разработаны на материалах погребальных комплексов и рассчитаны на целые формы, для классификации посуды поселений наиболее приемлемы разработки А.М. Обломского (Обломский А.М. 1985. С. 90–106). Суть их в том, что для расчета пропорций сосуд по месту наибольшего расширения тулова делится на две части: нижнюю и верхнюю. Пропорции верхней части сосуда описываются тремя соотношениями: $D1:H2$, $D2:H2$; $D3:H2$, пропорции нижней части: $D3:H1$; $D4:H1$. Первые три показателя отражают соотношение диаметра горловины по венчику ($D1$) к высоте верхней части ($H2$), соотношение диаметра горловины в месте наибольшего сужения ($D2$) к высоте верхней части сосуда ($H2$), соотношение диаметра наибольшего расширения тулова ($D3$) к высоте верхней части ($H2$). Соотношения нижней части показывают степень ее растянутости в месте

наибольшего расширения и у дна относительно высоты нижней части. По каждому из соотношений были построены графики ранжира (рис. 20). На всех графиках пропорций верхней частей выделяются группы, которые представляют собой полосы точек, отделенных друг от друга интервалами, которые всегда превышают расстояние между точками внутри соседних групп. В ходе обработки материала установлено, что показатели Д3:Н1; Д4:Н1 имеют очень маленький интервал и не составляют отдельные группы. Поэтому при выделении групп по соотношениям учитывались показатели Д1:Н2, Д2:Н2 и Д3:Н2. В результате выделено 4 группы (рис. 20).

В конечном итоге описание пропорций горшков после проведенных подсчетов сводится к указанию группы, в которую попадает точка значения пропорций на каждом из трех графиков пропорций верхней части. Таким образом, при выделении типа сосудов учитывались сочетание соотношений трех пропорций сосудов. В связи с тем, что пропорции не отражают профилировку сосуда, внутри типа выделяются подтипы, в основу которых положено изменение верхней части сосуда.

По технике изготовления керамика поселений подразделяется на лепную и круговую.

Лепная керамика представлена 302 фрагментами венчиков.

Вариант 1 – 75 экз. (ВГ – 44 экз.; КСС – 24 экз.; ЮС – 4 экз.; ВС – 2 экз.; НШС – 1 экз.)¹. Край плоский, срезан параллельно дну сосуда (рис. 21–1). Данное оформление используется у горловины цилиндрической формы. Сосуды изготовлены из глины преимущественно с примесью шамота или дресвы. Данный вариант оформления края венчика отмечен на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, где в комплексе лепной керамики составляет 27,5 %, на Юльяльском селище – 15,3 %, на селище Красном Селище III – 24,2 %. В качестве самостоятельной примеси к тесту преобладают шамот от 6,1 % до 11,5 %. Из смешанных примесей преобладает шамот с

¹ ВГ – Важнангерское (Малосундырское) городище, КСС – селище Красное Селище II, ЮС – Юльяльское селище, ВС – Важнангерское селище, НШС – Нижнешелаболкинское селище I, СС – Сауткинское селище.

дресвой составляющий на селище Красное Селище II 15,1 %, на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище—6,9 %, на Юльяльском селище 11,5 % .

Вариант 2 – 138 экз. (ВГ – 69 экз.; КСС – 53 экз.; ЮС – 9 экз., ШС – 2 экз.; НШС – 1 экз.; СС – 4; НС – 4 экз.). Край округлый, иногда сужающийся в верхней части. Встречается преимущественно у сосудов с раструбовидной горловиной (рис.21–2, а, б; 33–3). На Важнангерском (Мало-Сундырском) городище данный вариант венчика составляет 43,1 %, на Юльяльском селище – 34,5 %, на Красном Селище – 53,3 %. В качестве самостоятельных примесей на поселениях Важнангерской (Мало-Сундырской) округи использовался преимущественно шамот (от 15,4 % до 21,9 %), на Красном Селище преобладает дресва и песок (11,1 и 15,1 %, соответственно). Из смешанных примесей на поселениях преобладает шамот с дресвой, который составляет от 10,0 % до 15,1 %.

Вариант 3 – 43 экз. (ВГ – 24 экз.; КСС – 10 экз.; ЮС – 7 экз.; ВС – 1 экз.; ШС – 1 экз.). Оттянутый наружу короткий венчик с приостренным краем, от сосудов, у которых шейка отсутствует или слабо выражена (рис.21–3, а-в). На Важнангерском (Мало-Сундырском) городище этот вариант венчика составляет 15,0 %, на Юльяльском селище – 7,8 %, на Красноселищенском селище – 10,1 %. В качестве преобладающей примеси к тесту отмечены дресва (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище – 6,3 %), шамот (Юльяльское селище – 7,8 %), песок (селище Красное Селище 3,0 %).

Вариант 4 – 40 экз. (ВГ – 17 экз.; ЮСС – 11 экз.; КСС – 12 экз.). Венчик от раструбовидной или блоковидной горловины с кососрезанным во внешнюю сторону краем (рис. 21–4, б, в; 32–7). Данный вариант венчика отмечен на всех поселениях и в процентном соотношении составляет от 10,6 % до 42,4 %. У сосудов с таким оформлением края преобладающей примесью является на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище и Юльяльском селище шамот с дресвой (5,0 % и 7,8 %, соответственно), на Красноселищенском селище – шамот с песком – 4,0 %.

Вариант 5 – 6 экз. Незначительно отогнутый или прямой венчик от сосудов с цилиндрической или раструбовидной горловиной, срезан под острым углом с внутренней стороны. В лепной посуде представлен лишь на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, где составляет 3,8 % от лепной керамики (рис. 21–5).

Перейдем к типологии сосудов по форме и соотношениям пропорций верхней части (уровень 2). В лепной посуде выделено два типа горшков.

Тип 1 – 10 экз. Сосуды усеченно-конической формы с выраженными плечиками и наибольшим расширением тулова в верхней трети сосуда, имеющие пропорции $D_1:H_2 = 3,58-4,00$, $D_2:H_2=3,38-3,80$, $D_3:H_2=4,08-4,45$ (рис. 24; 33–3). На Важнангерском (Мало-Сундырском) городище представлен 6 сосудами, на селище Красное Селище – 4 сосудами. У сосудов этого типа отмечена горловина раструбовидной формы, край венчика округлый – вариант 2. В одном случае по краю венчика с внешней стороны отмечен орнамент в виде косых насечек.

Тип 2 – 14 экз. Горшки с плавным переходом к слабовыпуклыми плечикам, с наибольшим расширением ближе к середине сосуда имеющие пропорции: $D_1:H_2=2,15-2,80$; $D_2:H_2=2,18-2,50$, $D_3:H_2=2,90-3,29$ (рис. 25; 32–7). На Важнангерском (Мало-Сундырском) городище отмечено 8 сосудов этого типа, на селище Красное Селище – 6 сосудов.

Для сосудов этой группы характерна горловина раструбовидной формы и простое оформление венчика (варианты 1–5).

Круговая керамика представлена 1987 экземплярами верхних частей сосудов. По оформлению края венчика выделено 17 вариантов (рис. 21).

Вариант 1 – 156 экз. (ВГ – 111 экз.; КСС – 38 экз.; ЮС – 5 экз.; ШС – 1 экз.; ГШГ – 1 экз.). Край плоский, срезан параллельно дну сосуда (рис. 21–1). Данное оформление используется у горловины цилиндрической или раструбовидной формы. Этот вариант венчика в круговой посуде на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище составляет 11,9 %, на селище Красное Селище

– 3,9 %, на Юльяльском селище – 3,6 %. Преобладающими примесями в этом варианте венчика являются дресва и шамот с дресвой.

Вариант 2 – 453 экз. (ВГ – 183 экз.; КСС – 210 экз.; ЮС – 53 экз.; ГШГ – 1 экз.; ШС – 1 экз.; ВС – 3 экз.; НС – 4 экз.; НШС – 2 экз.). Край округлый, иногда сужающийся в верхней части (рис. 21–2; 32–4). Встречается у сосудов с раструбовидной, реже с подцилиндрической горловиной. Это наиболее распространенный вариант венчика, который отмечен на всех поселениях эпохи средневековья. В процентном соотношении в комплексах поселений составляет от 19,7 до 37,9 % (рис. 22; 23). В составе формовочной массы из самостоятельных примесей, отмечены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище и Юльяльском селище – раковина, на Красноселищенском селище – дресва. Из смешанных примесей, на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище абсолютно преобладает шамот с раковиной, на Юльяльском селище и селище Красное Селище – шамот с дресвой.

Вариант 3 – 39 экз. (ВГ. – 19 экз.; КСС – 12 экз.; ЮС – 6 экз.; ВС – 1 экз., НШС – 1 экз.). Отогнутый наружу короткий венчик с приостренным краем, от сосудов, у которых шейка отсутствует или слабо выражена (рис. 21–3, 2). Эти сосуды отличаются архаичностью, поверхность, как правило, грубая. Круговую посуду с таким оформлением венчика можно охарактеризовать как примитивно круговую, с использованием ручного круга лишь для заглаживания верхней части. В керамических комплексах поселений составляет от 1,3 до 4,3 %. В качестве преобладающей примеси отмечена дресва (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и Юльяльское селище) и песок (селище Красное Селище).

Вариант 4 – 117 экз. (ВГ – 66 экз.; КСС – 36 экз.; ЮС – 11 экз.; НШС – 1 экз.; ВС – 1 экз.; НС – 2 экз.). Венчик с кососрезанным во внешнюю сторону краем, преимущественно от сосудов с раструбовидной горловиной (рис. 21–4, а). В керамических комплексах поселений составляет от 4,1 % до 7,1 %. Преобладающей примесью на Юльяльском селище и Важнангерском (Мало-Сундырском) городище является раковина, на селище Красное Селище –

дресва. Из смешанных примесей на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище преобладает шамот с раковиной, на Юльяльском и Красноселищенском селищах – шамот с дресвой.

Вариант 5 – 54 экз. (ВГ – 12 экз.; КСС – 35 экз.; ЮС – 7 экз.). Незначительно отогнутый или прямой венчик от сосудов с цилиндрической или раструбовидной горловиной, срезан под острым углом с внутренней стороны (рис. 21–5; 32–9). В комплексах поселений составляет от 1,3 до 5,0 %. В качестве преобладающей примеси на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище отмечена раковина, на Юльяльском и Красноселищенском селищах – дресва; из смешанных – шамот с дресвой (на всех поселениях). На Важнангерском (Мало-Сундырском) городище шамот с раковиной и шамот с дресвой отмечен в одинаковых количествах.

Вариант 6. – 622 экз. (ВГ – 179 экз.; КСС – 417 экз.; ЮС – 16 экз.; ШС – 2 экз.; СС – 1 экз.; НШС – 5 экз.; ГШГ – 1 экз.; НС – 1 экз.). Отогнутый наружу венчик, край которого имеет наплыв с внутренней стороны. В сечении наплыв имеет подтреугольную или овальную форму. В месте примыкания к шейке в отдельных случаях прослежена бороздка. Встречается у круговых сосудов с раструбовидной или блоковидной горловиной (рис. 21–6, а-д; 32–1-3, 8; 33–1-2, 4-5). Наиболее распространенный вариант венчика: в керамическом комплексе селища Красное Селище составляет 48,4%, на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище – 19,3 %, на Юльяльском селище – 11,4 %. Преобладающими примесями являются: на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище – раковина, из смешанных – шамот с дресвой; на Юльяльском селище – дресва и шамот с дресвой; на селище Красное Селище – песок, из смешанных – шамот с дресвой.

Вариант 7 – 70 экз. (ВГ – 55 экз.; КСС – 9 экз.; ЮС – 3 экз.; ШС – 1 экз.; НШС – 1 экз.; НС – 1 экз.). Кососрезанный край венчика, имеющий по центру среза небольшую ложбинку. Встречается у сосудов с раструбовидной горловиной (рис. 21–7; рис. 33–6). В керамических комплексах доля венчиков с таким оформлением края составляет от 1,1 до 5,9% (рис. 22; 23).

Преобладающими примесями на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище являются раковина и шамот с раковиной, на Красноселищенском селище – дресва и песок, на Юльяльском селище в силу малочисленности коллекции приоритетов не выявлено.

Вариант 8 – 83 экз. (ВГ – 40 экз.; КСС – 28 экз.; ЮС – 11 экз.; НС – 1 экз.; ШС – 1 экз.; НШС – 2 экз.). Горизонтально срезанный край венчика, по центру среза имеется выраженная ложбинка. Нередко при нанесении ложбинки внутренний край венчика немного выдвигается внутрь, образуя выступ (рис. 21–8; 33–7). Встречается у сосудов с раструбовидной горловиной. В керамических комплексах доля венчиков с таким оформлением края составляет от 3,1 до 7,9 % (рис. 22; 23).

Преобладающей самостоятельной примесью на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище и Юльяльском селище является раковина, из смешанных – раковина с шамотом; на селище Красное Селище – песок, чуть меньше, дресва, из смешанных – шамот с дресвой.

Вариант 9 – 146 экз. (ВГ – 123 экз.; КСС – 18 экз.; ЮС – 2 экз.). Край венчика имеет выраженный наплыв внутрь и ложбинку по внешнему косо- или прямосрезанному краю. В зависимости от степени отогнутости венчика, встречаются у сосудов с раструбовидной и блоковидной горловиной (рис. 21–9). В керамических комплексах поселений составляет от 1,4 до 13,4 %. Наибольшее количество сосудов с таким оформлением края отмечено на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище.

Абсолютное преобладание в качестве примесей к тесту на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище отмечена раковина, из смешанных – раковина с шамотом; на Юльяльском селище – раковина и песок, на селище Красное Селище преобладает дресва, из смешанных – шамот с дресвой.

Вариант 10 – 60 экз. (ВГ – 29 экз.; КСС – 28 экз.; ЮС – 1 экз.; ШС – 1 экз.; НШС – 1 экз.). Отогнутый венчик, край которого срезан во внешнюю сторону, при этом часть глиняной массы с внутренней стороны оттянута вверх. Имеется две разновидности: а) с ложбинкой по внешнему краю (рис.

21–10, б) без ложбинки (рис. 21–10, а, в). Встречается у сосудов с раструбовидной или блоковидной горловиной. Доля сосудов с таким оформлением края на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище составляет 3, 1 %, на селище Красное Селище – 3, 1 %, на Юльяльском селище – 0, 7 % (представлен одним экземпляром). Среди самостоятельных примесей на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище преобладают раковина и песок, среди смешанных – шамот с раковиной; на Красноселищенском селище в качестве примеси преобладают дресва и песок.

Вариант 11 – 56 экз. (ВГ – 34 экз.; КСС – 19 экз.; ЮС – 2 экз.; ГШГ – 1 экз.). Слабоотогнутый или прямой венчик с округлым внешним краем и внутренним приостренным козырьком (рис. 21–11). Встречается у сосудов с цилиндрической или раструбовидной горловиной. В керамических комплексах поселений составляет от 1,4 до 3,7 %.

В качестве примеси к тесту на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище преобладают песок и шамот с раковиной, на Красноселищенском селище – дресва. На Юльяльском селище сосуды с данным оформлением венчика представлены в двух экземплярах: с шамотом и шамотом с дресвой.

Вариант 12 – 25 экз. (ВГ – 22 экз.; КСС – 3 экз.). Венчик от блоковидной горловины внутренний край которого имеет форму утолщенного валика (рис. 21–12). Отмечен в комплексах Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (2,4 %) и Красноселищенского II селища (0,2 %). В качестве примесей к тесту зафиксирован песок (Красноселищенское II селище, Важнангерское (Мало-Сундырское) городище) и песок с дресвой (селище Красное Селище).

Вариант 13 – 17 экз. (ВГ – 4 экз.; ЮС – 8 экз.; КСС – 5 экз.). Край венчика оттянут во внешнюю сторону, с внутренней стороны имеется наплыв таким образом, что с внешней и внутренней сторон в месте соединения с шейкой образовались щели (рис. 21–13). Отмечен на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (0,4 %), Юльяльском селище (5,7 %), на Красноселищенском селище (0,6 %).

В качестве примеси к тесту зафиксированы шамот с песчаниковой дресвой (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище), дресва и песок (Юльяльское, Красноселищенское селища).

Вариант 14 – 37 экз. (ВГ – 16 экз.; КСС – 16 экз.; ЮС – 1 экз.; ШС – 4 экз.). Прямой венчик, имеющий утолщение с внешней стороны, при этом внешний край венчика прямой или кососрезанный (рис. 21–14). В качестве примеси к тесту отмечен песок.

Вариант 15 – 6 экз. (ВГ – 4 экз.; ЮС – 1 экз.; НШС – 1 экз.). Край венчика кососрезан сверху и снизу таким образом, что образовалось ребро (рис. 21–15). Отмечен в керамических комплексах Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (0,4 %) и Юльяльского селища (0,7 %). В качестве примеси к тесту использовались раковина (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище) и песок (Юльяльское селище).

Вариант 16 – 41 экз. (ВГ – 25 экз.; КСС – 11 экз.; ЮС – 4 экз., НШС – 1 экз.). Оттянутый во внешнюю сторону край венчика от сосудов с блоковидной горловиной, край кососрезан внутрь (рис. 21–16). Отмечен в комплексах Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (2,7 %), Юльяльского селища (2,9 %), селища Красное Селище (1,2 %). В качестве преобладающих примесей использовался песок (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище, селище Красное Селище) и дресва с раковиной (Юльяльское селище).

Вариант 17 – 5 экз. Короткий венчик, отогнут во внешнюю сторону, имеет наплыв внутрь (рис. 21–17). В качестве примеси отмечена дресва с раковиной. Представлен в комплексе Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (0,5 %).

По соотношениям верхней части сосудов в круговой керамике выделено 4 типа.

Тип I – 38 экз. Сосуды усеченно-конической формы с выраженными плечиками и наибольшим расширением тулова в верхней трети сосуда, имеющие пропорции $D_1:H_2 = 3,58-4,16$; $D_2:H_2=3,28-3,78$; $D_3:H_2=4,00-4,45$.

Сосуды этого типа являются преобладающими. По профилировке верхней части горшки этого типа делятся на 2 подтипа:

Подтип 1 – 28 экз. С покатым, плавно переходящим в тулово, плечиком (рис. 26; 32–1-3; 33–1, 2, 4-7). У сосудов этого типа отмечена горловина раструбовидной (17 экз.), подцилиндрической (6 экз.) и блоковидной формы (5 экз.). В оформлении края венчика использовались следующие варианты: 2 (6 экз.), 3 (1 экз.), 4 (3 экз.), 5 (1 экз.), 6 (10 экз.), 7 (3 экз.); 8 (2 экз.), 9 (2 экз.).

Подтип 2 – 10 экз. С высоким крутым плечиком (рис. 27). Горловина раструбовидной (6 экз.), подцилиндрической (1 экз.) и блоковидной (3 экз.) формы. В оформлении края венчика отмечены следующие варианты: 2 (1 экз.), 4 (1 экз.), 6 (6 экз.), 7 (1 экз.), 9 (1 экз.). У сосудов этого подтипа в 4 случаях выявлен орнамент. На двух сосудах Важнангерского (Мало-Сундырского) городища отмечена четырехрядная волна, и, во втором случае, косая решетка, нанесенная не по всему плечу, а фрагментом (рис. 27–2). На селище Красное Селище сосуды орнаментированы полосами, прочерченными по плечу и тулову.

Судя по наличию нагара на внутренних и внешних стенках сосудов, в этом типе представлены кухонные и столовые горшки.

Тип II – 12 экз. Горшковидные сосуды с наибольшим расширением ближе к середине сосуда, плавным переходом к слабовыпуклым плечикам, имеющие пропорции: $D_1:H_2=2,15-2,60$; $D_2:H_2=1,90-2,45$; $D_3:H_2=2,70-3,20$ (рис. 28; 32–4-9.). Сосуды этого типа представлены по 3 экз. на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище и Юльяльском селище, 6 экз. на селище Красное Селище. Для сосудов характерно простое оформление венчика (варианты 1–4) и горловина раструбовидной (7 экз.), подцилиндрической (3 экз.), блоковидной (2 экз.) формы.

Сосуды в целом, отличаются большей архаичностью. Орнамент отсутствует.

Тип III – 21 экз. Сосуды с выраженным плечиком и наибольшим расширением чуть ниже верхней трети сосуда, имеющие пропорции

Д1:Н2=2,88–3,28; Д2:Н2=2,70–2,91; Д3:Н2=3,36–3,80 (рис. 20). Горловина подцилиндрической (6 экз.) или раструбовидной (15 экз.) формы. За счет увеличения диаметра тулова, у сосудов этой группы создается впечатление их большей приземистости по сравнению с первым типом.

Среди сосудов этого типа встречаются примитивно круговые (2 экз.) и круговые. По профилировке тулова горшки делятся на 2 подтипа:

Подтип 1 – 7 экз. С выпуклым плечиком и резким переходом к дну (рис. 29).

Горловина раструбовидной формы, в одном случае подцилиндрическая. У сосудов этого подтипа отмечены следующие варианты оформления края венчика: 2 (1 экз.), 6 (2 экз.), 7 (1 экз.), 9 (3 экз.).

Подтип 2 – 14 экз. С плавным переходом к плечу (рис. 30).

Горловина раструбовидной формы, в оформлении края венчика отмечены варианты: 5 (1 экз.), 9 (4 экз.), 6 (7 экз.), 8 (2 экз.).

Судя по отсутствию нагара, сосуды этого типа использовались в качестве столовых, для хранения продуктов. Не случайно в данный тип входят сосуды преимущественно крупных размеров (Д1 24–26, высота сосудов – около 30 см). Орнамент прослежен в одном случае в виде двухрядной волны и ряда каплевидных насечек. Он наносился по сырой глине, в результате чего видны излишки глины.

Тип IV – 11 экз. Сосуды с наибольшим расширением чуть выше верхней трети сосуда, имеющие пропорции Д1:Н2 = 4,26–5,15; Д2:Н2 = 4,00–4,59; Д3:Н2 = 4,60–5,59. При переходе к узким плечикам в отдельных случаях имеется выраженное ребро (рис. 31). Горловина ближе к подцилиндрической, в трех случаях шейка наклонена внутрь. Оформление венчика разнообразно: вариант 2 (2 экз.), вариант 6 (2 экз.), вариант 8 (3 экз.), вариант 13 (2 экз.), вариант 4 (1 экз.). Сосуды этого типа преимущественно серого цвета, толщина черепка 4–5 мм. Орнамент отсутствует.

Исходя из типологии, очевидно, что на поселениях присутствует керамика с различными гончарными традициями. Корреляция всех характеристик позволила выделить несколько групп керамики.

Наиболее архаична *лепная* посуда, которая в керамических комплексах поселений составляет от 10,28 % до 14,71 %. К сожалению, она в большей степени фрагментирована.

Общим для всех поселений в лепной керамике является устойчивая и массовая традиция использования шамота, дресвы, раковины в составе формовочных масс как самостоятельно, так и в сочетаниях (Приложение. Таблица 1–3). Сосуды с примесью шамота составляют от 14,1 % (селище Красное Селище) до 61,7 % (Юльяльское селище); дресвы от 3,8 % (Юльяльское селище) до 13,8 % (Важнангерское городище); раковины от 3,8 % (Юльяльское селище) до 6,1 % (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище); на Носельском селище доля сосудов с примесью раковины составляет 46,1 %*. Из смешанных примесей в лепной посуде отмечены шамот с дресвой от 19,3 % до 36,4 %, шамот с песком 8,1 – 16,2 %, шамот с раковиной 6,8 – 11,4 % (Приложение. Таблица 1–3). На селище Красное Селище и Важнангерском (Мало-Сундырском) городище в составе формовочных масс зафиксирован песок (Приложение. Таблица 1–3).

Поверхность лепных сосудов отличается бугристостью, в связи с тем, что использованные в качестве примесей дресва, шамот, песок имеют средний (фракции 1–1,9 мм) и крупный (фракции 2–2,9 мм и более) размер.

На основании визуального осмотра и с учетом данных технологического анализа, которому подверглись 13 фрагментов с Важнангерского (Мало-Сундырского) городища, можно говорить о том, что сосуды изготовлены спиральным налепом, по-видимому, посредством коротких жгутов. Конструирование проводилось в несколько этапов: верхняя часть сосудов (венчик) прилеплялась отдельно в последнюю очередь, поскольку часть сосудов имеет

*Ввиду недоступности коллекций, показатели по Носельскому селищу взяты по Архипову Г.А. (Архипов Г.А. Отчет 1958 г.)

спаи на месте горловины. Формообразование производилось выдавливанием без использования гончарного круга. Изучение придонных частей сосудов показало применение донной и донно-емкостной программ конструирования начинов из жгутов. На внешней поверхности днищ сосудов выявлены следы подсыпки из золы.

Обработка поверхности производилась путем простого заглаживания, вручную с помощью пальцев, мягких материалов (кожи, ткани) и деревянного ножа.

Керамика представлена плоскодонными горшками двух типов: усеченно-конической формы с плавным переходом к выраженному плечу и наибольшим расширением тулова в верхней трети сосуда – тип I (рис. 24; 33–3) и сосудами со слабовыпуклыми плечиками и наибольшим расширением ближе к середине сосуда – тип II (рис. 25; 32–7).

Для лепной посуды характерны цилиндрическая или раструбовидная горловина, простое оформление края венчика, типологически достаточно однообразное (варианты 1–5), среди которых преобладают венчики варианта 2.

Данная посуда сохраняет основные черты марийской керамики предшествующего периода: форму (плоскодонные горшковидные сосуды усеченноконической формы с короткой шейкой, с наибольшим расширением плечиков в верхней трети сосуда и сосуды с плавным переходом к плечу и расширением ближе к середине тулова), оформление венчика (округлый, ко-со- или прямосрезанный), примесь (шамот и дресва). Такая посуда обнаружена на марийских поселениях середины I тыс. и рубежа I и II тыс. н.э.: Пайгусовское, Сомовское II городища, городище Иванова гора, селище Галанкина Гора и т.д. (Никитина Т.Б. 2002. С. 112-116, рис. 30, 32, 33), и связана с волжско-финской гончарной традицией (Гришаков В.В. 1993. Рис. 10, 13; 14.3, 15; Смирнова Л.И. 1987. Рис. 1, 2, 3; Самойлович Н.Г. 1989. С. 108–128). Местное производство данной посуды не вызывает сомнения.

Традиции лепной посуды наследует *примитивно круговая посуда*, составляющая от 32,19 % до 49,40 % в общем керамическом комплексе поселе-

ний. Доля посуды в комплексах круговой керамики представлена в таблицах (Приложение. Таблица 1–3). В данной группе технико-технологическому анализу подверглось 24 фрагмента.

Как и лепная, эта керамика изготовлена ручным способом, возможно спиральным налепом из жгутов. Глины использовались преимущественно в увлажненном состоянии, однако имеются признаки дробления в сухом виде для глины Р5М1². На отдельных сосудах зафиксированы признаки формообразования венчика с частичным вытягиванием на круге. Однако для основной части керамики характерно использование гончарного круга лишь для заглаживания поверхности. На днищах 3 сосудов отмечена подсыпка золы. По периметру днищ видны наплывы. В качестве приема изготовления начина технологиями отмечена донно-емкостная программа.

Поверхность сосудов имеет следы заглаживания верхних частей с применением гончарного круга, в то же время имеются участки заглаженные вручную (наклонно, вертикально). Основными орудиями заглаживания были руки гончара, мягкий материал и деревянный нож.

Окраска сосудов пятнистая, в основном темно-коричнево-серая, иногда буроватая, в изломе прослежена слоистость: поверхностные прослои коричневые или бурые, а сердцевина темно-серого или черного цвета. По определению технологов можно предположить обжиг с непродолжительной выдержкой при температурах каления (650–700°C).

Сосуды этой группы встречаются преимущественно в типах I и II (рис. 26–1; 27–2; 28; 32–6, 9) совместно с лепными сосудами, и 2 экземпляра в типе III (рис. 30–2; 32–4). Горшки почти не имеют орнаментации, в одном случае по тулову прослежена волна. Как и лепные, сосуды этой группы имеют раструбовидную или цилиндрическую горловину и оформление венчиков вариантов 1–5. Наиболее распространены венчики вариантов 1–4, среди кото-

² Р5М1 – условно высокопластичная, незапесоченная ожелезненная глина, имеющая в своем составе: включения железистых пород в виде аморфных мягких частиц 1-2 мм красно-коричневого цвета; комочки не растворившейся глины размером 4-5 мм; единичные остатки в виде детрита – мелких обрывков растительной ткани менее 1 мм.

рых абсолютно преобладает вариант 2 (Рис. 22-23). В посуде этой группы на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, селищах прилегающих к городищу (Носельское, Юльяльское, Сауткинское, Важнангерское), селище Нижние Шелаболки в качестве преобладающих примесей используются раковина от 20,97 % до 31,71 %, дресва 12,79 % – 28,05 %. Из смешанных рецептов преобладают шамот с раковиной (от 12,19 % до 32,74 %) и шамот с дресвой или песком (от 19,51 %, до 27,37 %). Шамот, в качестве самостоятельной примеси, практически не используется, и составляет в примитивно-круговой посуде на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище 0,76 %. На селище Красное Селище преобладающими примесями в посуде являются дресва (28,06%) и песок (18,71%), из смешанных примесей преобладает шамот с дресвой (21,61 %) и шамот с песком (16,45 %). Аналогичная картина наблюдается и в левобережье р.Волги (Горношумецкое городище, Сутырское селище).

В целом, набор примесей в формовочную массу близок к тесту лепной керамики, но изменяется соотношение примесей. В чистом виде практически перестает использоваться добавка шамота, хотя шамот продолжает сохраняться в качестве одного из компонентов в смешанных рецептах как с дресвой, песком, так и с раковиной. Несколько возрастает доля сосудов, изготовленных из глины с примесью раковины в посуде Важнангерской (Мало-Сундырской) округи. Небольшое изменение процентного соотношения примесей не влечет за собой морфологических изменений. Скорее всего, здесь может идти речь не о культурном вливании другого населения, а о внутреннем изменении технологического процесса, связанного с применением круга, изменением обжига посуды или иными инновациями.

В целом, анализируя керамику поселений Марийского Поволжья можно отметить, что для местной гончарной технологии (как в лепной, так и в примитивно круговой посуде) характерны следующие приемы: использование сырья из разных залежей, как приближенных к водоемам, так и удаленных от них; приемы отбора как незапесоченных, так и запесоченных глин;

массовая и устойчивая традиция составления формовочных масс с шамотом; отсутствие приемов работы на гончарном круге и внедрение гончарного круга явно извне; обжиг в неустойчивой восстановительной среде. Здесь представлен весь спектр источников сырья (9 условных районов и мест добычи исходного пластичного сырья), причем использование залежей приближенных к водоемам является архаичным признаком для эпохи средневековья; типологически однообразное оформление края венчика, раструбовидная или подцилиндрическая горловина, использование золы в качестве подсыпки. В целом, данную посуду можно охарактеризовать как кустарная, произведенная местным населением на стадии освоения круга.

На средневековых марийских поселениях выделяется группа гончарной посуды, изготовленной с примесью песка или дресвы, оформлением края венчика в древнерусской традиции, имеющей более плотный черепок. В керамических комплексах поселений такая посуда составляет от 12,05 до 33,12 %, доля посуды в круговой керамике поселений представлена в таблицах 1–3 (Приложение).

Данные технологического анализа по материалам Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (12 фрагментов) позволяет говорить о том, что для этой керамики характерна одна традиция отбора сырья, а именно пластичной (практически не содержащей видимого песка) ожелезненной глины. Случаев использования неожелезненной глины не обнаружено. В целом, выделено 5 условных районов добычи исходного сырья, отмеченных и в местной группе. Глины, используемые в качестве исходного пластичного сырья, находились в увлажненном состоянии непосредственно перед составлением формовочных масс, о чем свидетельствует отсутствие признаков дробления сырья, полная промешанность формовочных масс и равномерность распределения частиц искусственных примесей.

В данной группе керамики проводилась предварительная подготовка материалов, использовавшихся в качестве искусственных примесей. Песок подвергался просеиванию. В формовочной массе керамики выявлен очень

крупный окатанный калиброванный песок фракции 1–3 мм, в среднем около 2 мм. Сита, которые применялись для просеивания – калибровки песка, обладали ячейками размером 1–3 мм. Экспериментальные работы, проведенные экспедицией по экспериментальному изучению древнего гончарства на базе Института истории и археологии Поволжья (г. Самара) под руководством к.и.н. И.Н.Васильевой и к.и.н. Н.П. Салугиной показали, что, например, в Самарском Поволжье, получить такую фракцию очень трудно. Как правило, преобладает песок, имеющий размеры фракций менее 1 мм. Частицы больше данного размера единичны. Эксперимент показал, что необходимо просеять очень большое количество песка, чтобы получить достаточно значительный его объем. В связи с этим, высказано предположение о том, что естественные выходы крупного песка имелись в окрестностях поселений, в противном случае данная операция подготовки сырья занимала очень много времени. Дресва также использовалась после предварительной подготовки. В керамике этой группы отмечено два вида дресвы: песчаниковая и, в меньшей степени, кварцевая. В основном размерность дресвы не превышала 3 мм, однако есть сосуды, в которых она достигала 5 мм.

Вся посуда этой группы изготовлена способами скульптурной лепки, в некоторых случаях прослежены признаки конструирования сосудов спиральным налепом из жгутов, диаметр которых не превышал 2 см. Формообразование происходило на гончарном круге с той или иной степенью вытягивания, т.е. болванка, слепленная вручную из жгутов, «подправлялась» путем частичного вытягивания. Конструирование полого тела происходило также на круге. На внешней поверхности днищ зафиксированы следы подсыпки крупной дресвы и песка. В одном случае на днище прослежены неровности деревянного гончарного круга. Исследование двух придонных фрагментов сосудов показало вероятность изготовления начина по донно-емкостной программе. Основными орудиями заглаживания были руки гончара, мягкий материал (ткань) и деревянный нож.

Цвет сосудов представлен двумя видами: 1) темно-серая, практически однотонная, но в середине черепка прослеживаются бурые прослойки или пятна; 2) пятнистая коричнево-серая иногда буроватая, в изломе слоистость. В связи с этим, И.Н. Васильевой определены следующие особенности: 1) применение обжига с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления (650-700°C), что проявилось в наличии темной сердцевины в черепке; 2) проведение обжига в специальных обжиговых устройствах (печах или горнах) для керамики первого вида окраски, и менее качественный обжиг для второй группы.

Неоднородность керамики прослежена и в толщине черепка: большая часть посуды имеет толщину 4 – 5 мм, в то же время присутствует посуда с более тонким черепком 3 – 4 мм; отсутствию или наличию орнамента.

Сосуды представлены I и IV типами (рис. 26–I; 27–3; 31; 32–I). Для посуды этой группы характерно большее разнообразие в оформлении венчика. Абсолютно преобладает вариант венчика 6, кроме этого отмечены следующие варианты венчиков: 7, 9, 10 (а, б, г), 11 (б, в), 12, 13, 15, 16 (а, б, в).

Используемые варианты оформления венчика имеют широкие аналогии на памятниках Ростово-Суздальской, Вятской земли, Нижегородского княжества. Вариант венчика 6 широко бытует у русского населения Волжской Булгарии с XII по XV в. (Полубояринова М.Д. 1993. С. 38; Хлебникова Т.А. 1988. С. 36), на памятниках Нижегородского Поволжья (Дмитриевский С.М. 1999. С. 82, рис. 5–1, 7–1, 2), по материалам древнего Новгорода данный вариант венчика встречается до XIV века (Смирнова Г.П. 1956. С. 244–245, рис. 7), по материалам Подмосковья аналогичный вариант оформления венчика датируется в пределах второй половины XV – XVI вв. (Чернов С.З. 1996. С. 73, С. 91, рис. 15 (№ 94–133–134)). Вариант 7 по материалам древнего Новгорода встречается с XI по XV в. (Смирнова Г.П. 1956. С. 237–246). Венчик варианта 10 близок по материалам Ростово-Суздальской и Вятской земли (Кадиева Е.К. 2002. С. 24, рис. 3–5, 5–4), вариант 11 распространен в XII – XIII вв. в Нижегородском Заволжье (Архипов Г.А. 1982. С. 28, рис. 4–

8), на памятниках верхней Оки в XI – XV вв. (Болдин И.В. 2005. С. 101, таб.1, С. 106–107); вариант 12 отмечен на территории Ростовского кремля со второй половины XI до начала XIV в. (Кадиева Е.К. 2002. С. 34, таб. 3, рис. 9-7,8), в посуде XIV (древнерусской) группы по материалам Волжской Булгарии (Хлебникова Т.А. 1988. С. 34, рис. 16 -7,9,10), в новгородских материалах у горшков типа 5 с XIV в. (Смирнова Г.П. 1956. С. 244). Оформление края венчика варианта 13 встречается у сосудов крепости Оленья гора в Нижегородском Поволжье (Черников В.П. 1967. С. 149), венчики варианта 14 распространены в керамике Москвы и Подмосковья (Равдина Т.В. 1991. С. 66, таб. 3; Чернов С.З. 1991. С. 96, таб. 33–39), вариант 15 в комплексах Ростова Великого (Кадиева Е.К. 2002. С. 23, рис. 2–2), бассейна верхней Оки (Болдин И.В. 2005. С. 106, рис.1–А II 4).

Орнаментация данной группы керамики в материалах поселений Важнангерской (Мало-Сундырской) округи представлена слабо: однорядная волна в области шейки и двухрядная волна по плечу; в керамике Красносельского селища сосуды этой группы орнаментированы прямыми прочерченными полосами, нанесенными на плечо или все тулово; однорядной или двухрядной волной.

Данная группа керамики по форме, составу формовочной массы, оформлению венчика наиболее близка керамике русского населения Волжской Булгарии, выделенной Т.А. Хлебниковой в XIV группу (Хлебникова Т.А. 1967. С. 170) и может быть определена как древнерусская.

При ее сравнении с посудой древнерусского населения следует отметить ряд отличий. Во-первых, слабая орнаментированность керамики на средневековых марийских поселениях. Во-вторых, в золотоордынский период на памятниках Древней Руси и в XIV группе Волжской Булгарии наряду с высокопластичными глинами используются нежелезненные, беложгущиеся глины (Васильева И.Н. 1993. С. 117), на исследованных поселениях Марийского Поволжья использование таких глин не обнаружено. Нехарактерно для древнерусской посуды этого периода и введение крупного песка в состав

формовочных масс. Обращает на себя внимание также неоднородность керамики с точки зрения обжига, где наряду с посудой хорошего горнового обжига, присутствует менее качественный обжиг, что может быть связано с костровым обжигом, или несовершенством специальных обжиговых устройств.

На поселениях Марийского Поволжья еще в 1965 г. была выделена своеобразная группа керамики, которую Т.А. Хлебникова впервые под названием «*славяноидной*» ввела в научный оборот в 1967 г. при первом обобщении археологических памятников XIII – XV вв. расположенных на территории Марийско-Чувашского Поволжья. Т.А. Хлебникова дала следующую характеристику данной керамики: гончарная «... посуда местной фактуры (с толченой раковиной, с шамотом), но не местной формы. Она несет на себе характерные черты поздней славянской керамики XIII – XIV вв. северо-восточных районов Руси в общих пропорциях сосуда, в крутом изгибе горловины, форме венчика, выступающего плечика» (Хлебникова Т.А. 1967-а. С. 89–90). Позднее, при обобщении керамических материалов Волжской Булгарии, Т.А. Хлебникова определила ее в XVI этнокультурную группу (XVI ЭКГ) (Хлебникова Т.А. 1984. С. 200–201).

В процентном соотношении «славяноидная» посуда составляет от 18,67 до 36,98 % в керамических комплексах поселений. Среди примесей к тесту, в данной группе посуды для поселений Важнангерской (Мало-Сундырской) округи характерны раковина (39,80 – 45,16%), шамот с раковиной (16,13 – 39,80%), шамот с дресвой (21,39 – 25,81 %), дресва в сочетании с раковиной (7,96 – 12,90 %). Для селища Красное Селище преобладающими примесями являются шамот в сочетании с дресвой – 44,69 %, и шамот в сочетании с песком – 34,51 %.

Анализ керамических комплексов позволяет говорить о том, что «славяноидная» керамика составляет значительную долю в круговой керамике поселений. Например, в посуде Важнангерского (Мало-Сундырского) городища доля «славяноидной» керамики в круговой посуде составляет 43,37%, на Юльяльском селище – 22,14 %, на селище Нижние Шелаболки – 33,70 %,

на селище Красное Селище –26,16% (Приложение. Таблица 1–3). При этом посуда, в которой присутствует шамот (в сочетании с раковиной или дресвой), составляет на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище 52,24 % от «славяноидной» керамики, на Юльяльском селище – 42,11 %, на селище Красное Селище – 81,41 %.

По данным технологического анализа керамики Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (проанализировано 28 фрагментов) для керамики этой группы характерно 4 условных района мест добычи сырья, совпадающие с источниками используемых в местной группе керамики, но не характерных для русской посуды. В основном, это места приближенные к водоемам. Перед формовкой глины находились в увлажненном состоянии, вместе с тем имеются некоторые признаки дробления исходного сырья в сухом виде (для глины P5M1), что сближает данную группу керамики с примитивно-круговой посудой местной традиции.

При подготовке искусственных примесей использовались те же приемы, что и в посуде древнерусских традиций (калибровка примеси). При использовании раковины применялся предварительный обжиг, что впоследствии облегчало ее дробление. Крупные нераздробившиеся частицы убирались посредством ручного отбора либо через сита.

Посуда изготовлена способами скульптурной лепки, в большинстве случаев зафиксированы признаки конструирования сосудов спиральным налепом из жгутов. Диаметр жгутов не превышал 3 см. Формообразование происходило на гончарном круге с той или иной степенью профилирования и вытягивания верхней части сосудов. На днищах двух сосудов зафиксированы следы подсыпки золы. На днище одного сосуда зафиксирован отпечаток клейма, вырезанного на поверхности деревянного гончарного круга. По периметру днищ видны наплывы, образовавшиеся при их креплении на гончарном круге. Можно предполагать наличие приемов изготовления начинов по донно-емкостной программе. Обработка поверхности производилась путем простого заглаживания, в основном на гончарном круге. Основными орудия-

ми заглаживания были руки гончара, мягкий материал (ткань) и деревянный нож.

Окраска сосудов пятнистая, в основном темно-коричнево-серая иногда буроватая, в изломе прослежена слоистость, что характерно для обжига с не продолжительной выдержкой при температурах каления (650–700°C), в закрытых от доступа воздуха условиях.

Горшки имеют средние (диаметр 14 – 22 см, высота до 22 см) и крупные размеры (диаметр 26 – 28 см, высота 28 – 30 см). «Славяноидные» сосуды представлены типами I, III: усеченно-конической формы с выраженными плечиками и наибольшим расширением тулова в верхней трети сосуда, (тип I подтип 1–2) и сосуды с выраженным плечиком и наибольшим расширением чуть ниже верхней трети сосуда, подцилиндрической и раструбовидной горловиной (тип III) (рис. 26–2-4; 27–1, 2; 32–1, 3, 8; 33–1, 4-7). Данная группа керамики отличается большим разнообразием в оформлении края венчика. Преобладает вариант 6 (разновидности а, б, в), вариант 9 всех разновидностей, вариант 7 и вариант 8. Меньше отмечено вариантов 10, 11, 12, 13 и 15, 16 и 17.

Венчики варианта 6 имеют многочисленные аналогии на Руси и у русского населения Волжской Болгарии с XII по XV в. (Полубояринова М.Д., 1993. С. 38; Хлебникова Т.А. 1988. С. 36), вариант 8 на памятниках Тверского Поволжья и Новгорода (Олейников О.М. 2002. С. 43; Смирнова Г.П. 1956. С. 237–238), варианта 10 на памятниках Ростово-Суздальской земли (Кадиева Е.К. 2002. С. 24, рис. 3–5, 5 – 4; Олейников О.М. 2002. С. 58, рис. 20–86), вариант 11 у русского населения Нижегородского Заволжья (Архипов Г.А. 1982. С. 28, рис. 4–8, Дмитриевский С.М. 1999. С. 84, рис. 7–3, 4) и верхней Оки (Болдин И.В. 2005. С. 106, рис. 1).

Сосуды с венчиками вариантов 1–5 к данной группе не отнесены, поскольку их не логично связывать с влиянием славянских гончарных традиций. В древнерусских городских центрах данные варианты венчиков в основном перестают использоваться уже к XIII веку (Олейников О.М. 2002. С.

52, таб. 15; Смирнова Г.П. 1956. С. 236 (тип 1)). На рядовых древнерусских памятниках такие венчики встречаются от раннего до позднего средневековья, однако их количество сокращается, и они не являются преобладающими, в то время как в финно-угорских древностях данные венчики являются ведущими вплоть до позднего средневековья (Гришаков В.В. 1992. С. 139, табл. V–5, Дмитриевский С.М. 1999. С. 82, рис. 5–10, 12, 13; рис. 6 – 19; Никитина Т.Б. 2002. С. 123; Михеева А.И. 2004. С. 147). Сосуды с аналогичными венчиками рассмотрены в группе местной примитивно круговой посуды.

Орнаментация на «славяноидной» посуде практически отсутствует, орнамент отмечен в трех случаях.

Безусловно, что данная группа керамики формировалась при сильном воздействии древнерусской гончарной традиции, которая проявилась в оформлении венчика. В целом, в «славяноидной», как и в керамике местной группы (лепной и примитивно-круговой) сохраняется массовая и устойчивая традиция в использовании шамота, дресвы, раковины. Сравнительный анализ в отборе исходного пластичного сырья свидетельствует о том, что для керамики этой группы, как и для местной характерно использование разных традиций. Наряду с пластичной (практически без видимых признаков песка) ожелезненной глиной используются неожелезненные, месторождения которых располагаются вблизи водоема.

Признаки дробления глины в сухом состоянии прослежены в «славяноидной» и местной керамике при использовании глины Р5М1. В керамике древнерусских традиций такая глина не использовалась.

По составу формовочных масс керамика этой группы не имеет ни одного общего показателя с древнерусской посудой, вместе с тем, состав примесей совпадает с примитивно-круговой посудой местной традиции. В «славяноидной» посуде зафиксирован и такой признак, используемый в лепной и примитивно-круговой посуде, как подсыпка из золы.

Вместе с тем, в этой керамике присутствуют признаки вытягивания верхней части сосуда, что сближает ее с русской посудой, как и характер

производства данной посуды, определенный преимущественно, как ремесленный.

Форму сосудов однозначно назвать славянской также нельзя. Сосуды усеченно-конической формы с расширением в верхней трети или ближе к середине сосуда с выраженным плечом в марийской керамике были преобладающими с середины I тыс. н.э. (Никитина Т.Б. 2002. С. 112).

В настоящее время памятники, содержащие «славяноидную» керамику, известны на территории Марийско-Чувашского Поволжья, Волжской Булгарии (Кокорина Н.А. 1994; Руденко К.А. 2004), Средней Вятки (Макаров Л.Д. 2004) (рис. 34). В памятниках Марийско-Чувашского Поволжья «славяноидная» керамика составляет от 18,67 до 36,98 %. В памятниках Волжской Булгарии «славяноидная» керамика занимала небольшой процент от 1 % в Болгаре до 11,6 % на Чакме и Сюкеевском городище (Кокорина Н.А. 1994. С. 191; Кокорина Н.А. 1999. С. 91; Кокорина Н.А. 2004. С. 70–71). Только на Балынгузском (Торецком) III поселении ее находки составили 22 – 30 % (Валиулина С.А. 2004. С. 158). Большое количество находок такой керамики сделано также Н. Набиуллиным на III Донауровском селище, расположенном по соседству с городищем Джукетау, но они представлены подъемным материалом из разрушенной части, поэтому трудно говорить о процентном соотношении ее в керамическом комплексе в целом. Единичные находки этой посуды обнаружены на средневековых памятниках Нижегородского Поволжья (Оленья Гора, Успенское городище). В последние годы аналогичная посуда в массовом количестве обнаружена на памятниках по правобережью Вятки в округе г. Котельнича до устья р. Ватомы. Наибольший процент ее на Ковровском городище (43,7 %) (Салангин Д.А. 1999. С. 154), значительный процент на Искре (с раковиной – 32,5 %, с раковиной и шамотом – 16,2 %) (Макаров Л.Д. 1984. С. 106), на Шабалинских поселениях и на поселении Покста II (Салангин Д.А. 1999). В группе памятников, расположенных вокруг городков Никульчина и Хлынова, процент этой керамики несколько ниже. На Радио-

новском городище только 6,7 %, не более 10 % дают Слободское, Хлыновское и Кривоборское городища (Салангин Д.А. 1999).

Хронологические рамки бытования керамики этого круга приблизительно одинаковы на всех территориях. В Марийско-Чувашском Поволжье такая посуда встречается в памятниках XII – XV вв., К.А. Руденко на болгарских селищах отмечает ее появление не ранее середины XIV в. (Руденко К. 1998. С. 22; Руденко К.А. 2004. С. 147). Т.А. Хлебникова и Н.А. Кокорина на основании анализа керамики на Джукетау, Рождественском и Кайбельском селищах определяют ее появление XII – XIII вв., а наибольшее распространение в золотоордынское время (Хлебникова Т.А. 1984. С. 200-201; Кокорина Н.А. 1994. С. 191; Кокорина Н.А. 2002. С. 30-31, 95-96). На р. Вятке такая посуда встречается на памятниках XII – XV вв., причем основная масса относится к периоду XIV – XV вв. (Салангин Д.А. 1999. С. 154; Макаров Л.Д. 1985.). Таким образом, следует отметить, что наибольшее распространение этой посуды на достаточно широкой территории приходится на XIV – XV вв.

Особенности технологических и морфологических свойств «славяноидной» посуды, смешанность традиций обусловили противоречивость в интерпретации данной группы посуды.

В настоящее время в научной литературе существуют два мнения относительно происхождения и этнической принадлежности так называемой «славяноидной» посуды: 1) марийско-чувашская; 2) славяно-финно-пермская.

Т.А. Хлебникова отнесла «славяноидную» керамику ко второй группе местной посуды, ограничив круг ее распространения Марийско-Чувашским, и частично, Нижегородским (отдельные памятники) Поволжьем (Хлебникова Т.А. 1967), связав происхождение этой керамики «... с населением марийского и отчасти чувашского Поволжья» (Хлебникова Т.А. 1984. С. 200–201). Появление ее в Волго-Камье объяснила проникновением на восток в конце домонгольского периода западных поволжских соседей болгар» (Хлебникова Т.А. 1984. С. 200–201). Н.А. Кокорина разделяет точку зрения Т.А. Хлебни-

ковой о местной финно-угорской, в частности поволжско-финской, основе этой группы посуды (Кокорина Н.А. 1994. С. 192). По материалам Камаевского городища Н.А. Кокорина разделила XVI ЭКГ на подгруппы. Керамику XVI – 1 она называет «славяноидной», а керамику XVI – 2 марийской, принадлежащей этнографической группе луговых мари (Кокорина Н.А. 2004. С. 70).

В связи с накоплением значительных материалов XII – XV вв. на Средней Вятке Л.Д. Макаровым была выдвинута иная точка зрения на происхождение и этническую принадлежность этой керамики, о том, что посуда XVI группы производилась на смешанных славяно-финно-пермских памятниках, но уже на стадии обрусения финно-пермского компонента (Макаров Л.Д. 1985. С. 50; Макаров Л.Д. 2001. С. 11). Он считает, что группа памятников с такой керамикой имеет отношение к арской группе удмуртов (Макаров Л.Д. 1984. С. 112), а в Марийско-Чувашском Поволжье и Поветлужье такая керамика появилась с выходцами из древнерусских земель, в частности из славяно-пермской Вятки (Макаров Л.Д. 2004. С. 122). Эта точка зрения впоследствии более подробно разработана Д.А. Салангиным (Салангин Д.А. 1999).

Достаточно близок к последней точке зрения К.А. Руденко, который первоначально предполагал верхнекамские истоки этой посуды (Руденко К.А. 1992. С. 46). В рукописи диссертационной работы он еще раз возвращается к этой проблеме. Истоки XVI группы керамики он находит «в характерных формах прикамской посуды, появившейся в конце XIII в., а может быть и чуть раньше по Вятке в нижнем течении Камы», а также на Средней Вятке (Руденко К.А. 2004. С. 148). Далее, соглашаясь с Д.А. Салангиным (Салангин Д.А. 1999. С. 148), автор утверждает, что «форма керамики могла прийти с Вятки, вместе с русскими пленными и переселенцами». Таким образом, автор склоняется, как и предыдущие два исследователя, к славяно-финно-пермской природе этой группы керамики. Существует еще одна точка зрения о древнерусском происхождении данной посуды, высказанная Л.Д. Макаровым. В частности, характеризуя древнерусскую деревенскую керамику бассейна р.

Вятки, в качестве преобладающих примесей, наряду с песком и дресвой, он отмечает раковину (Макаров Л.Д. 2001. С. 15) и отождествляет эту группу керамики с древнерусской посудой группы В, выделенную М.Д. Полубояриновой по материалам Волжской Болгарии (Макаров Л.Д. 2001. С. 11). Вместе с тем, следует отметить, что М.Д. Полубояринова не столь категорична в определении изготовителей этой керамики. Описание керамики группы В «...древнерусские по форме гончарные сосуды, имеющие в тесте заметную примесь толченой раковины, иногда шамота...» (Полубояринова М.Д. 1993. С. 35) практически совпадают с характеристикой посуды XVI группы Т.А. Хлебниковой (Хлебникова Т.А. 1984. С. 200). Не случайно М.Д. Полубояринова изготовителями данной посуды определила местных финно-угорских гончаров (Полубояринова М.Д. 1993. С. 52). Картографирование памятников, имеющих в комплексах «славяноидную» керамику, проведенное Т.Б. Никитиной убедительно показывает, что территория наиболее активного распространения «славяноидной» посуды совпадает с территорией расселения марийского этноса (рис. 34).

На основании того, что «славяноидная» посуда сохраняет многие элементы традиционного марийского гончарства в формах сосуда, примесях, технологических особенностях считаю логичным выделение ее в особую группу местной керамики, сложившуюся под влиянием русской гончарной традиции.

Керамика болгаро-татарских традиций представлена преимущественно стенками кирпично-красного цвета. Обращает на себя малое количество венчиков, и практически полное отсутствие развалов, в связи с этим не представляется возможным выделить типы сосудов. В целом болгарская керамика составляет от 0,32 % до 7,23 % в круговой посуде поселений. Найденные на поселениях ручки позволяют предположить, что часть болгарской керамики была представлена кувшинами.

Следует отметить, что существуют локальные отличия в традиции и приемах изготовления посуды для поселений Марийского Поволжья. В кера-

мике Важнангерской (Мало-Сундырской) округи в круговой посуде ведущую роль имеет раковина, в посуде Красноселищенского селища и Горношумецкого куста преобладающей примесью являются дресва и песок. В керамике селища Красное Селище наряду с орнаментом в виде волны, встречается и прочерченные прямые линии, нанесенные на плечо или все тулово, в посуде поселений Важнангерской (Мало-Сундырской) округи такой орнамент отсутствует. Приближение границ земель Нижегородского княжества, безусловно, оказало влияние на материальную культуру Красноселищенского куста, которое проявилось прежде всего в керамическом комплексе. Керамика русских традиций Красноселищенского селища по орнаментации, оформлению края венчика близка посуде памятников Нижегородского Заволжья (Архипов Г.А. 1982. С. 8–10).

Таким образом, по материалам керамических комплексов поселений Марийского Поволжья выделено несколько групп керамики: а) местная посуда, представленная лепной (от 10,28 – 15,66 %), примитивно круговой (от 32,19 – 49,40 %), «славяноидной» (18,67 – 36,98 %) – изготовленной под влиянием русской гончарной традиции местной посуды; б) древнерусская (12,05 – 33,12 %); в) болгарская (0,27–7,22 %).

Местная посуда сохраняет ранее выработанные традиции марийского керамического производства, однако развитие гончарства на территории Марийского Поволжья XIII–XV вв. испытало сильное воздействие русской культуры. Усиление влияния русских гончарных традиций совпало с изменением технологической традиции, связанной внедрением гончарного круга.

§ 2. Бытовые изделия и ремесленный инвентарий

В культурном слое поселений найдены отдельные украшения, предметы быта, вооружения, дающие представления о материальной культуре населения этой эпохи. Изделия выполнены из черного или цветного металла, кости, керамики. Характеристика инвентаря дается по основным функциональным категориям.

Ножи – 71 экз. найдены на всех поселениях рассматриваемого периода. Изделия представлены целыми формами и обломками, изготовленными из черного металла. Классификации подлежат лишь 49 экз.

По форме и функциональному назначению ножи могут быть разделены на две основные группы: А – универсально-бытовые и Б – специальные.

Группа А представлена 44 экземплярами, имевшими клиновидное в сечении лезвие. Отношение ширины лезвия к его толщине составляет в основном 6:1, 5:1 (в связи с тем, что ножи часто имеют сильно сработанные и коррозированные лезвия, промеры производились в наиболее сохранившейся части клинка). Спинка ножей прямая, конец лезвия лежит на оси, проведенной через черешок, или слегка возвышается над ней. Отмечен один нож, у которого не до конца обрублена спинка.

По способу перехода от клинка к черешку ножи делятся на типы:

Тип 1 – 11 экз. плавный переход с уступом со стороны лезвия (рис. 35–15). Спинка прямая, черешок продолжает линию обушка. У 6 экземпляров имеются штифтики для крепления накладной рукояти (рис. 35–4, 5). Сохранившаяся длина лезвия от 60 до 80 мм, у одного экземпляра длина лезвия составляет 163 мм. Ножи такого типа представлены в коллекциях Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (8 экз.), Юльяльского селища (2 экз.), селища Нижние Шелаболки (1 экз.).

Тип 2 – 9 экз. плавный переход с уступом со стороны спинки. Длина лезвия от 85 до 147 мм. Обнаружены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище и Юльяльском селище.

Тип 3 – 24 экз. выраженный уступ, как со стороны лезвия, так и со стороны спинки (рис. 35–16, 17). В двух случаях при переходе от рабочей части к черенку имелся валик. Представлены на всех поселениях эпохи средневековья.

Группа Б – 5 экз. специальные, представлены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, Сиухинской кузнице, селище Красное Селище II, Юльяльском селище.

Тип 1 – 3 экз. Три миниатюрных ножа имеют горбатую спинку и черешок, продолжающий линию обушка. Ножи имеют опущенный конец по отношению к оси черешка (рис. 35–7).

Тип 2 – 2 экз. Ножи с выгнутой или прямой спинкой и значительно приподнятым концом по отношению к оси черешка. Лезвие ножа находится в верхней части. Переход от спинки к черешку с двумя уступами (рис. 35–6).

Тип 3 – 1 экз. Миниатюрный нож, имеющий уступы со стороны лезвия и со стороны спинки. Лезвие находится в верхней части (рис. 35–2).

Функциональное назначение ножей группы Б не определено.

Кроме самих ножей сохранились муфты и затыльники от рукояток отдельных изделий.

Затыльники для рукоятей ножа представлены костяными и железными изделиями.

Группа 1. Костяные – 2 экз.

Тип 1. Представлен одним экземпляром в виде многоугольника с двумя сквозными отверстиями по центральной оси, в профиле имеет ступенчатую форму (рис. 35–11).

Тип 2. Найден один экземпляр миндалевидной формы с тремя сквозными отверстиями (рис. 35–12).

Костяные затыльники имеют с тыльной стороны беспорядочные насечки, возможно, что помимо гвоздей для дополнительного крепления использовался и клей. Подобные изделия являются достаточно частой находкой на памятниках волжских булгар (Казаков Е.П. 1973. С. 38; Закирова И.А. 1988. С. 222; Руденко К.И. 2005. С. 73) и Древней Руси (Стрикалов И.Ю. 1996. С. 165).

Группа 2. Железные – 3 экз. найдены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, селище Красное Селище II.

Тип 1. Представлен двумя экземплярами в форме многоугольника.

Затыльник из раскопок 2000 года с Важнангерского (Мало-Сундырского) городища крепился на рукоять, имеющей на одной стороне

грань. Экземпляр достаточно крупных размеров: 38 x 28 мм. К рукоятке затыльник крепился при помощи штыря, с внешней стороны заканчивающийся петлей (рис. 35–8). Близкие по форме затыльники, один размерами 42 x 23 мм, второй – 20 x 10 мм найдены на селище Красное Селище II (рис. 35–9).

Тип 2. Округлой формы из раскопа 1 2004 г. Важнангерского (Мало-Сундырского) городища крепился на рукоять, имеющую округлое сечение диаметром 26 мм (рис. 35–10).

Муфты – 4 экз. Одно костяное изделие обнаружено на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, имеет миндалевидную форму и, вероятно, вместе с затыльником листовидной формы являются деталями одного ножа (рис. 35–13).

Три муфты в виде узкой железной обоймы, крепившейся на переднюю часть ручки, обнаружены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, Юльяльской кузнице, селище Красное Селище (рис. 35–14).

Оселки – 17 экз. использовались для заточки ножей. Все экземпляры имели прямоугольную форму, на оселке с Красноселищенского II селища имелось отверстие для подвешивания (рис. 36–13). Часть экземпляров имела сильно сточенную поверхность.

Светец – 1 экз. представлен однолучинным экземпляром найденным на Юльяльской кузнице (рис. 36–7). Длина черенка около 80 мм, верхняя часть которого имеет винтообразную нарезку, которая переходит в две планки. Верхняя часть планок обломлена. Между планками вставлялась лучина. По новгородским материалам, как и по болгарским древностям, светцы обнаружены в слоях с XIII по XV в. (Колчин Б.А. 1959. С. 98, таб. 34; Савечникова Л.Л. 1996. С. 63).

Кресало – 3 экз. Два изделия с Важнангерского (Мало-Сундырского) городища: одно с площадки, второе со святилища. Кресала прямоугольной формы с прорезью в центре. Нижнее окончание кресал в виде небольшой заостренной лопаточки, клиновидной в сечении. У одного экземпляра сохрани-

лась петля для подвешивания кресала к поясу. Размеры кресала: длина – 151 мм, толщина боковых сторон 6 – 8 мм, ширина 20 мм.

Несколько иное кресало прямоугольной формы с прорезью в центре, на концах которой небольшие отверстия, обнаружено на Сиухинской кузнице. Верхнее окончание имеет отверстие для подвешивания. Длина кресала 133 мм, ширина – 14 мм.

Ухват – найден в одном экземпляре на Юльяльском селище имеет мощную речку, овальную в сечении размерами 30 x 18 мм.

На поселениях Марийского Поволжья достаточно распространенной находкой являются котлы изготовленные из железа, меди, бронзы.

Котлы из железа представлены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (1 экз.), Юльяльском селище (4 экз.), Сиухинской кузнице (10 экз.) в виде железных пластин со следами заклепок.

Котел медный. В семи случаях на поселениях сохранились фрагменты котлов из листовой меди. О размерах котлов можно судить по крупному фрагменту из раскопок 1964 г. с Важнангерского (Мало-Сундырского) городища который состоял из нескольких кусков листовой меди, соединенных медными заклепками. Край котла круто загнут наружу, диаметр около 260 мм, глубина не менее 80–90 мм. Сосуд имел железные ручки, приклепанные медными штифтиками. Железные ручки от котла с медными заклепками найдены и на Юльяльском селище.

Дужки железные – 5 экз. Найдены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище и селище Красное Селище III. Имели плоское сечение и небольшие крючки на концах. Вероятно, эти дужки крепились к ведрам.

Таз – сосуды с цилиндрическим или чуть расширенным в нижней части туловом. На Сауткинском селище обнаружены две массивные железные ручки от таза, изготовленные из дрота подпрямоугольного сечения (рис. 40–8). В разведенных широких концах имеется по два квадратных отверстия, посредством которых ушки крепились к сосуду. Размеры ушек-ручек: длина 205–

225 мм, ширина 80–100 мм, ширина лопасти 45–50 мм, толщина лопасти 10–13 мм. Судя по сохранившимся фрагментам, сам сосуд изготовлен из меди. Венчик загнутый наружу и закованный.

Аналогичные изделия обнаружены на памятниках Волжской Булгарии и датируются золотоордынским временем (Руденко К.А. 2000-а. С. 74–75).

Очажные и дверные цепи – 5 экз. встречаются практически на всех поселениях. Петли для подвешивания котлов на очаг сделаны из крученого дрота и представлены во всех случаях одним звеном.

Очевидно для этих же целей служили железные петли, состоящие из восьмеркообразных звеньев из круглого или подпрямоугольного в сечении дрота. Размеры звеньев 68–97 мм. Экземпляр с Красного Селища представлен двумя звеньями и кольцом диаметром 21 мм; изделие с Шартнейского селища представлено одним целым звеном, второе фрагмент.

Туеса – 2 экз. обнаружены в постройке 2004 г. Донца диаметром 100–120 мм изготовлены из нескольких слоев бересты. Вдоль края донца имелись парные отверстия, которые служили для его соединения со стенками.

Жуковина – 3 экз. обнаружены на селище Красное Селище II.

Жуковины – кованые железные пластины, которыми украшались ворота. Часто жуковины служили личинами массивных замков, прикреплявшихся с внутренней стороны к воротам. К личине обычно приклепывалась скоба или кольцо для закрывания ворот.

Изделие из раскопок 1997 г. изготовлено из тонкой железной пластины толщиной 3 мм, имеет 4 отогнутых ножки с округлыми концами. С внутренней стороны окончания ножек имеют штифтики для крепления.

Жуковины из раскопок 1995–1996 гг. представлены двумя одинаковыми пластинами толщиной 2 мм. Максимальные размеры изделия 70 x 45 мм. С лицевой стороны вдоль контуров изделия идет рельефная окантовка (рис. 40–4).

Пробои – 7 экз. представляют собой массивный железный стержень, прямоугольный в сечении, образующий петлю с заостренными концами. Все

представленные экземпляры относятся к одиночным пробоям со сварным острием (рис. 38–14, 15). По древностям Болгара связаны преимущественно с золотоордынским периодом (Савечникова Л.Л. 1996. С. 50, рис. 20).

Железная ручка – 2 экз. с Юльяльской кузницы представлена обломком из прямоугольного в сечении стержня. Конец ручки загнут, имеет фигурную форму и отверстие для крепежа (рис. 38–16). Крепилась ручка при помощи гвоздя. Вторая ручка П-образной формы имеющей округлое сечение в верхней части и прямоугольное у боковых сторон, на концах имеет круглые отверстия. Возможно, данная ручка крепилась при помощи накладок с кольцами.

Дверная ручка – 11 экз. представлены железными кольцами округлыми в сечении. У экземпляра с Важнангерского (Мало-Сундырского) городища диаметр составляет 48 мм. Крепилась при помощи пробоев.

Подковка от сапог – 4 экз. На Юльяльском селище найдена плоская дугообразная железная пластина с расплюснутыми и заостренными концами, которые загнуты вверх. В передней части имеется приостренный шип длиной 11 мм (рис. 40–5). Найденный экземпляр относится к типу А по болгарским древностям (Савечникова Л.Л. 1996. С. 63). Размеры подковки: длина – 83мм, ширина – 4 мм, толщина – 3 мм. Аналогичная подкова обнаружена на Сиухинской кузнице. Хронологические рамки бытования таких подковок достаточно широки: XIII–XV вв. (Савечникова Л.Л. 1996. С. 64, табл. XVI).

Иная подковка для сапог с узким высоким каблуком обнаружена на Юльяльской кузнице и Горношумецком городище (рис. 40–6, 7). Подковки крепились гвоздями. Обувь с твердым каблуком в Новгороде появилась довольно поздно – в XIV в., подковки, которыми подбивали каблуки, также встречаются только в слоях XIV–XV вв. (Колчин Б.А. 1959. С. 108). Аналогичные подковы обнаружены на Вятском городище (Макаров Л.Д. 2001. С. 97, рис. 53-6).

Многочисленную категорию бытовых вещей составляют замки и ключи, представленные изделиями из черного и цветного металла.

Замки – 5 целых изделий и 9 представлены дужками или отдельными фрагментами. Замки нескольких групп.

Группа 1. Навесные замки с выдвижной дужкой и расходящимися пружинами.

Тип 1. Пустотелый корпус замка имел цилиндрическую форму, в верхнем донышке ряд отверстий для прохода пружин дужки, в нижнем – отверстия для ключа. К стенке корпуса припаян малый цилиндр, служивший для утопления в нем другого конца дужки. В литературе эти замки часто называют замками новгородского типа. Встречаются такие замки довольно широко, но для датировки большинство исследователей все же используют новгородскую типологию и хронологию (Колчин Б.А. 1959. С. 80–87).

Вариант 1. представлен двумя экземплярами с Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (1 в обломках) и одним экземпляром с Сауткинского селища.

Замки с усиленным донцем и ключевым отверстием, закрытым вертикальными щитками (рис. 41–3, 5). Прорезь для ключа оформлена в виде щели. Высота корпуса замка с Сауткинского селища 43 мм, длина щитка – 15 мм, диаметр основного цилиндра – 21 мм.

Аналогичен новгородским замкам типа Г, появляется в конце XIII в., бытовал до второй половины XV в. (Колчин Б.А. 1959. С. 82, рис. 68–1).

Вариант 2. замок из раскопа 1 2004 г. найден в жилом доме на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище. В корпусе замка имеется поперечная щель для лопасти ключа, на донце замка отверстие в виде щели. Массивная дужка укреплена цельнокованным стержнем (рис. 41–1). Замок относится к типу Б новгородских замков бытовавших в XII–XIII вв. (Колчин Б.А. 1959. С. 80, 82).

Вариант 3. – 3 экз. Два замка из раскопок Юльяльского селища, на донце которых имеется одна линейная щель. Высота корпуса 40 и 60 мм, диа-

метр большого цилиндра 20 и 30 мм. Корпус цилиндра усилен поясками из приваренных (напаянных) железных полос (рис. 41–2). Миниатюрный замок этого же типа с небольшой линейной прорезью для ключа, обнаружен на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (рис. 41–4).

Найденные замки можно отнести к типу В новгородских замков (Колчин Б.А. 1959. С. 82). Последний замок отличается от упомянутого типа более миниатюрными размерами и расположением щели на донце вдоль замка, а не поперек, как в типе В.

По новгородским древностям замки этого типа датируются серединой XII–концом XIV в. (Колчин Б.А. 1959. С. 82). Следует признать, что более детально рассмотреть варианты этого типа не позволяет отсутствие дужки. По материалам болгарских селищ низовий Камы тип В датируется концом XII–серединой XIII в. (Руденко К.А. 2001. С. 45), по материалам Болгара данные замки датируются в пределах XIII–XIV вв. (Савечникова Л.Л. 1996. С. 42).

Вариант 4. представлен одним замком, относящимся по новгородским древностям к замкам типа Е (Колчин Б.А. 1959. С. 82, рис. 68-3; С. 84), обнаружен в коллекциях Юльяльской кузницы (Рис. 41–9). У замков этого типа отсутствует малый цилиндр – его заменяют 2 выступа с отверстиями, отходящие от концов большого корпуса. У дужки замка нет дугообразного выступа, а вместо него идет прямой соединительный стержень. На одном конце П-образной дужки имеется пружинный механизм, которым она вставляется в корпус замка и запирается. Другим свободным стержнем дужка, проходя через отверстие в верхнем выступе, входит в другой выступ, замыкая этим замок. Замки этого типа появляются в Новгороде в середине XIV в (Хорошев А.С. 1997. С. 16). Аналогичные замки обнаружены в материалах Хлыновского кремля, Троицкого городища (Макаров Л.Д. 2001. С. 77, рис. 33-29; С. 117, рис. 73-26), Балынгузского (Торецкого) III селища (Валиулина С.И. 2004. С. 165, С. 182, рис. 8-3), Белоозера (Захаров С.Д. 2004. С. 207, рис. 186-26, 28). Схожий принцип замка – отсутствие малого цилиндра и дугообразного вы-

ступа на дужке, наличие прямого соединительного стержня имеет и замок с селища Красное селище II. По форме аналогий замку не выявлено (рис. 41–8).

Тип 2. На Важнангерском (Мало-Сундырском) городище найден замок, пустотелый корпус которого имел кубическую форму (рис. 41–7). В верхнем донышке имеется круглое отверстие для одного из краев дужки, в нижнем – прорезь для ключа. К стенке корпуса припаян малый цилиндр, служивший для утопления в нем другого конца дужки. В материалах поселений XIII–XV вв. Марийского Поволжья, в частности на Сауткинском селище, найден еще один замок такого типа. Аналогий данному типу не обнаружено.

Группа 2 представлена двумя экземплярами в виде стилизованных изображений животных.

Одна половинка замка из цветного металла в виде стилизованного изображения лошади найдена в раскопе 1983 г. на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (рис. 41–6). Поверхность украшена кружковым орнаментом. В этом же году найдена дужка от замка такого типа.

Половинка замка в виде единорога была обнаружена в яме 23 (1997 г.) на селище Красное селище II. Изделие имеет четко выраженные ушки, загнутый к голове хвост и пуансонный орнамент на поверхности. Многочисленные находки таких изделий на нижневолжских золотоордынских городищах XIII–XIV вв. (Казаков Е.П. 1984. С. 48, рис. 8–5; Федоров-Давыдов Г.А. 1994. С. 194, 198, рис. 43–6) и в болгарских памятниках XI–XIV вв. (Руденко К.А. 2001. С. 41–42).

Ключи – 9 экз. По форме ключи делятся на отделы: а) коленчатые, б) простые уплощенные, в) с выступом на стержне, г) ключ с полым стержнем и бородкой на конце.

Коленчатые ключи – 8 экз. (рис. 42–5, 6, 10, 12). У 4 экземпляров сохранился полностью нижний конец в форме сегментовидной лопасти с прорезями. Три экземпляра относятся к объемным ключам, с ручкой округлого

сечения. У двух изделий в нижней части стержня имеется вертикальная прорезь для контрольного штифта.

Такие ключи имеют аналогии в материалах болгарских селищ (Руденко К.А. 2001. С. 47, рис. 20 – 20, 21) и соответствует замкам новгородского типа В (Колчин Б.А. 1959. С. 87). Ключи с прорезью укладываются в тип В варианта 2, который датируется серединой XIII–XIV вв.

Простые уплощенные ключи – 6 экз. (рис. 42–1–4) предназначены для замков новгородского типа Г второй половины XIII–середины XV в. и имеют широкое бытование в лесной полосе Восточной Европы.

Ключ с выступами на стержне – 1 экз. из раскопок 1999 г. Важнангерского (Мало-Сундырского) городища имеет 2 выступа (рис. 42–13). Ключи такого типа встречаются преимущественно в русских древностях. По форме напоминает ключи от пружинных замков типа Ж, которые по новгородским материалам датируются концом XIV–XV вв. (Колчин Б.А. 1959. С. 84, рис. 68–7). В более ранний период они обнаружены на сельских поселениях вятичей XIII в. (Никольская Т.Н. 1981. Рис. 25–17). В составе русского импорта близкое изделие отмечено А.М. Белавиным на селище Телячий брод XIII–XIV вв. (Белавин А.М. 2000. С. 149, рис. 83–21).

Ключ с полым стержнем и бородкой на конце – 1 экз. найден на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (рис. 42–11). Имеет определенное сходство с ключами от комбинированных нутряных замков Новгорода X–XIII вв. (Колчин Б.А. 1965. рис. 76), но у последних бородка имеет отгибы в одну или разные стороны. Близкие аналогии также можно проследить в материалах Золотаревского городища X–XIII вв. (Белорыбкин Г.Н. 2001. Рис. 45–16) и на городище Спасское XII–XIII вв. в земле вятичей (Никольская Т.Н. 1981. Рис. 27–14).

Ключи к нутряным цельнометаллическим замкам – 2 экз. обнаружены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище. Оба изделия имеют тяжелую литую головку, мощный стержень и прорезную лопасть. Стержень в од-

ном случае полый, во втором имеет прорези. На стержень ключей напаяны полоски из цветного металла, у одного ключа из цветного металла отлита и головка (рис. 42–8, 9). Изделий идентичных данным ключам не обнаружено. По аналогии с новгородскими традициями можно сделать заключение, что подобные ключи использовались для неподвижных цельнометаллических замков, появившихся в начале XIV в. (Колчин Б.А. 1959. С.91).

Ремесленный инструментарий

Резец – 1 экз. представленный на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище относится к разряду крючковидных резцов и предназначен для токарных работ по дереву, а также им пользовались ковшечники для внутренних выемов (рис. 36–11).

Стамеска–1 экз. найдена на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище. Изделие имеет длину 160 мм; квадратное сечение стержня и круглое сечение черешка (рис. 36–12). Рабочая часть приострена. Использовалась для работы по дереву. Близкий по размеру экземпляр обнаружен на Белоозере (Захаров С.Д. 2004. рис. 147).

Шилья – универсальный инструмент, используемый в хозяйстве и в ремеслах (рис. 36–1-5). На Важнангерском (Мало-Сундырском) городище обнаружено 6 экз., причем 3 в раскопе 2000 г. Применялись шилья трех видов: с круглым сечением (1 экз.), ромбовидным (2 экз.), квадратным (1 экз.), прямоугольным (2 экз.). Последний экземпляр имеет очень крупный размер – длина 120 мм, и приближается к сверлу. У одного изделия размером 65 мм с прямоугольным сечением сохранилась деревянная рукоять.

Иглы – 2 экз. обнаружены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, среди которых 1 представлен обломком. Во втором случае длина иглы составляет 75 мм, в сечении круглая. Судя по размерам, данная игла принадлежит к типу сапожных, шорных или для шитья тяжелых тканей.

Кочедыки – 4 экз. использовались для плетения лаптей, представлены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище и селище Красное Селище II.

Изделия с Важнангерского (Мало-Сундырского) городища представлены во фрагментах. Одно изделие из раскопа 1 2002 г. изготовлено из костяной пластины шириной 20 мм, длина сохранившегося фрагмента 130 мм. От железного кочедыка сохранился лишь фрагмент рабочей части (рис. 36–10).

На селище Красное Селище II найден кочедык длиной 140 мм, рукоять отделяется от рабочего лезвия легкой выгнутостью пластины (Рис. 36–8). Данный кочедык по болгарским древностям относится к группе А – имеющее плоское языкообразное вытянутое лезвие, крутозагнутое, с закругленным концом. Форма рукояти плоская, закругленная, на конце вытянутая пластина. В Болгаре изделия такого типа происходят в основном из сборов, один экземпляр найден в слое XIV в. (Город Болгар. 1996. С. 36; С. 37, рис. 12).

Зубила – 5 экз. использовались для рубки металла в холодном состоянии. Имели размеры от 40 до 65 мм, представляли собой прямоугольный брусок, с одного края заострен. Представлены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, селище Красное Селище II (рис. 38–3–6).

Пила – фрагмент небольшой пилы обнаружен на селище Красное Селище. Полотно в сечении имеет клиновидную форму. Длина фрагмента – 52 мм, толщина полотна у облома – 10 мм, у края – 6 мм (рис. 36–14). Судя по размерам, данный экземпляр мог использоваться в ювелирном деле или для обработки кости.

Ножницы обнаружены в одном экземпляре на Юльяльском селище. Половинка ножниц с размерами: общая длина 191 мм, длина клинка 82 мм, ширина клинка – 13 мм, толщина стрежня 2 x 7 мм (в сечении подпрямоугольное). Стержень ножниц имеет небольшую ложбинку, на краю стержня обломанная петля (рис. 38–18).

Изделие относится к типу пружинных ножниц, хорошо известному по русским древностям начиная с X века. Пружинные ножницы по новгородским древностям представляют собой «.. удлиненные с узкими лезвиями и тонкими стержнями, режущие полотна, отходящие от массивных пружинящих колец» (Колчин Б.А. 1965. С. 59).

Пружинные ножницы являлись основным типом, и применялись одинаково во все века (Колчин Б.А. 1959. С. 59), в Болгарах пружинные ножницы известны из сборов в районе Болгарского городища (Савечникова Л.Л. 1996. С. 30).

Пинцет – 3 экз. широко использовались ювелирами. Пинцет представляет собой две удлиненные пластинки, имеющие пружинящее скрепление на одном конце и захватывающее приспособление на другом.

В данном случае представлены изделия из железа с плоскими губами, найденными на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище и Юльяльском селище. Длина пинцета с расширенными концами составляла – 65 мм, у второго экземпляра сохранившаяся длина – 37 мм.

Железный пинцет с Юльяльского селища, длиной 120 мм (рис. 38–12), близок типу I пинцетов по классификации Б. А. Колчина и по новгородским древностям датируется X–XIV вв. (Колчин Б.А. 1959. С. 21, рис. 9; С. 22).

Гвозди – 41 экз. Абсолютно преобладают гвозди строительного крепежного типа, найденные на Юльяльском селище, Горношумецком городище, селище Красное Селище II, Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, Юльяльской кузнице. По длине эти гвозди колеблются от огромных, с длиной стержня 340 мм, до средних с длиной стержня 60 мм. По форме стержня они практически одинаковы и имеют подквадратное или подпрямоугольное сечение, гораздо реже встречается круглое сечение. Преобладает сечение 6 x 5 мм. Заостряется стержень плавно до самого острия гвоздя. По виду головки встречаются гвозди с плоской расплющенной шляпкой, в плане круглой, квадратной, подтреугольной, овальной.

Функционально близки к гвоздям **железные скобы** – 72 экз., которые использовались для скрепления досок. Представлены на всех поселениях. Скобы делятся на ленточные (рис. 38–19, 20) и эллиптические (рис. 38–17). Первая группа представлена 61 экз., вторая – 11 экз.

Размеры скоб: длина спинки – 53–58 мм, окончаний – 30–38 мм. На селище отмечена заготовка для скобы, с длиной спинки 54 мм, окончаний 42

мм. Существует мнение о том, что эллиптические скобы применялись только для нужд судостроения. (Захаров С.Д. 2004. С. 209). Скобы имеют широкие датировки и использовались на протяжении всего средневековья.

Оковка для лопаты – 1 экз. представлена фрагментом из железного расплющенного листа шириной 1–1,5 мм, сваренного по внешнему краю. Внешняя грань оковки отбивалась и затачивалась. На Руси деревянные лопаты существовали вплоть до XIX в. По Новгородским древностям известны деревянные землекопные лопаты с железной оковкой (Колчин Б.А. 1959. С. 75).

Сельскохозяйственный инвентарь.

Косы – 12 экз., из них 10 найдены на Сиухинской кузнице и представлены во фрагментах. Тем не менее, можно говорить о том, что все экземпляры относятся к категории кос-горбуш, но различаются по размерам и оформлению рукояти. Коса горбуша имела короткую рукоять, такой косой работали согнувшись, причем косить можно было и в правую, и в левую стороны.

О размерах кос можно судить по 2 изделиям найденным на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище.

Коса из полуземлянки, изученной в 2002 г. (рис. 37–5), имела ширину лезвия 32 мм, длина сохранившейся части лезвия 130 мм, очевидно, что лезвие было длиной не менее 300 мм. Длина черенка 70 мм. При переходе от лезвия к черенку имеется небольшой выступ, как у древнерусских кос (Колчин Б.А. 1959. Рис. 58; Чернецов А.В., Куза А.В., Кирьянов Н.А. 1985. С. 225), конец черенка отогнут. Южнорусские косы и болгарские косы имеют, как правило, более короткий черенок, выступ при переходе от лезвия к черенку отсутствует (Культура Биляра. 1985. С. 22, 23). Две косы с выступом от лезвия к рабочей части обнаружены на городище Иднакар (Иванова М.Г. 1998. Рис. 33-1, 6). Данный экземпляр относится к типичной серии кос-горбуш.

Более оригинальна коса из раскопа 2 2005 г. Она имеет длину лезвия 250 мм, ширину 30 мм. Окончание черенка оформлено петлей, при переходе

черенка к лезвию на полотне имеется отверстие (рис. 37–6). Коса близка косам со складным лезвием, обнаруженным в единичных экземплярах в Новгороде. По мнению Б.А. Колчина, такая коса, вероятнее всего, была орудием всадника или ямщика, которые использовали ее для заготовки корма коням в пути (Колчин Б.А. 1959. С. 74, рис. 61). Коса со складным лезвием в Новгороде датируется началом XV в. (Чернецов А.В., Куза А.В., Кирьянова Н.А. 1985. С. 225). Отдельные экземпляры складных кос, имеющих отверстия неподалеку от крюка обнаружены в Старой Рязани (Никольская Т.Н. 1981. С. 246; Монгайт А.Л. 1961. С. 262, рис. 110).

В целом, найденные экземпляры по пропорциям (соотношение длины и ширины лезвия) близки северному типу (новгородским и среднерусским) кос, но отличаются более мелкими размерами. Мелкие размеры кос в Новгороде отмечены исследователями в качестве более раннего признака (Чернецов А.В., Куза А.В., Кирьянова Н.А. 1985. С. 225).

Серп – 6 экз. Представлены в коллекциях Важнангерского (Мало-Сундырского) городища, Юльяльского селища, Красноселищенского II селища, Сиухинской кузницы, Горношумецкого городища. Все экземпляры представлены фрагментами. Местами на лезвии угадываются слабые следы от зубцов (рис. 37–2, 4).

Сошник представлен одним экземпляром с Носельского III селища. Он имел длину 296 мм, ширину втулки в нижней части 74 мм, длину втулки 105 мм, заостренный слегка выгнутый рабочий конец, едва намечающуюся асимметричность лопасти. Лопасть в продольном сечении обычно выгнута в сторону, противоположную от втулки (рис. 37–1). Изделие приближается к орудиям типа III В1 или III В2 классификации Ю.А. Краснова, зафиксированным не ранее XII в. главным образом в центральных и южных районах лесной полосы, а также в Волжской Болгарии (Краснов Ю.А. 1987. С. 51).

Жернова – 7 экз. Три нижних и один верхний жернова найдены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, верхний и нижний на Но-

сельском III селище, один верхний на селище Нижние Шелаболки I. О размерах жерновов можно судить по 3 экземплярам.

Жернов диаметром 540 мм с селища Нижние Шелаболки в центре имеет сквозное отверстие диаметром 50 мм и дополнительное отверстие ближе к краю жернова диаметром 45 мм. В профиле жернов куполовидной формы, высота в центре составляет 70 мм. По всей видимости, данный фрагмент является верхней половиной жернова. Носельский жернов (верхняя часть) по своим размерам ближе к экземпляру с селища Нижние Шелаболки, но не имеет дополнительного отверстия.

Экземпляр с Важнангерского (Мало-Сундырского) городища из полуземлянки (2004 г.) диаметром 340 мм, в центре жернова сквозное отверстие, подквадратной формы с размерами сторон 80 мм. Максимальная высота жернова составляет 100 мм, к краям имеется незначительное понижение. По аналогии с новгородскими древностями, данный фрагмент является верхним камнем бегунком, у которого отверстие служит для подачи зерна (Колчин Б.А. 1985. С. 272; С. 296, таб. 112). Фрагмент нижней половины жернова был обнаружен в Яме 1 (раскоп 1964 г.) на Важнангерском городище. Жернов диаметром 380 мм, в центре которого сквозное отверстие диаметром 30 мм. Высота жернова 65 мм.

Приспособления для подсобных работ и промыслов

Рыболовные крючки – 7 экз. Преобладают небольшие одноконечные крючки длиной от 38 до 60 мм, сечение стержня – круглое (5 экз.) или прямоугольное (2 экз.). У одного экземпляра на конце острия жало (рис. 38–7–11).

На селище Красное Селище обнаружен крупный экземпляр с длиной 840 мм, имеющий на конце вытянутого острия оттянутый зуб–жало (Рис. 38–9). В литературе такие крючки считаются промысловыми, рассчитанными на ловлю крупной рыбы (Колчин Б.А. 1959. С. 77).

Рыболовные грузила представлены 18 экз (рис. 39–14–17). По форме сечения, грузила делятся на линзовидные (1 экз.), округлые (4 экз.) и оваль-

ные (13 экз.). Размеры грузил: высота – 40-45 мм, диаметр – 41-45 мм; у овальных – 48-62 мм; диаметр изделий – 30-38 мм. Грузила с отверстиями в центре использовались для огрузки волоковых сетей (Захаров С.Д. 2004. С. 227).

Клинья железные – 11 экз. применялись для скрепления деревянных конструкций. Клинья имели один заостренный край, размеры от 30 до 45 мм, прямоугольное или подквадратное сечение. В засыпи вала Важнангерского (Мало-Сундырского) городища вместе с остатками внутривальных конструкций найдены компактно расположенные 8 железных миниатюрных клинышков длиной 27 мм с прямоугольным сечением.

Пряслица – 34 экз. Абсолютно преобладают пряслица из глины, на селище Красное селище II одно пряслице изготовлено из кости. По форме сечения пряслица делятся на четыре типа:

Тип 1 – 13 экз. Усеченно-биконические, в виде двух сложенных основанием трапеций (рис. 39–1, 4). Встречаются уплощенные пряслица (10 экз.) и выпуклые (2 экз.). У последних, на одном пряслице обнаружено клеймо в виде птичьей лапки и насечки по краю отверстия.

Тип 2 – 3 экз. Овальные (рис. 39–5, 6, 7).

Тип 3 – 14 экз. Округлой формы, сделанные из стенок сосудов и, в одном случае, из кости (рис. 39–11, 12, 13). Одно пряслице в форме многоугольника. Преобладают пряслица с диаметром 22–27 и 32–34 мм. В одном случае отмечен диаметр 42 мм у пряслица изготовленного из стенки болгарского сосуда. Костяное пряслице диаметром 42 мм, орнаментировано прорезанными концентрическими окружностями.

Тип 4 – 3 экз. Бочонковидные (рис. 39–8, 9).

Булавка – 2 экз. представлены в коллекции селища Красное Селище II. Обе булавы изготовлены из железа. Форма стандартная: длинный заостренный стержень округлого сечения, перекрученный несколько раз в верхней части, завершается петлеобразной головкой. Длина стержня 86 и 107 мм.

(рис. 36–6) . По новгородским древностям такие булавки встречаются преимущественно в слоях XIV в. (Колчин Б.А. 1959. С. 106).

Вооружение всадника и коня.

Булава в литературе относится к типичному ударному оружию, по новгородским древностям представляет собой короткую (длиной около 50 см) палку, на один конец которой насаживался массивный металлический или иной набалдашник (Медведев А.Ф. 1959. С. 132). На Важнангерском (Мало-Сундырском) городище найден железный набалдашник биконической формы с продольным отверстием по оси, в которое вставлялась рукоять (рис. 43–11). Рукоятка, судя по сохранившимся в отверстии фрагментам, была деревянной, обмотанной сверху тонкой железной пластиной, дополнительно сверху усилена тремя железными, с прямоугольным сечением, штырями. Максимальный диаметр набалдашника – 60 мм, высота – 41 мм, диаметр отверстия – 24 мм. Абсолютных аналогий не обнаружено, однако наиболее близок к нашей булаве экземпляр со Старокуйбышевского городища (Казаков Е.П. 1991. С. 100, рис. 35–18). На Руси булава имела широкое распространение в период с XII по XV в. (Медведев А.Ф. 1959. С. 137).

Наконечники стрел – 11 экз. Все относятся к отделу черешковых, изготовленных из черного металла. Наконечники представлены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, селище Красное Селище II, Юльяльском селище и Сиухинской кузнице. По поперечному сечению пера подразделяются на группы: а) плоские, б) граненые.

По форме пера на типы:

Группа А.

Тип 1 – 3 экз. Являются вариантами ромбовидных наконечников гнездовского типа с выпуклыми сторонами и вогнутыми плечиками. Представлены на селище Красное селище II (рис. 43–8) и Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (рис. 43–5). Вероятно к этому же типу можно отнести экземпляр со слабовыпуклыми стенками и прямыми плечиками с Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (рис. 43–6).

Наиболее близкие аналогии обнаружены на болгарских памятниках X–XIII вв. (Казаков Е.П. 1991. С. 94–95, рис. 34-9). Близкий экземпляр выявлен на Ефаевском могильнике (Медведев А.Ф. 1966. С. 157. таб. 23-36), Золотаревском поселении (Белорыбкин Г.Н., 2001. Рис. 75-3). По соотношению пропорций пера (1:4) данные наконечники могут быть отнесены к разновидности 2 типа 6 и датированы XIV–XV вв. (Медведев А.Ф. 1959. С. 155, таб. 9, № 50).

Тип 2. – 2 экз. Наконечники с прямыми или слегка выпуклыми стенками, вогнутыми плечиками, имеющие упор для древка. Наибольшее расширение в нижней части пера. Общая длина наконечника 113 мм, длина пера 70 мм, наибольшее расширение 16 мм. Пропорции пера 1: 5. От вышеописанных наконечников данный экземпляр отличается низким расположением наибольшего расширения (рис. 43–3).

Тип 3 – 3 экз. Листовидные с остролистным пером и расширением на уровне нижней четверти, в двух случаях отмечен слабовыраженный упор (рис. 43–7, 9). Общая длина наконечника (у одного наконечника черешок сохранился частично) 125 мм, длина пера 83-85 мм, максимальное расширение 22 мм. По форме пера данный тип наконечника близок типу 22 по новгородским древностям, где обнаружен в слое XIV века. Для данного типа наконечников характерен длинный черешок (А.Ф.Медведев, 1959, с. 168). Наконечники этого типа широко употреблялись на Руси в течении всего средневековья. (Медведев А.Ф. 1959. С. 168)

Тип 4 – 2 экз. Наконечник без упора с прямыми сторонами и плечиками. Общая длина наконечников – 63–83 мм, длина пера – 35–46 мм, наибольшее расширение – 7–12 мм, приходится на нижнюю часть у черешка (рис. 43–2).

Тип 5 – 1 экз. Черешковый железный наконечник. Перо имеет наибольшее расширение в верхней части. Общая длина наконечника – 78 мм, длина пера – 40 мм, ширина – 20 мм. Соотношение длины пера к наибольшему расширению составляет 2:1. При переходе от пера к черешку имеется

упор (рис. 43–4). По классификации А.Ф.Медведева относится к 13 типу – срезни тупоугольные. Наибольшее распространение данного типа наконечников на Руси относится к IX–XIII вв. (Медведев А.Ф. 1959. С. 166).

Группа Б.

Тип 1. – граненые – 1 экз. из раскопок Важнангерского (Мало-Сундырского) городища 1958 г. (рис. 43–1) Пирамидальные наконечники квадратного сечения с короткой шейкой по размерам аналогичны наконечникам типа 20 г. Биляра, где встречаются в слоях XI – первой половины XIII в. (Культура Биляра. 1985. С. 162)

Крюк медный – 1 экз. с Важнангерского (Мало-Сундырского) городища имел длину 4 см, крепился с помощью заклепок (рис. 44–3). Подобные крюки крепились на ремень и служили для закрепления колчана от тряски при верховой езде. Такой крючок – «верный признак конного лучника считают специалисты по вооружению» (Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. 1985. С. 312). Крючки с заклепками датированы очень относительно. По материалам Биляра предполагается их бытование на протяжении всего домонгольского периода (Культура Биляра. 1985. С. 142; Казаков Е.П. 1991. С. 98, рис. 34, 50, 51).

Удила – 4 экз.

Удила с Юльяльского селища относятся к односоставным однопетельчатым (рис. 44–5). Длина удил – 100 мм, сечение круглое. На концах удил цельные петли, в которые вставлены кольца. В нашем случае сохранилось одно кольцо овальной формы с размерами 63 x 42 мм. По материалам Волжской Булгарии датируются X – началом XII в. (Казаков Е.П. 1991. С. 105), по русским древностям XII–XIII вв. (Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. 1985. С. 359. Табл. 145–10).

Кольчатые удила с Носельского селища состоят из двух, соединенных крючками, грызл, в загнутые свободные концы которых вставлены кольца, которые здесь объединяют функции псалия и поводного кольца (рис. 45–1). Длина грызл – 105 мм, диаметр колец – 53 мм. В остальных случаях удила

представлены, как правило, одним звеном (грызлом) от двухсоставных удиц. Длина, судя по сохранившимся фрагментам, составляла от 80–85 до 115 мм. Наиболее массовое распространение кольчатых удиц приходится на XIII в. (Руденко К.А. 2000. С. 54). В коллекциях селища Красное Селище имеется фрагмент удиц представленный кольцом с сохранившимся фрагментом грызла. Диаметр кольца 48 мм.

Псалия – 1 экз. представлена на Юльяльском селище, изготовлена из круглого дрота диаметром 5 мм, на концах имеет заметное утолщение под ромбической формы (рис. 44–6). Имеет близкие аналогии в новгородских древностях (Медведев А.Ф. 1959. С. 189, рис. 23-4), где подобный экземпляр датирован в пределах X–XI вв. (Медведев А.Ф. 1959. С. 185).

Стремена – 3 экз. с Важнангерского (Мало-Сундырского) городища из раскопок 1999 и 2002 гг. и 1 экз. с Шартнейского II селища.

Изделие 2002 г. сохранилось полностью. Экземпляр имеет арочный контур, широкую подножку и выступающую прямоугольную дужку с горизонтальной прорезью для путлиц (рис. 44–1). По древнерусским материалам соответствует типу VIII А по типологии А.Н. Кирпичникова (Кирпичников А.Н. 1973. С. 51), по болгарским коллекциям типу В1 типологии К.А. Руденко (Руденко К.А. 2000. С. 51), по материалам кочевников Восточной Европы типу В 1 (Федоров-Давыдов Г.А. 1966. С. 12). Аналогии встречаются на памятниках Древней Руси и Волго-Уральского региона X–XIV вв., в Нижнем Поволжье (Иванов В.А., Кригер В.А. 1988. С. 26–27; Руденко К.А. 2000. С. 51).

Второе изделие из раскопа 1999 г. представлено фрагментом дужки треугольной формы (рис. 45–6). Дужка не выступала за арочный контур стремени, имела горизонтальную прорезь. Изделие соответствует древнерусским стременам XII–XIII вв. типа VII по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников А.Н. 1973. С. 50) и изделиям Волго-Камья типа Г-1 по типологии К.А. Руденко (Руденко К.А. 2000. С. 51–52). Г.А. Федоров-Давыдов датирует их временем XII–XIII вв. (Федоров-Давыдов Г.А. 1966. С. 15, 115).

На Шартнейском II селище найдена дужка от стремени с расплющенной верхней частью, выступающей над прорезью для путилища (рис. 44–7). По форме дужки, по типологии К.А. Руденко, стремя можно условно отнести к двум типам: тип Д I и Д II, которые различаются по форме подножки. Хронологические рамки указанных типов различны: тип Д I датируется X–XII вв., изделия типа Д II найдены на селище Дамба I второй половины XIII–XIV вв., и в п. 8 могильника Песчаный остров второй половины XIV в. (Руденко К.А. 2000. С. 52, 64). Датировка XIII–XIV вв. вполне соотносится с керамическим комплексом селища.

Подковы – 5 экз. Целая подкова обнаружена на Юльяльском селище и Сиухинской кузнице (рис. 45–2, 4). Размеры сохранившейся подковы с Юльяльского селища: 115 x 90 мм, с массивным пирамидальным шипом в передней части. Вдоль центральной оси подковы проходит неглубокая канавка, аналогичный экземпляр найден в Новгороде (Медведев А.Ф. 1959. С. 188. рис. 22-8). В подкове сделано 6 отверстий для гвоздей, из которых сохранилось 5. Второй экземпляр с Юльяльского селища представлен в сильно фрагментарном состоянии, тем не менее можно говорить о том, что в передней части имелся шип, отверстия для гвоздей располагались без выемки (Рис. 45–5). На Юльяльской кузнице обнаружен фрагмент подковы с двумя сохранившимися подпрямоугольными отверстиями. Подкова тонкая, является, по видимому, производственным браком (Рис. 45–4).

Две подковы с Сиухинской кузницы также с пирамидальным шипом, но с 4 отверстиями для гвоздей. Размеры подковы – 90 x 45 мм. Подкова с пирамидальным шипом найдена и на Горношумецком городище.

По новгородским древностям 6 отверстий отмечено у подковы с канавкой, датируемой XI в., подковы XIII и XVI вв. имели по 4 отверстия (Медведев А.Ф. 1959. С. 190). В целом, такие подковы имели широкое бытование с XI по XVII в. (Древняя Русь. 1995. табл. 148), но на них отсутствует канавка. Подковы с канавкой обнаружены на Золотаревском поселении, но имеют по 4 отверстия для гвоздей (Белорыбкин Г.Н. 2001. С. 156, 159. Рис. 97).

Гвозди для подков с прямоугольной шапочкой найдены на площадке святилища Важнангерского (Мало-Сундырского) городища, Юльяльских кузнице и селище.

Пряжки подпружные – 5 экз. изготовлены из железа.

Тип 1. Прямоугольные – 2 экз.

Тип 2. Полукруглые – 2 экз.

Тип 3. Круглые. Пряжка треугольная в сечении представлена 1 экземпляром с селища Красное Селище (рис. 45–3).

Найдены также 8 язычков от пряжек, тип которых установить не удалось. Пряжки всех типов бытовали широко и долго. Они применялись в конской упряжи, но могли использоваться и в портупее.

Со снаряжением коня связан механизм от так называемого *путного* замка, найденного на Юльяльской кузнице. Фрагмент представлен запирающими стрежнями с приваренными пластинами. Тормозная головка плоская, в сечении округлая, диаметром 26 мм. Длина изделия не менее 80 мм. «Путные» замки использовали для стреноживания лошадей. По болгарским древностям такие замки датируются домонгольским временем, единичные экземпляры встречаются и в XIII в. (Руденко К.А. 2001. С. 47).

Кольчуга. Фрагмент кольчуги найден в яме 3 из раскопа 2 2005 г. Важнангерского (Мало-Сундырского) городища и состоит из железных подпрямоугольных звеньев П-образной формы. Звенья из твердой проволоки диаметром 1 мм, концы приострены и загнуты. Звенья крепились на какую-то основу (кожаную ?) (рис. 43–10).

Отдельные железные кольца на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище находили неоднократно. В 2002 году в раскопе 3 найдено кольцо диаметром 10 мм, толщина проволоки 1 мм. В раскопе 2000 г. найдены 2 железных кольца: одно разомкнутое диаметром 14 мм, второе сплошное диаметром 16 мм. Одно кольцо найдено в раскопе 2004 года, диаметр кольца 12 мм. Толщина проволоки обоих колец до 2 мм.

Судя по диаметру колец и толщине проволоки, вполне возможно, что они являются кольчужными.

Украшения и предметы туалета

Серьги и височные кольца изготовлены из цветного металла.

Серьга в форме знака вопроса из медной проволоки представлена одним экземпляром (рис. 46–8). Стержень имеет дополнительную проволочную обмотку и нанизанную бусину. Длина изделия 48 мм. Аналогичные украшения являются частой находкой в памятниках Среднего Поволжья золотоордынского времени (Полякова Г.Ф. 1996. С. 174-175; Федоров-Давыдов Г.А. 1966. С. 39-41, рис. 6), изредка встречаются на Руси (Седова М.В. 1981. С. 16). В марийском костюме XVI–XVII вв. эти украшения стали этноопределяющими, но использовались в качестве височных колец (Никитина Т.Б. 1992. С. 52).

Височные кольца представлены перстнеобразными проволочными бронзовыми и серебряными изделиями – 6 экз.

Тип 1. с отогнутым концом – 4 экз. (рис. 46–5)

Тип 2. с простыми концами – 2 экз. (рис. 46–6, 7)

В памятниках Северной Руси, новгородских древностях встречаются с конца XI до начала XV в. и не могут быть датирующими (Седова М.В. 1981. С. 13). Встречаются они в золотоордынский период у болгар (Полякова Г.Ф. 1996. С. 174). В марийских древностях они появляются также в конце XI в. и найдены во многих марийских погребениях XI–XIII вв. (Никитина Т.Б. 1990. Рис. 1–14; Архипов Г.А. 1986. С. 15).

Перстни – 9 экз.

Все перстни относятся к типу перстней-печаток и имеют щиток, на котором иногда фиксируются слабые неясные очертания каких-то изображений (рис. 46–12, 13-15). Встречаются перстни с овальным щитком (4 экз.) и миндалевидным (1 экз.), у одного экземпляра щиток не сохранился. У перстня с селища Красное Селище на щитке изображена свастика (Рис. 46–21). Аналогичные изделия с изображением свастики обнаружены на болгарских сели-

щах, памятниках Древней Руси (Руденко К.А. 2001. С. 78, С. 199. рис. 28; Седова М.В. 1981. С. 135. Рис. 49-18).

Пластинчатые широкосерединные замкнутые перстни представлены двумя экземплярами с селища Красное Селище II. Обруч плавно расширяется к миндалевидному щитку. Орнамент не читается.

Сюльгама - 2 экз. – на Красноселищенском II селище найдена сильно разогнутая сюльгама из круглой медной проволоки с концами, загнутыми в трубочки. Вторая сюльгама округлой формы с диаметром кольца 25 мм и загнутыми в спираль концами изготовлена из бронзовой проволоки. Концы не выступают за основание стержня. Язычок свободно передвигается по кольцу и не выступает за его диаметр.

Бусы – 5 экз. представлены в единичных экземплярах.

Бусина изготовлена из стеклопасты синего цвета, биконической формы. Диаметр – 17 мм, длиной – 14 мм. Поверхность бусины ребристая, однако, ребристость выражена слабо (рис. 46–4).

Костяная круглая, бочонкообразная бусина диаметром 9 мм, длиной 6 мм. Поверхность бусины украшена двухрядной волной (рис. 46–3).

Колесовидная, круглая бусина из желтого прозрачного стекла диаметром 9 мм, длина 5 мм.

Мелкие бусины, называемые в литературе бисером, представлены двумя экземплярами, изготовленными из прозрачного стекла зеленого цвета. Диаметр бусин 5 мм, длина 3 мм (Рис. 46–1). По болгарским древностям бисер встречается на всех поселениях и не имеет узкой датировки (Руденко К.А. 2001. С. 95).

Костяная пластина – 1 экз. найденный фрагмент толщиной 1,5 мм, поверхность украшена циркульным орнаментом.

Накладки – 8 экз. Представлены единичными экземплярами, соответственно каждая представляет собой отдельный тип. В зависимости от материала встречаются накладки изготовленные из цветного металла (бронзы), железа, кости.

Накладки из цветного металла.

Тип I. Бронзовая литая, подпрямоугольной формы с фигурными концами найдена на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище. На лицевой стороне в центре выпуклый ромб, остальная поверхность занята косыми насечками. С обратной стороны имеется два штифтика (рис. 46–32). Аналогии накладке имеются в материалах Алексеевского селища, датируемого XI – началом XIII в (Руденко К.А. 2000-а. С. 70, рис. 8–18), Болгара (Полякова Г.Ф. 1996. рис. 67–36), селище Телячий Брод (Белавин А.М. 2000. С. 136, рис. 72–7).

Тип II. Накладка из цветного металла подпрямоугольной формы с округлыми концами, орнаментированными косыми насечками из коллекций Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. Длина наклада 52 мм, ширина 3 мм, на концах и в середине ширина 7 мм. Посередине наклада имеется выступ с отверстием. В нашем случае, накладка крепилась на основу при помощи трех шпеньков. Шпеньки расплющивались при помощи дополнительной пластины с внешней стороны. Зазор между внешней накладкой и пластиной составляет порядка 3 мм (рис. 44–4). Абсолютных аналогий накладке не обнаружено.

Тип III. Ажурная накладка с Юльяльского селища представлена в одном экземпляре. Размеры наклада 35 x 21 мм. Крепилась к основе при помощи шпеньков (рис. 46–25).

Накладки из железа.

Тип I. Накладка длиной 40 мм, шириной 25 мм происходит с Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (рис. 44–2). По форме близка экземпляру из Болгарских материалов – с петлей для прикрепления боковых ремней, выделенная исследователем в отдел В–VIII – крестовидные с петлей для ремня. (Полякова Г.Ф. 1996. С. 221, рис. 68-12). Близкие аналогии обнаружены в материалах Балынгузского (Торецкого) III селища, Камаевского городища (Валиулина С.И. 2004. С. 161, 177, рис. 4–7).

Тип II. Железная литая накладка сердцевидной формы с петлей изнутри, имеющая размеры 32 x 27 мм с Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (рис. 46–33). В нижней и в правой верхней части имеются отверстия, сохранились следы клепки.

Тип III. Представлен двумя накладками из тонкого железа. Одна в форме многоугольника с геральдическим оформлением верхнего окончания и тремя сквозными отверстиями (рис. 46–30). Размеры накладки 35 x 36 мм. Вторая накладка округлой формы диаметром 31 мм. Обе накладки найдены на Юльяльском селище.

Накладки из кости.

Тип I. Представлен одним изделием на селище Красное Селище II (рис. 46–31). Накладка имеет размеры 40 x 15 мм, орнаментирована параллельными прорезными линиями. Верхнее окончание накладки имеет фигурное завершение.

Подвеска – 1 экз. из железа овальной формы с загнутым ушком найдена на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище. Размеры подвески 16 x 20 мм.

«Копоушки» – 5 экз. Изготовлены из железа и цветного металла. Все экземпляры представлены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище.

Длина железного изделия 52 мм, в нижней части небольшая ложечка, в верхней части петля для подвешивания. Верхняя часть состоит из отдельных сегментов, украшенных геометрическим орнаментом (рис. 46–16, 17). Аналогичное изделие из железа представлено в материалах Суздаля, в постройке 29/1982 г. В целом, материал обнаруженный в постройке датируется в пределах второй половины XII–XIV вв. (Седова М.В. 1997. С. 106–107; С. 179, рис. 69–3).

Помимо целых экземпляров, на городище обнаружено два декоративных навершия из цветного металла, предположительно от «копоушек» (рис. 46–27, 28).

Зеркало – 1 фрагмент зеркала из цветного металла с высоким краем и нечетким изображением животных, бегущих по кругу обнаружен в жилище на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (рис. 46–34). Диаметр изделия 7–8 см. Зеркало близко зеркалам отдела К типологии Г.А. Федорова-Давыдова, имеет аналогии в Болгаре, Увеке, Новом Сарае и датируется второй половиной XIII–XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А. 1966. С. 82, 116, рис. 14–3).

Предметы культа

Кресты – 8 экз.

По материалу, из которого изготовлены, кресты подразделяются на каменные и бронзовые. Кресты с городища были предварительно опубликованы Д.Ю. Ефремовой (Ефремова Д.Ю. 2004).

Группа 1. Каменные кресты. Представлена 1 экземпляром из раскопок на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище в 1958 года.

Крестик изготовлен из серого шифера (–?) имеет размеры: 4, 5 x 3, 2 см и прямосрезанные концы. Порода камня дается по отчету Т.А. Хлебниковой, в лаборатории не уточнена. Вполне возможно, что это сланец, так как большинство известных каменных крестов в Среднем Поволжье изготовлены из сланца, в том числе часто использован серый сланец (Полубояринова М.Д. 1997. С. 217). Аналогичные кресты получили название крестов-«корсунчиков» (по предполагаемому месту их производства в Корсуни), и наибольшее распространение по всей территории Древней Руси XI–XIII вв. (Николаева Т.В., Недошивина Н.Г. 1997. С. 173). Каменные кресты на Руси изредка использовали как тельные кресты, но обычно они входили в состав ожерелий и носились поверх одежды (Сидоренко Г.В. 2003. С. 2–4). Д.Ю. Ефремова данное изделие датировала XIII в. (Ефремова Д.Ю. 2004. С. 96). Однако они встречаются на Руси и в более позднее время. М.Д. Полубояринова отметила их бытование в русских древностях и золотоордынских горо-

дах Поволжья в период XII–XIV вв. (Полубояринова М.Д. 1993. С. 14), в Суздале они связаны со слоями XIV–XV вв. (Седова М.В. 1997. С. 204).

Группа 2. Бронзовые.

Тип 1. Кресты с криновидными окончаниями – 2 экз.

Вариант 1. Центральный лепесток криновидных концов сильно выпуклый и имеет на конце дополнительное утолщение в виде шарика. Обратная сторона гладкая.

Один крест из раскопа 1983 г. Важнангерского (Мало-Сундырского) городища имеет размеры 32 x 25 мм. В центре средокрестия рельефно обозначен ромб. Ушко загнуто в виде пластинки.

Второй крестик по манере оформления и размерам близок к вышеописанной, но имеет небольшие отличия в оформлении. Размеры креста: 3,5 x 2,5 см, ромб в центре средокрестия отсутствует, но из центра в стороны расходятся 4 рельефно выраженных луча. Ушко отлито с крестом в одной форме, на внешней поверхности ушка нанесен крест.

Точных аналогий данным изделиям не обнаружено, но по технике оформления концов и пропорциям крестов к этим изделиям близки находки с Никулицына городища (Макаров Л.Д. 2001. Рис. 59, 2; Полубояринова М.Д. 1997. Табл. 121–15). На Руси они получили распространение в период XIV–XV вв. (Полубояринова М.Д. 1997. С. 217), в Новгороде в слое XIV–начала XV в. близкие по форме кресты не имеют дополнительных выступов на концах (Седова М.В. 1981. рис. 16–8).

Вариант 2 – 4 экз. Плоские маленькие кресты размерами 2,6 x 2,0 имеют в центре средокрестия рельефное изображение ромба с крестом (рис. 46–18, 24). По контуру всего креста заметен слабовыпуклый ромб и косые насечки на лопастях. Обратная сторона гладкая. Все крестики имеют стандартные размеры, но, судя по индивидуальным особенностям, изготовлены не в одной форме. В литературе они встречаются чаще всего в разряде криноконечных малоформатных крестов (Николаева Т.В., Недошивина Н.Г.

1997. Табл. 103–40). Достаточно широко известны на территории Руси XIV–XV вв. (Полубояринова М.Д. 1993. С. 18; Захаров С.Д. 2004. С. 165; Седова М.В. 1997 С. 203) и в русских древностях соседних территорий: Вятская земля (Макаров Л.Д. 2001. Рис. 59–4, 5), Волжская Болгария (Полубояринова М.Д. 1978. С. 81, рис. 17, 4, 6).

Тип 2. Кресты тельники с прямоугольным или фигурным завершением лопастей.

Вариант 1. Железный крест с прямосрезанным завершением лопастей – 1 экз. Имеет размеры 38 х 21 мм и слегка расширенные концы. Крест сильно коррозирован, но на поверхности сохранился орнамент (позолота – ?). По краям креста два ряда окантовки, между ними двухременная плетенка. Железные кресты аналогичной формы были найдены в г. Котельниче (Макаров Л.Д. 2001. рис. 59 – 12). Орнаментация плетенкой на бронзовых крестах встречается в материалах Никулицына городища (Макаров Л.Д. 2001. Рис. 59–11) и в Новгороде в слое начала–середины XV в. (Седова М.В. 1981. С. 55, рис. 16–20). Однако крест со слегка расширяющимися концами в Древнем Новгороде был обнаружен в слое второй половины XIV в. Д.А. Беленькая считает, что подобная форма крестов-тельников была унаследована от домонгольского времени (Беленькая Д.А. 1997. С. 223). Фрагмент аналогичного креста найден на селище Нижние Шелаболки.

Вариант 2. Второй экземпляр относящийся к этому типу найден на селище Красное селище II. Размеры изделия 36 х 21 мм. По внешнему контуру креста идет выступающий бортик. На лицевой части изображен крест, окончания которого оформлены в виде заполненных треугольников основанием наружу. Средокрестие оформлено в виде ромба. С обратной стороны также изображение креста, окончание и средокрестие которого оформлены в виде ромбов, внутри которых решетка. С лицевой стороны на кресте имеются надписи. Вверху и внизу надписи заключены в прямоугольники и нанесены в зеркальном изображении «SI» и «ХЯ», справа от средокрестия «NI», слева

«КА» (Рис. 46-20). Д.Ю. Ефремовой данный крестик датирован XV-XVI вв. (Ефремова Д.Ю. 2004. С. 101).

К предметам культа относится бронзовая монетовидная *подвеска* с селища Красное Селище II диаметром 15 мм с ушком для подвешивания. На лицевой стороне имеется рельефное изображение святого с книгой в левой руке (рис. 46–19). Аналогичная подвеска обнаружена в новгородских древностях, где датируется XIII в. (Седова М.В. 1981. С. 62).

Торговый инструментарий представлен двумя осями от весов (1964, 2000 гг.) и свинцовым грузиком найденными на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище.

Грузик – 1 экз. из раскопа 2005 г. имеет форму усеченного конуса, небрежные насечки по верхнему краю. Назначение данных изделий не выяснено окончательно, одни считают их разновесом, другие пломбами, которые привешивались к связкам шкур животных (Валеев Р.М. 1986. С. 110; Хузин Ф.Ш. 2001. С. 239), но большинство исследователей все же связывают их с товарно-денежным обращением. Такие изделия характерны для Волжской Болгарии, золотоордынских городов и древней Руси домонгольского и монгольского времени (Руденко К.А. 2001. С. 103–104, Полякова Г.Ф. 1996. С. 246–248; Белорыбкин Г.Н. 2001. Рис. 36–39–46; Седова М.В. 1981. С. 157).

«*Щипчики*» – в раскопе 2002 г., двусоставные из лопастей со щитком на конце, соединенных друг с другом шарниром. «Щипчики» из цветного металла, максимальная длина 60 мм. (рис. 46–35) Функциональная принадлежность данных изделий однозначно не определена. Большинство исследователей считает их рычажными весами необычной конструкции, которые использовались «для быстрого взвешивания золотоордынских серебряных монет» (Федоров-Давыдов Г.А. 1994. С. 178; Судаков В.В. 1996. С. 172; Руденко К.А. 2004. С. 277). Данные изделия, изготовленные из кости, довольно часто встречаются на золотоордынских городищах (Федоров-Давыдов Г.А. 1994. С. 178), на русских памятниках: Никулицыно городище (Макаров Л.Д. 2001. С. 105, рис. 61–13, 14), Переяславль Рязанский в слое XIV–XV вв. (Судаков

В.В. 1996. С. 171, рис. 5–12-а, б, в), Суздаль (Седова М.В. 1997. Рис. 70 – 10, 11). Аналогичные изделия из цветного металла представлены экземпляром с Билярского городища (Руденко К.А. 2004. С. 644 рис. 147–37, 55). К.А.Руденко рассматривает данные изделия как хронологические реперы второй половины XIII–XIV вв. (Руденко К.А. 2004. С. 277).

Шахматы – в раскопе 2000 г. найдена костяная поделка в виде усеченного конуса со срезанным верхом, близкая по форме поделка обнаружена в Новгороде и определена как пешка (Рыбина Е.А. 1997. С. 325, рис. 59). Высота изделия – 17 мм, диаметр основания – 14 мм, диаметр верхушки – 8 мм. Верхняя часть пешки украшена тремя глубокими бороздками, в центре верхушки небольшое отверстие. Четких датировок большинство шахматных фигур не имеет, и происходят из слоев с широкими датировками, чаще всего XII–XIII или XIII–XIV вв. (Рыбина Е.А. 1997. С. 114).

Игральные фишки или битки – представлены 1 астрагалом с сильно залощенной поверхностью. Аналогичные изделия обнаружены на памятниках Волжской Булгарии, бытовали с X в. до позднего средневековья (Руденко К.А. 2005. С. 74).

Таким образом, вещевой инвентарь поселений Марийского Поволжья конца XIII–XV вв. достаточно разнообразен. На каждом поселении встречаются предметы, связанные с земледелием и скотоводством, широко распространены изделия, свидетельствующие о занятиях промыслами. Значительная часть коллекций представлена вещами бытового и хозяйственного назначения. Материалы поселений имеют близкие аналогии на памятниках Древней Руси, Вятского края, Волжской Булгарии, Верхней Камы.

Глава IV. ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

§ 1. Хозяйство, торговые и культурные связи населения

Марийского Поволжья

Тип хозяйства средневекового населения обусловлен в первую очередь природно-географическими условиями. Марийский край расположен на стыке двух больших ландшафтно-географических зон – лесной и лесостепной, границей между которыми служит р. Волга (Хорев Б.С. 1964. С. 10). В южной части района, которую принято называть правобережьем, преобладает лесостепной ландшафт. Здесь находится Приволжская возвышенность, разделенная р. Сурой на две части: Мордовскую и Чувашскую возвышенности с платообразной, хорошо дренированной поверхностью с сильным развитием оврагов, балок и оползней, расчленяющих ее во всех направлениях. Основной почвенный фон представлен слабо- и среднеподзолистыми почвами с пятнами серых лесостепных суглинистых почв. Удачное соединение в почвах правобережного района высокого содержания органических веществ с легким суглинистым составом обеспечило им большое природное плодородие.

Анализы пыльцы из древних памятников (XII–XIV вв.) свидетельствуют о лесостепном характере ландшафта этого района. Характерной особенностью являлось высокое содержание широколиственных пород. В слое Носельского III селища обнаружены споры дуба (34,6 %), липы (24 %), лещины (8,6 %); на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище – споры дуба (16,8 %), липы (6,8 %), лещины (15,3 %), а также орляка и плауновых. Споры хвойных пород незначительны (Шаландина В.Т., Шакирова Д.Р. 1995. С. 171). Долины крупных рек, широкие, с хорошими дерново-подзолистыми почвами создавали возможность использовать их в качестве пастбищ и пахотных угодий.

Население Марийского Поволжья занималось различными видами хозяйственной деятельности, отдельные стороны которой можно охарактеризо-

вать по находкам предметов быта и орудий труда, рассмотренных выше. Хозяйство марийцев было комплексным.

О развитии земледелия свидетельствуют находки жерновов на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (4 экз.), Носельском III (верхний и нижний), Красноселищенском II селище (фрагмент верхнего жернова), каменного песта для растирания зерна на Носельском III селище, фрагментов серпов, кос, сошника. Находки сошника и жерновов позволяют говорить о достаточно развитой системе земледелия у местного населения. Сошник близок изделиям, которые принадлежат, по мнению специалистов, двузубым сохам (Краснов Ю.А. 1987. С. 188), у марийцев назывались «*кок кўртнян шага-вуй*» и использовались в качестве основного пахотного орудия вплоть до середины XIX в. (Андреев И.А. 1989. С. 58, 65). Эти наконечники следует рассматривать как переходную форму от коловых сошников к перовым и пригодных для обработки старопахотных земель (Краснов Ю.А. 1987. С. 191), что говорит о появлении трехпольной системы обработки почвы.

Использование жернова свидетельствует об общем увеличении во II тыс. н.э. количества зерна: это может быть связано с развитой подсекой или с пашенным земледелием. По мнению Ю.А. Краснова, железные серпы в Среднем Поволжье и Прикамье появляются одновременно с железными наральниками, свидетельствующими о развитии здесь пашенного земледелия (Краснов Ю.А. 1971. С. 41). По этнографическим данным, серпы также характерны лишь для земледелия с применением упряжных пахотных орудий (Архипов Г.А. 1978. С. 19). Вероятно, в первой половине II тыс. н.э. население Марийского Поволжья уже перешло от традиционного для эпохи раннего средневековья подсечного земледелия к более развитым формам обработки земли, перелугу и, возможно, ведению двупольного севооборота. Двупольная система земледелия считается переходной от подсечно-огневой к трехпольной паровой системе. Особенностью парового двуполья является то, что пашня делилась на два поля и обрабатывалась по трехпольному принципу с периодическим запуском одного поля под пар (Андреев И.А. 1986. С. 24).

Такая система земледелия практиковалась в марийских и удмуртских деревнях вплоть до конца XIX в. (Андреев И.А. 1986. С. 24). В научной литературе также существует точка зрения, что двупольное и трехпольное хозяйство требует в качестве подкормки земли дополнительного удобрения ее навозом (Кириянов А.В. 1959), а значит, тесно связано с развитием скотоводства. Кроме того, введение новой системы обработки почвы требовало наибольшего приближения пахотных полей к поселениям, чтобы избежать дальних перевозок навоза на поля. Именно такую систему расселения мы наблюдаем в пределах Марийского Поволжья, особенно в его правобережье. Если на рубеже I–II тыс. н.э. селища располагались преимущественно на песчаных всхолмлениях (дюнах) в поймах рек (55 %) и на первых надпойменных террасах (33,3 %) (Никитина Т.Б. 2002. С. 36.), то большинство селищ XIII–XV вв. (Важнангерское, Носельские, Сауткинское, Красное селище IV и др.) располагаются на коренной террасе, наиболее приспособленной для земледелия. Аналогичную систему фиксируют этнографические источники вплоть до XIX в. «Каждая деревня построена при нарочитой реке или на речке, или озере, а при том поблизости к пашням» (Миллер Г.Ф. 1781. С. 7). Необходимым условием новой системы земледелия является наличие сенокосов (Кириянов А.В. 1959. С. 334–335).

Развитие скотоводства подтверждается находками костей домашних животных на городище и окружающих его поселениях. Всего диагностировано на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище 1683 костных фрагмента, Юльяльском селище – 75; селище Нижние Шелаболки I – 18; селище Красное Селище II – 1663. На Юльяльском поселении кости домашних животных составили 100% собранной остеологической коллекции, на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище – 86,2 %, на Красноселищенском селище – 90%, селище Нижние Шелаболки – 100.* Марийцы разводили в этот период лошадей, свиней, крупный и мелкий рогатый скот. Остеологические остатки показали следующее процентное соотношение видового состава на

* Определение остеологического материала произведено канд. ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараевой

Важнангерском (Мало-Сундырском) городище: лошадь – 16,4 %, свинья – 37,3 %, крупный рогатый скот – 20,9 %, мелкий рогатый скот – 25,9 %; на Юльяльском селище: крупный рогатый скот и свинья по 33,3 %, мелкий рогатый скот и лошадь по 16,6 %; на селище Красное Селище: свинья – 43,2 %, крупный рогатый скот – 11,4 %, мелкий рогатый скот – 27,3 %, лошадь – 4,5 %. Такое содержание костей в целом отражает традиции животноводства, сложившиеся в регионе в предшествующую эпоху. В составе домашних животных в I тыс. н.э. ведущее место занимала свинья. Ее кости составляют на Одоевском городище 77 % от костей домашних животных, на Богородском – 71 %, на Сомовском II и Чортовом городищах – 50 %. Значительная роль отводилась лошади и крупному рогатому скоту (Никитина Т.Б. 2002. Табл. 26).

Ю.А. Красновым в Среднем Поволжье и Приуралье на основании картографирования основных видов животных в период раннего железного века и раннего средневековья выделено 4 территориально ограниченных района. Среднее Поволжье и Поветлужье вошло в IV регион, на памятниках которого в остеологическом материале ведущее место занимает свинья и лошадь, затем крупный рогатый скот и мелкий рогатый скот (Краснов Ю.А. 1971. С. 131). В материалах поселений Марийского Поволжья снижается доля костей лошади и увеличивается процент костей от мелкого рогатого скота. В частности, на Красном Селище преобладают свиные кости – 43,2 % от всех костей животных и 50 % от костей домашних животных, крупный рогатый скот – 11,4 % и 13,2 %, мелкий рогатый скот – 27,3 % и 31,6 %, лошадь – 4,5 % и 5,3 % (Никитина Т.Б. 2002. С. 135–137). Уменьшение количества костей лошади в составе кухонных отходов в середине II тыс. вполне закономерно и связано, прежде всего, с изменением роли лошади в хозяйстве, которая стала использоваться в качестве тягловой силы в пашенном земледелии. Безусловно, что на поселениях сохраняются в основном «кухонные» отходы, по которым, в первую очередь, можно составить представление о питании местного населения. Подсчет произведен по методике предложенной Г.Ш. Асылгараевой и апробированной на остеологических материалах селищ Волжской Бул-

гари (Асылгараева Г.Ш. 2004. С. 158–159). Для ориентировочных подсчетов, учитывая большой разброс по размерам и у крупного рогатого скота, и у лошадей, принимается, что в среднем лошади и коровы/быки были в семь и девять раз тяжелее по весу, чем овцы и козы. Соответственно выход мясных продуктов от крупного рогатого скота был в шесть–семь раз больше, чем от мелкого рогатого скота или свиньи. Умножая на соответствующий коэффициент долю костей каждого вида, получаем удельное потребление мяса этих видов по слоям. Доля костей крупного рогатого скота умножается на 9, доля костей лошади на 7, а доля мелкого рогатого скота и свиньи умножается на 1. В таком случае, очевидно, что в питании населения Важнангерского (Мало-Сундырского) городища преобладала говядина, составлявшая 51,2 % от всего мясного рациона. Далее следуют свинина (23,3 %), конина (18,9 %) и мясо мелкого рогатого скота (6,6 %). Несколько отличаются показатели с селища Красное Селище: говядина составляла 69,2 %; свинья – 16,7 %; мелкий рогатый скот – 8,0 %; лошадь – 6,1 %.

Кроме того, марийское население, разводило птицу: кости птицы обнаружены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, Красноселищенском селище. Разведение животных предполагало заготовку кормов. Орудием для сенокоса служили косы, абсолютное большинство которых составляют косы-горбуши. Согласно этнографическим данным, коса-горбуша могла использоваться для заготовки кормов, а также для уборки плохих хлебов и овса и применялась на болотистых и кочковатых почвах. (Челищев П.Н. 1896. С. 185) от чего и произошло ее второе название «коса-горбуша» (Крюкова Т.А. 1956. С. 17). Такой труд был малопроизводителен: семь человек в три дня скашивали одну десятину (Крюкова Т.А. 1956. С. 12, 17). Косами со складным лезвием, по мнению Б.А. Колчина, пользовались всадники или ямщики для заготовки корма коням в пути (Колчин Б.А. 1959. С. 74, рис. 61). На поселениях встречаются находки конской упряжи: удила (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище, Носельское III, Юльяльское селища), псалии (Юльяльское селище), подпружные пряжки (Важнангерское (Мало-

Сундырское) городище, селище Красное селище II). Частой находкой на поселениях являются подковы для лошадей и гвозди к ним. Лошадь использовалась как средство для верховой езды, поэтому неоднократны находки стремян (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище, Шартнейское селище).

Мелкий рогатый скот, помимо мяса, приносил, по-видимому, и шерсть, свидетельством чему является найденный на Юльяльском селище фрагмент ножниц, которые могли использоваться для стрижки овец. Находки шильев свидетельствуют о развитии ремесел, связанных с обработкой кожи. По данным анализов остеологических материалов селища Красное Селище, отмечен большой процент ягнят, забитых в возрасте 3–4 месяцев, что может быть связано с получением от них шкур, из которых изготавливались кожаные изделия (Асылгараева Г.Ш. 2004. С. 127).

С ремесленной деятельностью населения связаны 2 кузницы, на которых изготавливались изделия из черного металла. Здесь найдено несколько десятков заготовок изделий, необходимых марийцам в бытовой жизни и производственной деятельности: скобы для лодок, крепежные гвозди, фрагмент замка, дверные дужки, подковы. Почти все изделия имеют следы излома или производственного брака. Здесь же найдены железные бруски различных размеров, которые, вероятно, служили исходным сырьем для мелких изделий. О существовании ремесленных мастерских на поселениях свидетельствуют находки заготовок и шлаков. В частности на Юльяльском селище в одной из построек обнаружена глиняная обмазка и шлаки, заготовка ножа, которые позволяют предполагать наличие производственной мастерской. Кроме того, зубила для рубки металла в холодном состоянии были найдены на Важнангерском городище, селище Красное Селище; здесь же неоднократно найдены железистые шлаки и куски крицы, но остатки мастерской пока не идентифицированы.

Подсобными промыслами были охота и рыболовство. Находки рыболовных крючков, блесен и грузил от сетей, костей рыб, рыбьей чешуи явля-

ются прямыми доказательствами этого вида деятельности на протяжении всей эпохи средневековья. Судя по размерам крючков, преобладала ловля крупной рыбы: осетровых, сомов, щук. Процент костей рыбы, например, на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище незначителен, всего 3,7 %, на селище Красное Селище II – 1,1 %, и не может в полной мере отразить долю рыболовства в хозяйственной деятельности. Рыба использовалась в пищу скоту как в целом виде вместе с костями, так и в качестве добавки костной муки. Удивляет малое количество костей диких животных в составе остеологического материала. На городище найдены лишь 3 фрагмента кости от кабана и 1 от зайца, на других памятниках Важнангерской (Мало-Сундырской) округи костей животных не найдено вообще, на селище Красное Селище II найдены кости от 2 лисиц и одного зайца. По этнографическим материалам достоверно известно, что марийцы употребляли в пищу зайчатину вплоть до начала XX в., а раньше, кроме того, ели мясо медведей, лосей, барсуков, белок и др. (Сепеев Г.А. 1975. С. 223). Аналогичные сведения встречены и у других авторов. Т.А.Крюкова приводит данные об употреблении марийцами в пищу мяса оленя, сохача, медведя (Крюкова Т.А. 1956. С. 93), а «мясо белок и зайцев у них почитается лакомством» (Фукс А. 1910. С. 55). Отсутствие костей диких животных, вероятно, следует объяснить особым к ним отношением. В промысловом культе охотников коми существовало убеждение, что убитый зверь возродится, хотя бы в лице другой особи, поэтому его остатки тщательно собирали и зарывали или оставляли в укромном месте (Конаков Н.Д. 1983. С.190). Аналогичные обряды известны и у других народов Севера. Например, береговые чукчи после окончания сезонного промысла тюленей проводят «праздник голов», в завершение которого собирают остатки всей съеденной добычи и бросают обратно в море с целью их возрождения (Токарев С.А. 1990. С. 238).

В качестве орудий охоты использовались наконечники стрел, единичные экземпляры которых обнаружены на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, Сиухинской и Юльяльской кузницах, Юльяльском

селище. Большинство приспособлений для охоты были из дерева и лыка (Крюкова Т.А. 1956. С. 31–38; Сепеев Г.А. 1975 С. 92–95).

Как один из видов промыслов можно рассматривать ткачество, о существовании которого свидетельствуют многочисленные находки пряслиц. К прядильным принадлежностям относятся и железные булавки, использовавшиеся для крепления к лопасти прялки кудели льна. Ткани сшивались при помощи железных иголок. Роль этого промысла в хозяйственной деятельности мари была очень высока, поэтому «В XVII веке марий, кроме ясака, обложены были еще подушной податью, которая равнялась 1р. 10 к. с человека и, по словам, Ченеды (1657 г.) нет крестьянского дома, который бы не вносил ежегодно государству в казну 3 фунта пряденного льну, свитого в веревки: каждый же из них фунтов содержит 15 обыкновенных» (Егоров Ф.Е. 1925. С. 82).

Основным поделочным материалом в быту и строительстве в Марийском крае было дерево. К сожалению, дерево в слое поселений Марийского Поволжья не сохраняется, поэтому образцы изделий не обнаружены. Сохранились лишь отдельные инструменты для работы по дереву. На Важнангерском (Мало-Сундырском) городище обнаружены стамеска для работы по дереву и резец, который обычно предназначался для токарных работ по дереву, а также им пользовались ковшечники для производства внутренних выемов. На Сиухинской кузнице найдены фрагменты рабочей части долота (Халиков А.Х. 1958. Отчет ... Л.104).

Проживая на крупной реке, марийцы умели строить лодки, о чем свидетельствуют находки крепежных скоб для лодок. Казанский летописец содержит сведения о судовой рати черемисов (Казанская история. 1954. С. 132).

Для изготовления посуды использовалась местная глина, к которой в качестве отощителей добавлялись шамот, раковина, песок и дресва. В XIII–XV вв. марийские гончары сохранили традиционные рецепты изготовления посуды лепным способом. Но в этот период начинают внедряться новые технологии в изготовлении посуды: используется ручной гончарный

круг. Первые сосуды, изготовленные с применением гончарного круга очень трудно отличить от лепных: тулово сосуда изготовлено техникой налепа, а на гончарном кругу подправлен лишь край венчика. В это же время появляются сосуды более совершенного облика из местной глины с использованием древнерусской гончарной традиции.

Население Марийского Поволжья поддерживало постоянные торговые и культурные контакты как внутри округа, так и с окружающими их народами, прежде всего, с русскими и булгарами. В научной литературе принято выделять несколько форм торговли: локальную, внутригосударственную, региональную, внешнюю или международную (Валеев Р.М. 1995. С. 40). Так называемая локальная торговля имела бытовое, повседневное значение, осуществлялась в виде обмена ремесленных изделий на зерно и продукты животноводства. Местом такой торговли обычно служил общественный центр, на котором производился обмен между сельским населением близлежащих деревень. Осуществление операций при внутренней торговле происходило на основе натурального обмена, не требующего наличия денег. Таким центром для населения Важнангерской (Мало-Сундырской) округи было Важнангерское (Мало-Сундырское) городище, в культурном слое которого обнаружены изделия как местного производства, так и привезенные для продажи.

На Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, Юльяльском, Сауткинском селищах обнаружены также русские и татарские монеты. Монеты не имели отверстий и использовались в качестве денежных единиц. На Важнангерском (Мало-Сундырском) городище найдены также весы для быстрого взвешивания монет. Наличие этих находок свидетельствует о существовании внешней торговли.

В качестве торгового центра могли выступать как городища, так и селища. Например, для Важнангерской (Мало-Сундырской) округи торговой факторией могло являться Юльяльское селище. Выгодное географическое положение: приречное расположение, наличие удобных бухт, близость Волжского торгового пути, открытость поселения – позволяют говорить о

том, что Юльяльское селище могло являться торговой факторией. В пользу этого говорит и, например, процентное содержание привозной «булгарской» керамики в круговой посуде, которая в общем керамическом комплексе на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище составляет – 0,27 %, а на Юльяльском селище – 7,22 %. О существовании на месте Юльяльского селища ярмарки «торгоцы» свидетельствуют письменные источники и народные предания (Иванов А.Г. 1994. С. 214–221). Еще Спиридон Михайлов, ссылаясь на народные предания и письменные источники XVII–XVIII вв., писал о существовании в этих местах главного тракта, связывающего Нижний Новгород с Чебоксарам и Казанью (Михайлов С. 1972-г. С. 239–240). О существовании торгового пути по Волге свидетельствуют и письменные источники XV в. При направлении посольства великого князя Ивана Васильевича к казанскому царю Магмет-Эмину в 1489 году был дан наказ «Князь великий велел тебе говорити: и ты бы в Казань через Мордву и через Черемису на Муром и Мещеру не ездил никто, а ездили бы из Казани все Волгою на Новгород на Нижней» (Казанская история. 1954. С. 59).

Характер вещей и керамики поселений свидетельствуют о двух направлениях торговых контактов марийского населения. Восточное направление торговых связей осуществлялось через Волжскую Булгарию и далее вплоть до золотоордынских городов Среднего Поволжья. Западное направление торговых связей осуществлялось, вероятнее всего, через Северо-Восточную Русь и Нижегородское княжество. По многочисленным источникам известно, что Волжский торговый путь ожил в XIV в. (Полубояринова М.Д. 1978. С. 43). О постоянных путешествиях русских купцов в Орду, в основном, по Волге, свидетельствуют авторы XIII–XV вв.: Ибн Абд-аз-Захер, ал-Омари, Иосафат Барбаро (Полубояринова М.Д. 1978. С. 45).

На памятниках Марийского Поволжья обнаружено большое количество русских изделий, которые представлены, в основном, железными предметами бытового назначения (цилиндрические замки новгородского типа, ключи коленчатые, простые уплощенные и с выступом на стержне) и вооружения

(булава, фрагменты кольчуг). Двухцилиндровые замки были широко распространены в Волжской Болгарии, но, по мнению большинства исследователей, болгары их переняли у русских (Полубояринова М.Д. 1993. С.118). Встречаются на поселениях и предметы христианского культа – кресты.

Изделия болгарского производства в основном представлены предметами из бронзы: литая накладка подпрямоугольной формы с фигурными концами с изображением ромба в центре, накладка подпрямоугольной формы с шаровидными окончаниями, замочком в виде стилизованного изображения животного, фрагментов зеркал, весы для взвешивания монет. Булгарские аналогии имеет также крестовидная бляха с петлей для крепления боковых ремней.

Нужно отметить, что не все вещи попали к марийцам в результате торговли. Часть из них могла быть изготовлена на месте, но с использованием новых заимствованных технологических традиций, а отдельные вещи могли свидетельствовать и о присутствии на памятниках Марийского Поволжья представителей чуждого населения.

В керамическом комплексе Важнангерского (Мало-Сундырского) городища и окружающих его селищ, селищах Красноселищенского куста выделяется несколько групп керамики. Кроме собственно местной посуды, найдена болгарская керамика, которая в комплексах поселений составляет 0,27 – 7,22 %, и древнерусская посуда, достигающая 12,05 – 33,12 %. Поскольку на основании находок русской керамики, и в большей степени керамики «славяноидного типа» в Марийско-Чувашском Поволжье, Л.Д. Макаров высказывает мысль о том, что эти памятники считать «только древнемарийскими, мягко говоря, не совсем корректно ...» (Макаров Л.Д. 2004. С. 117), рассмотрим подробнее керамический материал селища Красное Селище, где процент славянской керамики составляет 33,12 %. Анализу подвергнуто 963 фрагмента верхних частей, среди которых лепная керамика составляет 99 фрагментов (10,28%), примитивно круговая 310 фрагментов (32,19%), славяноидная – 226 (23,47%). Таким образом, в общем керамическом комплексе памятника мест-

ная керамика (лепная, круговая, «славяноидная») составляет 65,94%. Большой процент русской керамики на селище Красное Селище по сравнению с другими поселениями Марийского Поволжья не удивителен, так как за Сурой начинается территория великого княжества Нижегородского (с 1340 г.). В связи с этим и контакты здесь были более активными (Архипов Г.А. 1982. С. 5– 50). Вместе с тем, не стоит преувеличивать уровень этих контактов. Территория Марийского Поволжья, наряду с землями заселенными мордвой, чувашами входила в так называемую «казанскую Украину», представлявшую собой буферную зону между Русским государством и соседними татарскими ханствами (Бахтин А.Г. 2004. С.151). Историками отмечается, что власть соседствующих государств на таких территориях была неопределенной, размытой. Занимая буферное положение, мордва, чуваша, марийцы оказались в специфической политической ситуации, позволявшей им играть на противоречиях феодальных государств, отстаивать свои интересы. Русская колонизация представляла для них большую опасность, поскольку булгары и татары не посягали на территорию этих народов, поэтому в большинстве они выступали союзниками последних и лишь мордва, значительно раньше вступившая во взаимоотношения с русскими оказалась на их стороне (Бахтин А.Г. 2004. С. 151). В отличие от мордвы, где например, на территории Сурско-Окского междуречья прослежено чересполосное существование мордовских и русских памятников (Белорыбкин Г.Н. 2003. С.169), на территории Марийского Поволжья такие случаи не отмечены. По всей видимости строительство в левобережье р.Суры г. Курмыша также не повлияло на колонизацию марийских земель, а Сура воспринималось естественной границей между землями Нижегородского княжества, а в последствии Русского государства, и территорией заселенной марийскими племенами (рис. 47).

Русское влияние, проявившееся в наличии русской посуды и русских вещей на средневековых поселениях Марийского Поволжья, неоднократно отмечалось многими исследователями (Хлебникова Т.А. 1967; Архипов Г.А. 1982; Никитина Т.Б. 2002). На сегодняшний день не ясно, кем являлись пер-

вые русские на территории края, и степень освоения ими региона. Скорее всего, появление отдельных вещей, керамики и даже отдельных поселенцев не является свидетельством широкого освоения края русским населением, как об этом пишет Л.Д. Макаров (Макаров Л.Д. 2004 б. С.117). Проникновение вещей не всегда обусловлено непосредственным миграционным движением: исследователи неоднократно отмечали общность материальной культуры Восточной Европы предмонгольского периода (Полубояринова М.Д. 1993. С. 119; Измайлов И.Л. 1986. С. 132).

Скорее всего, многие из вещей, найденных на марийских поселениях, были привезены от русских с соседних, и, в первую очередь, с близлежащих территорий (Засурье). Не случайно керамика селища Красное Селище в оформлении края венчика и орнаментации посуды находит аналогии в посуде Коринского, Наговицинского, Оленья Гора и др. поселений, расположенных на территории Нижегородского Поволжья. Например, в посуде селища Красное Селище и Горношумецкого городища встречается орнамент из прорисованных прямых полос, в то время как в керамике Важнангерской (Малосундырской) округа такой орнамент отсутствует.

Нельзя исключать и возможность пребывания в Марийском Поволжье русских торговых людей, ремесленников, как это было в Волжской Болгарии (Полубояринова М.Д. 1993. С. 119– 120), и просто отдельных вольных беглых поселенцев, изготавливавших русскую посуду, которая в силу близости формы (горшок с расширением в верхней части), примеси – дресва, и уровня технологии (обжиг), быстро распространялась в среде местного населения. Проникновение русских вещей началось задолго до рассматриваемого хронологического периода, они неоднократно фиксировались в марийских захоронениях XI–XIII вв., но не удается выделить ни одного чистого погребального русского комплекса. Точно также, ни на одном поселении Марийского Поволжья конца XIII–XV вв. не удается выделить жилые или хозяйственные постройки с чисто или преимущественно славянским комплексом, или обозначить на поселениях локальную территорию с русской посудой. Не извест-

но и ни одного самостоятельного русского поселения этого периода на правобережье Марийского Поволжья в зоне наибольшего распространения славяноидной керамики. Компактный куст поселений с русской керамикой фиксируется в устье р. Ветлуги, левого притока р. Волги, но этот материал трудно использовать в полной мере для анализа. Поселения не имеют выраженных хронологических комплексов, керамический материал имеет более поздний облик, относящийся к XVI–XVII вв. Следует все же отметить тот факт, что устье р. Ветлуги не попадает в зону активного распространения «славяноидной» посуды.

Таким образом, на основании анализа вещевых материалов следует отметить, что в период конца XIII–XV вв. на территории Марийского Поволжья происходят торговые и культурные контакты с Русью и Волжской Болгарией, чему в немалой степени способствовало возрождение Волжского торгового пути. Характер взаимодействия с Русью на данном этапе неправомерно рассматривать как колонизацию.

§ 2. Социально-экономическая структура

Исследования памятников Марийского Поволжья позволили представить довольно полную картину культуры и экономики населения в рассматриваемый период. Раскрытие вопросов социально-экономической организации общества представляет серьезную трудность в силу ограниченных возможностей археологических материалов. В решении этих аспектов очевидна необходимость более детального анализа, как самих археологических данных, так и привлечение других источников.

Модели и методы изучения пространственного размещения мест обитания и хозяйственной деятельности по археологическим данным успешно разрабатываются в зарубежной и отечественной науке (Афанасьев Г.Е. 1982. С. 3–4). Некоторые из предложенных методов были использованы при анализе системы расселения Марийского Поволжья в XIII–XV вв.

В соответствии с современными методиками исследования для оседлого населения принято определять единую экономическую зону в пределах 5 км, а активную ресурсную зону в пределах 1 км (Афанасьев Г.Е. 1989. С. 4–5). Правомерность использования данной методики для исследованной территории подтверждают этнографические материалы. Так, в д. Большой Карамас Сотнурской волости даже в середине XIX в. пахотные земли находились на расстоянии от 1 до 2,5 версты, а навоз вывозили на прилегающие к селениям полосы (наиболее активно используемые) в 0,75 верстах (Андреев И.А. 1986. С. 28). Косвенным подтверждением того, что единая экономическая зона составляла около 5 км, являются данные из марийского фольклора. В летописях упоминается три марийских князя Алтыбай, Урса и Ямшанай, которые жили до прихода татар, приблизительно в тот же период, когда существовало Важнангерское (Мало-Сундырское) городище. По преданиям, это были могучие богатыри, которые перекидывались друг с другом топорами на 5 верст, то есть расстояние между владениями (Смирнов И.Н. 1889. С. 180).

В левобережье р. Волги выявлен куст памятников, включающий Горношумецкие городище и селище, Починковское I селище, Удельно-Шумецкое II селище (рис.1). Памятники расположены на расстоянии от 200 до 4500 м друг от друга.

Горношумецкое городище занимает мыс коренной террасы р. Волги. Площадь городища составляет 12100 кв.м. Высота мыса 20–22 м, северо-западный и юго-восточный склоны защищены оврагами. Горношумецкое поселение отнесено к городищам условно, поскольку оборонительных сооружений не выявлено. Тем не менее, топография памятника вполне приемлема для городища, в связи с чем можно согласиться с предположением В.В. Никитина о том, что укрепления были сnivelированы при строительстве деревни. Изначально городище датировано серединой II тыс.н.э. (Никитин В.В. 1987. Отчет ... С. 49). В 2004 г. в мысовой части памятника изучены остатки хозяйственной постройки, и на основании находки навесного замка полукруг-

лой формы, имеющего в корпусе скважину для ключа, постройка датирована временем не ранее конца XV в. (Никитин В.В. 2004. Отчет ... С. 11). Второй половиной XIII–XV вв. может быть датирован найденный в постройке фрагмент (не сохранился низ) простого уплощенного ключа, используемый в замках типа Г. (Хорошев А.С. 1985. С. 15). Керамические материалы городища, в частности, наличие посуды, подправленной на круге, позволяет датировать памятник в пределах XIII–XV вв.

В меньшей степени исследованы селища левобережья р. Волги. Материал представлен лишь керамикой, однако ее однородность позволяет отнести памятники к периоду функционирования Горношумецкого городища. В качестве центра в данном случае логично рассматривать Горношумецкое городище, в 5-ти километровую зону которого входит 4 селища. Более детальное изучение степени взаимосвязей между данными поселениями вряд ли возможно, поскольку площадь селищ определена по распространению подъемного материала. В этом отношении более исследованным является куст памятников в округе Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. Этот микрорегион отличается высокой степенью изученности, проработкой датировок и определением площади поселений преимущественно по распространению культурного слоя.

Рассмотрим памятники округа с точки зрения датировок и их местонахождения относительно Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. Важнангерская (Мало-Сундырская) округа включает 8 селищ, 1 производственный объект (Юльяльская кузница), городище, 3 жертвенника.

Важнангерское (Мало-Сундырское) городище – расположено на высоком мысу (высота 72 м над уровнем волжской поймы) правого берега р. Волги. Площадь памятника составляет 56 700 кв.м. Городище имеет мощную оборонительную систему с напольной и мысовой стороны. На площадке выявлены остатки жилых и хозяйственных сооружений, получен богатый вещевой инвентарь. В мысовой части памятника выявлены остатки жертвенника, представленного кострищами, содержащими большое количество кальцини-

рованных костей. Материал жертвенника (кресало, наконечник стрелы, керамика) позволяет говорить о его функционировании в период активной жизнедеятельности на городище. В целом материал городища укладывается в хронологические рамки XIV–XV вв.

Важнангерское селище расположено в 1000 м к северу-северо-западу от Важнангерского (Мало-Сундырского) городища, на мысу коренной террасы левого берега р. Малый Сундырь, правого притока р. Волги. Высота склонов по отношению к пойме составляет 8 м. Культурный слой распахивается, сохранился лишь местами в виде черного гуммированного суглинка мощностью 34–36 см. При этом, следует учитывать, что верхний слой поврежден пахотой, поскольку селище распахивалось в XIX в. (слой пахоты под дерном, составляющий от 24 до 35 см, также насыщен материальными остатками). Площадь памятника составляет 8300 кв. м. Вещевой материал представлен фрагментами керамики, ножом, костями животных. Керамика аналогична посуде Важнангерского городища. Дополнительных материалов, уточняющих датировку селища, не обнаружено. Судя по керамике, селище одновременно городищу.

Важнангерский жертвенник расположен в 2500 м к западу от Важнангерского городища на мысу высотой 14 м. Памятник исследован О.В. Даниловым (Данилов О.В. 1989), повторно осмотрен Д.Ю.Ефремовой, в результате шурфовки получен дополнительный вещевой инвентарь (Ефремова Д.Ю. 2004). О.В. Даниловым памятник датирован XVI в., Т.Б. Никитиной отнесен к периоду функционирования городища. В культурном слое и в ямах обнаружены развал сосуда, фрагмент монетовидной подвески, гвозди от подковы для коня. Основой для датировки послужил развал кругового сосуда с примесью раковины из кострища 3, аналогии которому имеются в посуде Важнангерского (Мало-Сундырского) городища.

Носельское III селище расположено на мысу коренной террасы правого берега р. Волги, в 2500 м к северу-западу от Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. Памятник двухслойный (средневековье и эпоха

бронзы). Культурный слой эпохи средневековья – темно-серая гуммированная супесь толщиной до 50 см. Площадь селища составляет 3333 кв.м. Вещевой материал представлен керамикой, обломками жерновов, каменным песком, удилами, сошником. Исследователь памятника А.Х. Халиков датировал селище концом XIII – началом XIV в. (Халиков А.Х., Архипов Г.А. 1958. Отчет ... С. 218). Г.А. Архипов впоследствии уточнил датировку по керамике XI–XIII вв. возможно, началом XIV в. (Архипов Г.А. 1982. С. 20). Для уточнения датировки селища может быть использован сошник. Аналогичные изделия встречаются в центральных и южных районах лесной полосы, а также на территории Волжской Булгарии не ранее XII в. (Краснов Ю.А. 1987. С. 51). Двусоставные кольчатые удила имеют достаточно широкий временной диапазон и встречаются с X по XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А. 1966. С. 20; Руденко К.А. 2000. С. 54). Таким образом, с учетом вновь выявленных материалов первичная датировка памятника (XIII–XIV вв.) является более достоверной.

Носельское II селище расположено в 2400 м к северу – северо-западу от Важнангерского(Мало-Сундырского) городища, на мысу, известном под названием «Вараш нер» (Ястребиный мыс). Площадь памятника 581 кв.м, он датирован А.Х. Халиковым XIII–XIV вв. (Халиков А.Х. 1958. Отчет ... С. 224). К юго-востоку от II селища, на соседнем мысу, известном под названием «Кандуш нер» (мыс Кандуша) расположено Носельское I селище, которое А.Х. Халиков датировал I тыс. н.э. (Халиков А.Х. 1958. Отчет ... С. 224). Повторный осмотр памятника в 2004 г. показал, что вся площадка мыса использовалась как в I, так и во II тыс. н.э. (Ефремова Д.Ю. 2004. С. 18–19). В материале шурфов, забитых на Носельском I селище, представлена круговая керамика с примесью раковины и раковины с шамотом, что характерно для первой половины II тыс. н.э. Керамический материал памятника аналогичен посуде Носельского III селища, на основании чего селище можно датировать XIII–XIV вв. С учетом исследований 2004 г. площадь памятника составляет 1337 кв.м.

Носельский жертвенник расположен в 200 м от Носельских селищ, и в 2000 м к северо-западу от Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. Памятник выявлен Д.Ю. Ефремовой и отнесен к периоду функционирования Носельских селищ. Культурный слой толщиной от 10 до 20 см представлен гуммированным суглинком с включениями мелких кальцинированных костей, угля, золы. Площадь памятника определена приблизительно в 1000 кв.м. (Д.Ю. Ефремова. 2004 г. Отчет...).

Ключевское селище занимает край надлуговой террасы правого берега р. Волги. Культурный слой в виде темного гуммированного суглинка имеет толщину от 20 до 50 см. Сборы представлены керамикой (местной, русской, болгарской), бубенчиком. Площадь селища (3000 кв. м) определена по распространению подъемного материала и культурному слою, хорошо просматриваемому в обрыве (Никитин В.В. 1999. Отчет ... С. 35–36). По керамическому материалу селище одновременно Важнангерскому (Мало-Сундырскому) городищу, Носельским селищам и функционировало, по всей видимости, в период с конца XIII до начала XV в. Более узкую датировку определить затруднительно ввиду отсутствия датирующего материала.

Шартнейское I селище расположено на надлуговой террасе правого берега р. Волги в 1700 м к востоку от Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. Материал представлен сборами лепной и круговой керамики. По внешнему виду, составу формовочных масс и формам посуда аналогична керамике Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. Площадь селища определена по распространению подъемного материала – 2000 кв.м.

Шартнейское II селище (разрушено при заполнении ложа Чебоксарского водохранилища) располагалось на надпойменной террасе правого берега р. Волги в 1200 м к востоку – северо-востоку от Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. Площадь памятника определена по распространению подъемного материала в 3000 кв.м. Керамический материал аналогичен посуде, найденной на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище. Для датировки селища можно использовать фрагмент стремени, представленный

верхней частью. По аналогии с материалами Волжской Булгарии стремя датировано XIII–XIV вв., соответственно, и селище может быть датировано в этих же пределах.

Шунангерское III селище. Располагалось на дуне в пойме правого берега р. Волги, в 3000 м к юго-востоку от Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. Площадь поселения определена по топографии и составила 7 200 кв.м. Предварительно селище датировано XII–XIII вв. (Никитин В.В. 1974. Отчет ... С. 79–80). Анализ керамического материала (представлена только круговая посуда), и, прежде всего, оформление края венчика (наплыв с внешней стороны, выраженная блоковидность), позволяет датировать памятник XIII–XIV вв.

Юльяльское селище занимает первую надпойменную террасу в устье р. Сундырь, правого притока р. Волги. Селище расположено в 3500 м к юго-востоку от Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. Площадь памятника в настоящее время составляет 14400 кв. м, однако по сведениям местных жителей вещи находили за 100 м от современного берега на затопленной в настоящее время площади. В связи с этим площадь памятника может быть определена в 22078 кв.м. Материал селища рассмотрен при характеристике хозяйства. Для датировки поселения можно привлечь монеты из постройки, изученной в 2002 г. (Михеева А.И. 2002. Отчет ...). Серебряная монета с четкой арабской надписью Хакан Тохта (1291–1312 гг.), чеканенная в Сарае (ал – Махруса в 710 г.х., то есть 1310–1311 гг.). Монета обрезана до 0,66 г. Такой вес был у монет конца XIV–начала XV в. Русская деньга из постройки датирована концом XIV в¹. В целом, селище может быть датировано XIV–XV вв.

Юльяльское городище расположено на мысу коренной террасы левого берега р. Сундырь в 3000 м к востоку-юго-востоку от Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. Городище интерпретировано исследователями как кузница и датировано серединой II тыс. н.э. (Чубарова Р.В. 1953. С. 186). В центре площадки, в яме обнаружено скопление целых и поломанных вещей:

¹ Монеты определены зав. сектором нумизматики НМРТ А.З. Сингатулиной

серпов, ножей, обломка сверла, подковы, пряжки, дужки, скобы, гвоздей, пробоев. Анализ вещевого материала, в том числе фрагмента замка, по новгородским древностям относящегося к типу Е, позволяет датировать слой кузницы XIV–XV вв.

Сауткинское селище расположено на мысу коренной террасы левого берега р. Сундырь, правого притока р. Волги, в 5000 м к юго-востоку от Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. Площадь памятника с учетом разрушенной части составляет 10900 кв.м. Материал представлен керамикой, железной петлей и ручкой от медного таза, двумя замками. Замок относится к типу Г с усиленным донцем и ключевым отверстием, закрытым вертикальными щитками, бытовавшими с конца XIII в. до второй половины XV в. (Колчин Б.А. 1959. С. 82–83, 87). Медный таз с массивными железными ручками по аналогии с материалами Волжской Булгарии датируется золотоордынским временем (Руденко К.А. 2000-а. С. 74–75). Интересен и замок с корпусом трапецевидной формы, найденный пока только на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище и Сауткинском селище. Таким образом, памятник можно датировать концом XIII–XV вв.

Сауткинский жертвенник – располагается в 500 м к северо-востоку от селища на дюнном всхолмлении в пойме левого берега р. Сундырь. Выявлен В.В. Никитиным (Никитин В.В. 1992. Отчет...), исследован траншеей в 16 кв.м. Д.Ю. Ефремовой и связан ею с Сауткинским селищем (Ефремова Д.Ю. 2005. С. 68).

Таким образом, все рассмотренные памятники, расположенные в непосредственной близости от Важнангерского (Мало-Сундырского) городища, относятся к периоду конца XIII–XV вв. Из-за недостаточной и разной степени изученности следует признать эту датировку приблизительной. В дальнейшем вполне возможны и даже необходимы уточнения датировки по каждому из вышеназванных селищ. Но, как правило, разночтения и сомнения вызывают крайние даты (XIII и XV века), функционирование этих памятни-

ков в XIV в. не вызывает сомнения, т.е. XIV в. – это реальный хронологический горизонт функционирования округа.

Все рассмотренные выше памятники входят в единую 5-ти километровую экономическую зону Важнангерского (Мало-Сундырского) городища, естественной северной границей которой является р. Волга (рис. 48). Каждое поселение имеет свою ресурсную зону радиусом 1 км, включающую различные участки ландшафта: возвышенное плато, участки поймы, водные источники и лесные массивы. Таким образом, каждый населенный пункт имеет потенциальную экономическую зону с наличием благоприятных природных факторов.

Для изучения степени взаимосвязей между несколькими близлежащими поселениями, и соответственно, для определения интенсивности коммуникаций между ними, используется так называемая «гравитационная модель» (Афанасьев Г.Е. 1989. С. 7–10). Она основана на закономерности, аналогичной физическому закону притяжения, согласно которому сила связи между двумя населенными пунктами при прочих равных условиях должна быть пропорциональна произведению численности их населения и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними.

$$M_{ij} = P_i \times P_j (D_{ij})^{-2}$$

где M_{ij} – взаимодействие между пунктами,

P_i и P_j – численность населения обоих центров,

D_{ij} – расстояние между ними.

Учитывая, что определение численности населения древних поселений весьма проблематично в археологии, оправдана замена численности на площадь поселений. На основе преобразенной формулы:

$$M_{ij} = S_i \times S_j (D_{ij})^{-2}$$

высчитана гравитационная связь между ними.

В анализ включались все жилые поселения. Данные о расстоянии между поселениями определены путем промеров на топографической карте масштабом 1:100 000, без учета характера рельефа между ними (рис. 48). Следу-

ет отметить, что для Важнангерского (Мало-Сундырского) микрорегиона, во-первых, характерно не кучевое расположение поселений, а их явная приуроченность к р. Волге; во-вторых, местность сильно рассечена оврагами и балками, вместе с тем, здесь имеется широкая пойма р. Волги.

Из полученных величин гравитационной связи пар поселений Важнангерской округи была составлена общая матрица (Таблица 1), на основе которой построен граф поселений (рис. 49).

Величины взаимосвязей распределились по интервалам до 10, от 10 до 25; от 25 до 50; свыше 50, которые соответственно могут быть названы как слабая, ощутимая, средняя и сильная связь.

Таблица 1. Матрица гравитационных связей поселений Важнангерской (Мало-Сундырской) округи

	Важнангерское селище	Носельское II	Носельское III	Ключевское	Шартнейское II	Шартнейское I	Шунангерское	Юльяльское	Сауткинское
Важнангерское городище	470,6	13,1	30,1	27,2	118,0	39,2	45,4	102,0	24,7
Важнангерское селище		5,6	12,3	11,0	3,7	2,5	3,1	9,0	2,5
Носельское II	5,6		445,6	25,0	0,3	0,2	0,3	0,8	0,3
Носельское III	12,3	445,6		111,1	0,7	0,5	0,7	1,8	0,5
Ключевское	11,0	25,0	111,1		0,6	0,4	0,6	1,6	0,5
Шартнейское II	3,7	0,3	0,7	0,6		49,0	21,6	12,5	1,8
Шартнейское I	2,5	0,2	0,5	0,4	49,0		57,6	20,4	1,9
Шунангерское	3,1	0,3	0,7	0,6	21,6	57,6		196,2	5,4
Юльяльское	9,0	0,8	1,8	1,6	12,5	20,4	196,2		49,7
Сауткинское	2,5	0,3	0,5	0,5	1,8	1,9	5,4	49,7	

Ядро группы составляет Важнангерское (Мало-Сундырское) городище, имеющее сильную связь с Шартнейским II, Юльяльским и Важнангерским селищами; среднюю связь с Носельским III, Ключевским, с Сауткинским селищами, с Носельским II селищем связь слабее, но все-таки ощутимая. Одновременно Сауткинское, Шунангерское, Шартнейское I селища тяготеют к Юльяльскому селищу. Носельское III селище имеет сильную связь с Носельским II и Ключевским селищем. На графе наглядно демонстрируется единство поселений Важнангерской (Мало-Сундырской) округи с четко выделяю-

щимся центральным поселением – Важнангерским (Мало-Сундырским) городищем (рис. 49). В связи с этим встает вопрос о функциях данного городища и его роли для близлежащей округи.

Важнангерское (Мало-Сундырское) городище выделяется среди всех известных марийских поселений значительной площадью. На мысовой площадке городища выявлен одновременный ему жертвенник. Культурный слой в целом, характеризуется слабой насыщенностью культурных остатков, поэтому вряд ли на его территории одновременно проживало большое количество населения. Вместе с тем, на близлежащих селищах зафиксированы слои, насыщенные археологическими находками. Городище имеет мощную оборонительную систему, для строительства которой требовались большие трудовые затраты. Вполне вероятно, что в строительстве укреплений участвовало население близлежащей округи, возможно, в виде отработки какой-то повинности. Соответственно, логичным будет предположение о существовании здесь каких-то механизмов административного управления. Тем не менее, на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище пока не выявлено явных признаков такого управления, которое, судя по русским городам, характеризуется наличием печати и пломбы (Куза А.В. 1985. С. 47). Возможно, это объясняется тем, что переходный период от родоплеменного строя к раннефеодальному у марийцев начинается лишь в XVI в. (Бахтин А.Г. 1998. С. 32), поэтому о сложении государственности в XV в. с крупными городами, узкой специализацией ремесла, явно выраженной имущественной дифференциацией, говорить не приходится.

О развитии торговых отношений на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище говорят найденные фрагменты весов, монеты, предметы западного (русского) и восточного (булгарского, татарского) импорта. В качестве торгового центра Важнангерской (Мало-Сундырской) округи могло выступать и Юльяльское селище, не случайно оно имеет сильную связь с Важнангерским (Мало-Сундырским) городищем, Шунангерским селищем, среднюю с Сауткинским и достаточно ощутимую с Шартнейскими селища-

ми. Возможно, здесь имеет место разграничение функций – Юльяльское селище было ориентировано на внешнюю торговлю, а Важнангерское (Мало-Сундырское) городище – на внутреннюю. В пользу этого говорит и, например, процентное содержание «булгарской» керамики, которая на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище составляет 0,27 %, а на Юльяльском селище – 7,22 %.

На мысу Важнангерского (Мало-Сундырского) городища за пределами вала и рва обнаружено мощное святилище. При раскопках 2002 г. на напольной площадке за рвом городища обнаружена полуземлянка, одной стенкой частично врезанная в ров городища. Для определения характера культурного слоя с напольной стороны в 2004 г. было заложено несколько траншей на плато за валом городища (Никитина Т.Б. 2004. С. 38–42). Траншеи закладывались вдоль волжского склона и вдоль р. Малый Сундырь. К сожалению, поверхность центральной части плато потревожена многолетней распашкой и в настоящее время занята посевами сельскохозяйственных культур, поэтому она не подлежала проверке. По словам местных жителей, в послевоенные годы мальчишки находили на пашне наконечники стрел и битые горшки, и в настоящее время на поле нередко находки фрагментов керамики. В результате в шести из семи заложённых траншей обнаружен культурный слой и фрагменты керамики. В двух траншеях вдоль волжского склона зафиксированы остатки столбовых ям, позволяющие сделать заключение, что здесь находилось дополнительное укрепление. Все траншеи дали материал, аналогичный керамике самого городища. По культурному слою и распространению подъемного материала приблизительно определена площадь в 82400 кв. м, превышающая площадь самого городища, расположенного за валом.

Суммируя все вышеизложенное, с большой долей вероятности можно предполагать, что Важнангерское (Мало-Сундырское) городище являлось военно-административным, религиозным (культовым) и торговым центром округа.

Все обнаруженные селища в пределах Важнангерской (Мало-Сундырской) округи располагаются по берегам рек, преимущественно вдоль Волги. Как известно, одна из закономерностей в формировании транспортных путей состоит в том, что дороги стремились связать ближайшие населенные пункты по кратчайшему расстоянию (Афанасьев Г.Е. 1990. С. 88). Учитывая сильную изрезанность береговой линии крупными оврагами, наиболее удобный и короткий путь должен проходить по лугам в пойме р. Волги. Предположение, что наиболее важный транспортный путь, связывающий поселения Важнангерской (Мало-Сундырской) округи, проходил по долине Волги, подтверждается более поздними источниками. По сообщению С.М. Михайлова, еще в конце XVI в. «главный тракт из Нижнего Новгорода до Казани лежал через самый Козьмодемьянск подле реки Волги по горам. Тракт сей от границы Нижегородской губернии до Козьмодемьянска шел через деревню Копани, село Покровское – Большую Юнгу, Троицкий Посад. А от Козьмодемьянска к Чебоксарам лугами через Ватагу» (Михайлов С. 1972-в. С. 239, 240). Далее в этом же источнике упоминается, что «Сундырская Гора» (ныне Важнангерское (Мало-Сундырское) городище) «находилось на самой этой дороге». Дороги эти скрывались от русских, но о них хорошо знали проживавшие здесь чуваша и черемисы (Михайлов С. 1972-в. С. 240).

Система расположения поселений в окрестностях Важнангерского городища соответствует структуре гнезда-общины восточных славян. Признаками гнезда-общины по разработкам Б.А.Тимощука являются: 1) характер группировки синхронных поселений обычно в бассейне одной реки, учитывая тот факт, что каждое гнездо-община имело свой центр, вокруг которого концентрировались разнотипные селища; 2) наличие естественных границ, отделяющих отдельную группу поселений с их центром от других таких же комплексов поселений; 3) использование данных ретроспективного изучения древних границ социальных структур, известных по письменным источникам, картографическим материалам и данным топонимики (Тимощук Б.А. 1990. С. 79).

Количество селищ, входящих в одно гнездо, в различных регионах имеет разный числовой показатель: у восточных славян 10–15 (по Б.А.Рыбакову), 3–4 (по И.И.Ляпушкину), 5–10 по материалам роменской культуры (Тимощук Б.А. 1990. С. 72). Наряду с рассредоточенными селищами–патриархальными семьями обнаружены такие же селища, расположенные один возле другого, образуя патронимии (Тимощук Б.А. 1990. С. 100).

Н.А. Макаров вводит несколько иное понятие гнезд и кустов (Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. 1995. С. 125). Группу селищ, разбросанных на некотором расстоянии, он называет кустом. Кусты поселений на Белом озере насчитывают от 5 до 21 поселения, одиночных и ассоциированных в гнезда. Участок, на котором располагается куст, обычно имеет в поперечнике от 5–7 км до 13,5 км. Гнездо объединяет расположенные рядом селища и соответствует патронимиям, обозначенным Б.А.Тимощуком.

Количество поселений Важнангерской (Мало-Сундырской) округи вполне соответствует размерам гнезд (по Б.А.Тимощуку) или кустов (по Н.А.Макарову) лесной полосы Восточной Европы. Селища разбросаны таким образом, что каждое имеет активную ресурсную зону не менее одного 1 км, что связано с переходом от подсечно-переложной к паровой системе земледелия. Каждое поселение соответствовало одной патриархальной семье. Разбросанные на многие километры патриархальные семьи одной и той же общины в условиях того времени не могли вести совместное хозяйство, и объединялись лишь для выполнения трудоемких работ.

Примером патронимии (по Б.А.Тимощуку) или гнезда внутри куста (по Н.А.Макарову) на примере Важнангерской (Малосундырской) округи могут являться: **1** – селища Носельское II, Носельское III и Ключевское селище; **2** – Шартнейское I, Шартнейское II селища; **3** – Юльяльские (селище и городище) памятники, Сауткинское, Шунангерское селища в составе Важнангерской (Мало-Сундырской) округи. В пределах патронимии родственные связи были достаточно сильными, что подтверждается и показателями связей между этими поселениями (таблица 1; рис.49), и они, по видимому, имели общие

пахотные угодия. Патронимия прослеживается на примере Шелаболкинского куста памятников, который включает три селища, разделенных между собой оврагом. Шелаболкинский куст выходит за пределы 5-тикилометровой округи, и находится в 7500–7800 м от Важнангерского городища. Возможно, в данном случае мы имеем большое одиночное селище, принадлежавшее патриархальной семье. Аналогична ситуация с Красноселищенским кустом (селища II, III, IV). Селища входят в одну километровую зону, расстояние между крайними селищами III и IV составляет 895 м. В 30 м к югу от селища Красное селище II обнаружены остатки культового комплекса (Ефремова Д.Ю. 2004. С. 66–68).

По подсчетам, сделанным на материалах восточнославянской соседско-большесемейной общины, количество населения на территории каждого гнезда-общины VIII–IX вв. могло достигать 350–400 человек (Тимощук Б.А. 1990. С.104). Этот количественный показатель вполне применим и для наиболее изученной Важнангерской (Мало-Сундырской) округи.

Территории между гнездами у славян оставались незаселенными, в большинстве случаев это объясняется географическими естественными условиями каждой территории. Расстояние между ними определялось в пределах от 20–30 до 30–40 км (Тимощук Б.А. 1990. С. 72).

Приволжская возвышенность в пределах современного расселения марийцев расчленена на три части тремя небольшими речками: Сумка, Большая и Малая Юнга (Водовозов С.А. 1966. С. 38). К сожалению, отсутствие карт ландшафтных территорий прошлых столетий, не позволяет вычленить естественные границы (лесные массивы), отделявшие различные группы марийского населения в средневековье. Интересен тот факт, что куст памятников у д. Красное селище и куст памятников у д. Горный Шумец, расположены в 30 и 32 км от Важнангерской (Мало-Сундырской) округи, и в 22 км друг от друга. Каждая из групп привязана к крупной реке: Важнангерская (Мало-Сундырская), Горношумецкая к р. Волге, Красноселищенская – к р. Суре. Горношумецкой куст памятников отделен от обеих групп р.Волгой, Важнан-

герская (Мало-Сундырская) группа отделена от Красноселищенского куста наиболее крупной для этой территории р. Большая Юнга.

О существовании в былые времена больших лесов в районе р. Юнги мы можем предполагать на основе материалов народных преданий. Предания, описывающие события середины XVI века, связанные с присоединением Марийского края к Русскому государству, свидетельствуют о том, что Иван Грозный пробыл три дня в Чермыш-Ауле на р. Юнге и все три дня со своими приближенными боярами пировал и охотился на диких зверей (Айплатов Г.Н. 1967. С. 90). В описаниях горномарийского края содержатся упоминания о дубовом лесе, называемым Басурманским в районе с. Владимирского у Басурмановой Горы (Михайлов С. 1972-б. С. 211). Этот лес ограничивает территорию Важнангерской (Малосундырской) округи с западной стороны. С восточной стороны за Торговицкой Ватагой также в XVIII в. упоминаются мрачные дубравы (Михайлов С. 1972-в. С. 224). На местности, где построена Козьмодемьянская крепость в конце XVI в. также был пустой дикий лес (Михайлов С. 1972-в. С. 239). Отдельные находки керамики этого периода зафиксированы и в устье р. Сумка.

Письменные источники не сохранили свидетельств о существовании у марийцев самостоятельных территориальных или социальных единиц в XIV–XV вв., по которым возможно было бы провести аналогии с существующей в это время системой расселения. Упоминаемые «сотни», а затем волости относятся к периоду XVI–XVII вв., являются формой и порядком управления краем Казанского ханства и Русского государства и не отражают традиционного внутреннего социального порядка.

Однако в этнографии и фольклоре можно найти данные, которые в косвенной форме подтверждают расселение марийцев гнездами-общинами.

И.Н.Смирнов отмечает, что даже после разделения Марийского края на волости, уезды в составе Русского государства у марийцев «продолжает существовать несовпадающее в них деление на *мэры* и *кюмыши*. Крупные сборища черемис определенного округа совершаются кроме молений и в дни не-

которых праздников. В Козьмодемьянском уезде черемисы во время масляной собираются, например, в три пункта – Чермышьево (Еласово), Кузнецово и Малый Сундырь. С.М. Михайлов еще в 50-х годах, опираясь на предания, высказал предположение, что эти места ознаменованы важными для всего племени событиями и здесь были образованы первые селения, в которых жили старейшины или князьки, а значит, это были административные центры» (Смирнов И.Н. 1889. С. 113). Это деление подтверждают и историки. Г.Н. Айплатов считает, что в названиях административно-территориальных единиц марийцев Козьмодемьянского уезда, так называемых «сотен» XVII–XVIII вв. (Акпарсова, Аказина, Кобяшева) закреплены имена реально существовавших старейшин, горномарийских сотников. По указаниям легенды, Акпарс жил в околотке Нужаналы, расположенном в 4 км от с.Еласы на берегу реки Большая Юнга, Аказ жил в Сундырьяле (деревня на Сундыре), а его родной брат Ковяж – в деревне Юльял (Айплатов Г.Н. 1967. С. 100). Памятники, расположенные у д. Юльялы (Юльяльские городище и кузница) и у д. Сундырь (Важнангерское городище и селище) входят в одну округу. Если учесть, что Аказ и Ковяж, судя по легендам, были братьями, то следует, что их предки имели одну общую территорию.

Сочетание нескольких родов (*кюмузей*), связанных между собой преданиями о кровном родстве или сожительством, составляют социальную группу, которую И.Н.Смирнов называет *мэр* (Смирнов И.Н. 1889. С. 112). Показателем деления на социальные группы И.Н. Смирнов определил общность культа и празднеств. Он считает, что у черемис наряду с семейными *кўс*-отами («*шкен ото*») существовали родовые («*тукум*», «*насыл ото*») и общественные («*мэр-ото*»). В первых, молятся члены семьи, во вторых – члены рода, рассеявшиеся иногда по разным деревням, в третьих – жители нескольких десятков деревень (Смирнов И.Н. 1889. С. 112). У. Холмберг, характеризуя верования восточных марийцев, отмечает такой же социальный принцип различия рощ, но дает им другие названия: «*йал кўсото*» (жертвенная роща деревни), «*тишитэ, тишитэ көргö*» (жертвенный округ одного рода)

и «*мэр-кўсото* или *кугу кўсо*» (роща для моления многих различных деревьев) (Холмберг У. 1926. С. 31–32). По размещению культовых мест в пределах Важнангерской (Мало-Сундырской) округи, можно предположить, что семейные обряды совершались на культовых памятниках, выделенных Д.Ю.Ефремовой в группу А, подтип 1 объединяющий культовые места в жилищах (Ефремова Д.Ю. 2005. С. 10), родовые обряды совершались на святилищах, расположенных в пределах патронимической группы (Сауткинский и Носельский жертвенник), а общественные моления производились в общинном центре, каковым является Важнангерское городище (жертвенник на мысу городища).

Безусловно, что распределение культовых функций должно подтвердиться и распределением производственных и общественных функций. Для этого необходимы раскопки поселений широкой площадью, но уже сейчас вполне очевидно, что такое распределение существовало: Важнагерское (Мало-Сундырское) городище – административный, военный и религиозный (культовый) центр, Юльяльское селище – торговая фактория, кузница на Юльяльском городище – один из производственных центров.

Естественно, что каждая община должна была иметь и общие места погребений, но, к сожалению, в настоящее время могильники этого периода не известны. Структуру гнезд поселений можно изучить полностью лишь при условии сплошного обследования как на микрорегиональном, так и на региональном уровне.

Сравнительный анализ системы расселения марийцев в сопоставлении с соседними территориями несколько затруднен, поскольку период XIV –XV вв. слабо освещен в литературе. Тенденция к образованию локальных групп в расположении поселений отмечено у мери, что хорошо отразилось на системе расселения в бассейне оз. Неро, Плещеевом, Галичском озере. Наиболее показательны в этом отношении поселения оз. Неро, датируемые VI –XI вв., где четко выделяется центральное поселение – Сарское городище. У мордвы в VIII–XI вв. возникли своеобразные группы поселений, состоявшие из горо-

дища-убежища и нескольких открытых поселений (Вихляев В.И. Петербургский И.М. 1999. С. 140). Ближе по периоду Солдырский микрорегион в бассейне р.Чепцы, датируемый IX–XIII вв. Здесь в качестве центрального поселения явно выделяется городище Иднакар, являвшееся центром не только для близлежащей округи, но и племенным центром чепецких земель (Иванов А.Г. 1995). Возможно, аналогичные процессы начали происходить и у марийцев в VIII–XI вв. Локальные группы поселений выявлены в устье р. Ветлуги: Удельно-Шумецкое I селище, Селище Галанкина Гора I, Кривое озеро, Майданские II–IV, Сутырские III–IV селища; в правобережье р. Волги – Иванова Гора городище и 2 селища; в бассейне р. Суры – Васильсурское V городище и селище (XI–XIII вв). Однако микрорегионов с ярко выраженными центральными поселениями в этот период не сложилось, что связано, по всей видимости, со сложной политической обстановкой, вызванной борьбой Руси и Волжской Булгарии.

Таким образом, можно говорить о том, что в конце XIII–XV вв. в правобережье р. Волги возникают достаточно устойчивые территориальные образования – округа Горношумецкого городища, куст памятников у дд. Красное селище, Нижние Шелаболки, округа Важнангерского (Мало-Сундырского) городища. Центрами округ становятся городища или крупные селища. Наиболее ярко эти процессы прослежены на примере Важнангерской (Мало-Сундырской) округи, где происходит явное выделение Важнангерского (Мало-Сундырского) городища как административного, военного, торгового, религиозного центра. Вместе с тем, процессы формирования городов и феодальных отношений в Марийском Поволжье в XIII–XV вв. не получили завершения. Переходный период от родоплеменного строя к раннефеодальному у марийцев продолжался вплоть до XVI в., при этом в социальных отношениях переплетались как признаки родоплеменной организации, так и элементы складывающегося раннеклассового общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Марийское Поволжье, в границах современного расселения горных мари, является одной из немногих территорий финно-угорского мира, где древности XIII–XV вв. представлены достаточно ярко. За сравнительно короткий период экспедициями МАЭ выявлено 25 поселений XIII–XV вв., расположенных в лево- и правобережье бассейна р. Волги. На большей части проведены широкомасштабные работы. Существенно дополнили картину социальной структуры открытые жертвенники, расположенные близ поселений.

Анализ топографии марийских поселений позволяет говорить о значительных изменениях в системе расселения. В конце XIII–XV вв. резко сокращается число городищ. Основная масса населения переходит жить на селища, расположенные на мысах коренных террас, с пологими спусками к воде и поблизости от пашни, что связано с переходом к новым формам обработки земли. Важным элементом в системе расселения становятся кусты (гнезда) поселений, представленных памятниками различного функционального назначения.

Вещевой инвентарь марийских поселений свидетельствует о комплексном характере хозяйства, ведущую роль в котором играли земледелие и животноводство. В отличие от раннего средневековья происходит переход от подсечного земледелия к более развитым формам, в частности, к перелугу, а возможно и ведению двупольного севооборота. Следствием новой системы обработки почвы является развитие скотоводства, возрастающая роль которого подтверждается многочисленными находками костей домашних животных на поселениях Марийского Поволжья.

Ярких свидетельств ремесленной деятельности не выявлено, однако наличие кузниц с большим количеством заготовок, бракованных вещей, полуфабрикатов, железных шлаков позволяют утверждать о существовании

кузнечного ремесла. Находки полуфабрикатов и заготовок на поселениях (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище, Юльяльское селище, селище Красное селище) свидетельствуют о наличии здесь ремесленных мастерских.

В конце XIII–XV вв. происходят значительные изменения в керамическом производстве, что подтверждается абсолютным преобладанием на поселениях круговой керамики, которая составляет от 80,9 до 89,9 %. В керамических комплексах четко выделяется три группы посуды: местная, русская и болгарская. В местной керамике наряду с лепной и примитивно-круговой появляется посуда с оформлением края венчика в русской традиции, но с использованием местных примесей (шамот, дресва, раковина). Такая керамика получила название «славяноидной». Смешанность керамических традиций в данной посуде спровоцировало неоднозначную оценку ее этнической принадлежности. Рассмотрение «славяноидной» керамики на нескольких уровнях (оформление края венчика, профилировка тулова, примеси) с учетом данных технико-технологического анализа позволяют утверждать о местном характере посуды.

Наличие в материальных комплексах поселений русских, болгарских и золотоордынских вещей свидетельствуют о культурных, политических и торговых связях с соседними народами. Расположение поселений вблизи торговых путей, прежде всего, при слиянии рек Волги с Ветлугой и Сурой, а также их притоков, способствовало экономическому развитию территории. Возрождение в XIV в. Великого Волжского пути, безусловно, повлияло на активность торговых контактов как в восточном (Волжская Булгария) так и в западном (Северо-Восточная Русь и Нижегородское княжество) направлениях, о чем свидетельствуют находки болгарских и русских монет, посуда. Древнерусская керамика составляет в керамических комплексах поселений от 12,05 до 33,12 %. В меньшем количестве на селищах и городищах представлена болгарская керамика – 0,32–7,23 %. Наиболее тесные контакты с Русью прослежены на материалах селища Красное селище, где оформление венчика

и орнаментация посуды имеет аналогии в памятниках Нижегородского Поволжья. Возможно, что русские или болгары в качестве торговых людей, пленников и отдельных поселенцев, проживали непосредственно на поселениях, но их представительство не было значительным, и они не повлияли на этнический облик местного населения. Не случайно на городищах и селищах Марийского Поволжья не удается вычленить чистые комплексы поселений с русской или болгарской посудой.

В результате проведенных исследований получены данные, существенно дополнившие сведения о домостроительстве марийцев в этот период. Планиграфический анализ сооружений на поселениях позволяет говорить об усадебном характере застройки. Преобладающим типом жилищ являются наземные дома срубной конструкции подквадратной формы, с ориентировкой стен по сторонам горизонта. Глинобитная печь, на срубном или столбовом опечке, располагалась в южном углу постройки. Землянки могут рассматриваться как исключения. Распространенными составляющими усадебного комплекса были погреба, клетки–амбары, летние кухни «кудо», открытые очаги и различные ямы хозяйственного назначения.

В XIII–XV вв. основной социально-экономической структурной единицей общества становятся гнезда-общины, ярким примером которых является Важнангерская (Мало-Сундырская) округа. Изучение всех структурных составляющих округа позволяет утверждать, что она представляла собой единый демографический регион и социальную единицу с развитой экономикой, основанной на комплексном хозяйстве с преобладающей ролью пашенного земледелия и животноводства. Ядром округа являлось Важнангерское (Мало-Сундырское) городище, выполнявшее роль культового, военно-оборонительного и экономического центра. Система фортификационных сооружений городища вполне сопоставима с русскими и болгарскими городами XIII–XV вв. По своим размерам, характеру укреплений в настоящее время этот памятник имеет очень немного аналогий в финно-угорском мире. Появ-

ление такого центра с разносторонними функциями предполагает наличие административной системы, регулировавшей отношения населения внутри округа, распределение трудовых обязанностей, организацию обороны и выполнение ритуальных действий.

Вместе с тем, процессы формирования городов и феодальных отношений в Марийском Поволжье в XIII–XV вв. не получили завершения. Переходный период от родоплеменного строя к раннефеодальному у марийцев продолжался вплоть до XVI в., при этом в социальных отношениях переплетались как признаки родоплеменной организации, так и элементы складывающегося раннеклассового общества.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
- АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
- АЭМК – Археология и этнография Марийского края (г. Йошкар-Ола)
- ВМФИ – Вопросы марийского фольклора и искусства (г. Йошкар-Ола)
- ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
- ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
- КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии РАН
- КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры РАН
- ЛГУ – Ленинградский государственный университет
- МАЭ – Марийская археологическая экспедиция (г. Йошкар-Ола)
- МарГУ – Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
- МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева /с 2004 г. МарНИИЯЛИ/ (г. Йошкар-Ола)
- МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл (г. Йошкар-Ола)
- МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- НРФ – Научный рукописный фонд
- НПЦ – Научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры (г. Йошкар-Ола)
- НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Мрджани Академии наук Республики Татарстан
- РА – Российская археология
- СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

ТА – Татарская Археология

УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской Академии наук

ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г.
Чебоксары)

ЧНИИ – Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы,
истории и экономики /до 1956 г. Чувашский научно-исследовательский
институт языка, литературы, истории/ (г. Чебоксары)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Архипов Г.А. Отчет о раскопках Мало-Сундырского городища летом 1983 г.// Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 1985. Оп. 1, д. № 749.
2. Архипов Г.А., Халиков А.Х. Отчет о разведывательных работах Марийской археологической экспедиции летом 1958 г. в Горномарийском и Юринском районах РМЭ. //Отчет о полевых работах Марийской Археологической экспедиции за 1958.//Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 1958. Оп.1, д. № 86, 87
3. Архипов Г.А., Никитин В.В. Отчет Марийской археологической экспедиции о разведочных работах летом 1974 года.// Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 1975. Оп.1, д. № 476.
4. Горные черемисы//Вестник Европы. – 1853.//Архив НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1, д. № 170.
5. Записки Г.Г.Степановой, Л.Г.Лопаревой в Горномарийском районе // МФЭ-1977 // Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 1977. Оп.1, д. № 94.
6. Ефремова Д.Ю. Отчет о разведочных работах в Горномарийском районе Республики Марий Эл в 2004 году//Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 2005. Оп. 1, д.№ 1117.
7. Марийские постройки домов, надворные постройки. Планировки усадьбы, печи//Архив НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1, д. № 289, **№№ 6,9,15.**
8. Михеева А.И. Отчет об археологических работах в Горномарийском районе Республики Марий Эл в 2001 г.// НРФ «НПЦ ОПИК». 2002.
9. Михеева А.И. Отчет о разведочных работах в Горномарийском районе РМЭ в 2002 г.//Архив НРФ НПЦОПИК. 2003.
10. Михеева А.И. Отчет о раскопках Юльяльского селища в Горномарийском районе Республики Марий Эл//Архив НРФ НПЦОПИК. 2004.

11. Михеева А.И. Отчет о раскопках Важнангерского (Мало-Сундырского) городища.// Архив НРФ НПЦОПИК. 2005.
12. Никитин В.В. Отчет Марийской археологической экспедиции за 1986 год. //Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 1986. Оп.1, д.828
13. Никитин В.В. Отчет Марийской археологической экспедиции (неолитического отряда) о работах в зоне затопления Чебоксарского водохранилища в 1987 году.//Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 1987. Оп. 1, д. 889.
14. Никитин В.В. Отчет археологической экспедиции за 1989 год.//Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 1990. Оп.1, д.944.
15. Никитин В.В. Работы в зоне Чебоксарского водохранилища в пределах Горномарийского и Килемарского районов в 1991 году.//Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 1991. Оп.1, д. № 990.
16. Никитин В.В. Отчет по разведкам в бассейне р.Малая Кокшага и правобережной части р.Волга в пределах Звениговского и Горномарийского районов.//Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 1992. Оп.1, д.995.
17. Никитин В.В. Отчет о работе неолитического отряда МАЭ в зоне Чебоксарского водохранилища в 1999 году.//Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 1999.Оп.1, д.№ 1046.
18. Никитин В.В. Отчет о разведочных работах неолитического отряда МарАЭ летом 2001 г в Юринском районе РМЭ.// Архив НРФ МарНИИЯЛИ 2002. Оп.1, д. № 1059.
19. Никитин В.В. Отчет о разведочных работах неолитического отряда МарАЭ летом 2005 года в Юринском районе РМЭ.//Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 2005. Оп.1, д.№ 1167/
20. Никитина Т.Б. Отчет о работах Марийской археологической экспедиции в 1999 году на Мало-Сундырском городище.//Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 2000. Оп. 1, д. № 1076.

21. Никитина Т.Б. Отчет о работах третьего отряда Марийской археологической экспедиции в 2000 году.// Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 2001. Оп. 1, д № 1077.
22. Никитина Т.Б. Отчет о работах Третьего отряда Марийской археологической экспедиции в 2002 году.//Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 2003. Оп. 1, д.1072.
23. Никитина Т.Б. Отчет о работах Третьего отряда марийской археологической экспедиции в Республике Марий Эл в 2003 году// Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 2004. Оп. 1, д. № 1087.
24. Никитина Т.Б. Отчет о работах третьего отряда Марийской археологической экспедиции в Республике Марий Эл и Кировской области в 2004 году.//Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 2005. Оп.1, д. № 1088.
25. Фольклорные материалы 1960 года. Записи В.А.Акцорина // МФЭ-60, № 66.// Архив НРФ МарНИИ. Оп. 1. № 5
26. Халиков А.Х., Архипов Г.А. III Носельское селище // Отчет полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 год.// Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 1958. Оп. 1, д. № 86.
27. Халиков А.Х. Сиухинский археологический комплекс//Отчет о полевых работах МАЭ за 1957 г. // Архив НРФ МарНИИЯЛИ. 1958. Оп. 1, д. 84.
28. Хейкель А.О. 1888. Строения черемисов, мордвы, эстонцев и финнов. Гельсингфорс.//НРФ МарНИИЯЛИ. РФ-1, д. № 925.
- 29.Хлебникова Т.А. Отчет об археологических исследованиях Сундырского городища в Горномарийском районе Марийской АССР в 1964 году.// НРФ МарНИИЯЛИ. 1964. Оп. 1, д. № 212.
- 30.Хлебникова Т.А. Раскопки Сундырского городища // Отчет полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 год.// НРФ МарНИИЯЛИ. 1958. Оп. 1, д. № 86.
31. Хольмберг У. 1926. Религия черемис. Перевод с немецкого – НРФ МарНИИ, оп.1. д. № 92, 93.

32. Чубарова Р.В. Материалы археологической экспедиции 1951-1952 гг. Дневник.// ИРФ МарНИИЯЛИ. 1951. Оп. I, д. № 140.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ.

1. Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г.Н. Моисеевой. – Москва – Ленинград, 1954. – 191 с.
2. История марийского края в документах и материалах./Составители: Г.Н. Айплатов., А.Г. Иванов. – Йошкар-Ола, 1992. – 564 с.
3. Марийский фольклор. Мифы, легенды, предания / составитель В.А. Акцорин. – Йошкар-Ола, 1991. – 288 с.
4. Фукс А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. – Казань, 1910. – 382 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айплатов Г.Н. Навеки с тобой Россия. Йошкар-Ола. 1967. – 128 с.
2. Андреев И.А. Традиционное земледелие горных марийцев (материалы к историко-этнографическому атласу)// АЭМК. – Вып. 5.: Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола, 1981. – С. 55–73.
3. Андреев И.А. Развитие систем земледелия у марийцев // АЭМК. – Вып. 10.: Этнокультурные традиции марийского народа. Йошкар-Ола, 1986. –С. 17–39.
4. Андреев И.А. Развитие пахотных орудий у марийцев (конец XVIII–начало XIX вв.) // АЭМК. – Вып. 16.: Этнические и культурно-бытовые процессы в Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1989. –С. 12–32.
5. Архипов Г.А., Никитина Т.Б. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Вып. 2. Йошкар-Ола. 1993. – 152 с.; ил.

6. Архипов Г.А. Земледелие и животноводство древних марийцев // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. – Йошкар-Ола. 1978. – С. 10 – 20.
7. Архипов Г.А. Городища и селища Поветлужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов) // АЭМК. – Вып. 6.: Поселения и жилища Марийского края. – Йошкар-Ола, 1982. – С. 5 – 50.
8. Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII вв. К этнокультурной истории Поветлужья. – Йошкар-Ола, 1986. – 162 с.
9. Архипов Г.А., Никитина Т.Б. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Вып.2. – Йошкар-Ола, 1993. – 152 с.
10. Асылгараева Г.Ш. Остеологические материалы из раскопок Красного селища в 1996 – 1997 гг.//АЭМК. – Вып. 27.: Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. – Йошкар-Ола, 2003. – С. 126 – 128.
11. Асылгараева Г.Ш. Исследование остеологических материалов из археологических раскопок селищ Волжской Булгарии (к истории сельскохозяйственной деятельности средневекового населения Волго-Камья) // Археология и естественные науки Татарстана. Книга 2. – Казань, 2004. – С. 158 – 174.
12. Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск, 1997. – 239 с.
13. Афанасьев Г.Е. Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ // Археологические исследования на новостройках. – Москва, 1989. – С. 3 – 12.
14. Афанасьев Г.Е. Типологическое исследование степени доступности салтово-маяцких городищ // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). – Москва, 1990. – С. 86 – 98.
15. Бахтин А.Г. История Марийского края с древнейших времен до наших дней. – Йошкар-Ола, 1996. – 64 с.

- 16.Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь, 2000. –200 с.
- 17.Беленькая Д.А. Наследие домонгольской Руси в ремесле XIV–XV веков // Древняя Русь. Быт и культура. – Москва, 1997. – С. 221 – 225.
- 18.Белицер В.Н. Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX – первой половине XX вв. // Исследования по материальной культуре мордовского народа. Труды Мордовской этнографической экспедиции. – Москва. 1963. – С. 159–185.
- 19.Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. – Санкт-Петербург, 2001. – 198 с.
- 20.Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. – Москва, 1978. –272 с.
- 21.Болдин И.В. Хронология позднесредневековой керамики бассейна верхней Оки // Российская Археология. – 2005. – № 3. – С. 98 – 107.
- 22.Валеев Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX–начала XIII веков. – Казань, 1995. – 151 с.
23. Валиулина С. Балынгусское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период. // Татарская археология. – 2004. – № 1-2 (12-13). – С. 127 – 191.
- 24.Васильева И.Н. Гончарство Волжской булгарии в X–XIV вв – Екатеринбург, 1993. –247 с.
25. Горюнова Е.И. Жилища у мордвы // Исследования по материальной культуре мордовского народа. Труды Мордовской этнографической экспедиции. – Москва, 1963. – С. 127–146
- 26.Гришаков В.В. Керамика XIV–XVI вв. Итяковского городища// Древние поселения Примокшанья. Саранск, 1992. – С.126–142.
27. Гришаков В.В. Керамика финно-угорских племен раннего средневековья. – Йошкар-Ола, 1993. – 194 с.

28. Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань, 2002. – 232 с.
29. Данилов О.В. Важнангерский жертвенник и некоторые черты марийского язычества // АЭМК. Вып. 15.: Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. – Йошкар-Ола, 1989. – С. 129–148.
30. Дмитриевский С.М. Археологические исследования в Старых Печорах в 1996 году // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. – Нижний Новгород, 1999. – С. 77–98.
31. Егоров Ф.Е. Материалы по истории народа мари. – Козьмодемьянск, 1925. – 110 с.
32. Ефремова Д.Ю. Предметы христианского культа в Марийском Поволжье в средневековую эпоху (XIII–XVI вв.) // АЭМК. Вып. 27.: Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. – Йошкар-Ола, 2004. – С. 96–104.
33. Ефремова Д.Ю. Культовые памятники марийцев VI–XIX вв. (по археологическим материалам). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Казань, 2005. – 253 с.
34. Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – Москва, 1988. – С. 198–222.
35. Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. – Москва, 2004. – 592 с.
36. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюрского, финского и других племен. – Казань, 1875. – 279 с.
37. Иванов А.Г. «Торгоца» – страница средневековой ярмарочной торговли марийского Поволжья // АЭМК. Вып. 23.: Проблемы средневековой археологии волжских финнов. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 214–221.
38. Иванов А.Г. Средневековые памятники окрестностей Иднакара // Материалы исследований городища Иднакара IX – XIII вв. – Ижевск, 1995. – С. 106 – 130.

39. Иванова М.Г. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск, 1998. – 292 с.
40. Измайлов И.Л. О русско-булгарских связях в области техники и военного дела // Волжская Булгария и Русь. – Казань, 1986. – С. 123–138.
41. Кадиева Е.К. Комплексы Ростова Великого с круговой керамикой второй половины X–XIV вв как источник по развитию гончарного дела в городе // Археология Ярославского края. Вып. 2. – Рыбинск, 2002. – С. 23–34.
42. Кадиева Е.К. Поздняя древнерусская круговая керамика Ростова Великого (по материалам Конюшенного двора 2002–2003 гг) // История и культура Ростовской земли. – Ростов, 2004. – С. 512–523.
43. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – Москва, 1973. – 130 с.
44. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань, 1991. – 240 с.
45. Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Памятники средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972. – С. 115–166.
46. Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. – Москва, 1985. С. 298–363.
47. Кирьянов А.В. История земледелия Новгородской земли // МИА. – № 65: Труды Новгородской археологической экспедиции. – Москва, 1959. – С. 306–362.
48. Козлов Л.Г., Сепеев Г.А. Планировка марийского двора и жилища (традиции и современность). // АЭМК. Вып. 10.: Этнокультурные традиции марийского народа. Йошкар-Ола, 1986. – С. 49–97.
49. Кокорина Н.А. О финно-угорском компоненте в булгарской и булгаро-татарской культурах (по материалам керамики) // АЭМК. Вып. 23.: Проблемы средневековой археологии волжских финнов. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 185 – 213.

50. Кокорина Н. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // Татарская Археология. – 1999. – № 1–2. – С. 77 – 102.
51. Кокорина Н.А. 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI–начала XV в. – Казань. – 383 с.
52. Кокорина Н.А. Керамика Камаевского городища конца XIV – первой половины XVI вв. (по материалам раскопок 1972–1988 гг.) // Татарская археология. – 2002–2003. – № 1–2 (10–11). – С. 77 – 102.
53. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65.: Труды Новгородской археологической экспедиции. Москва, 1959. – С. 7 – 120.
54. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX вв. Москва, 1983. – 226 с.
55. Косточкин В.В. Военно-оборонительные сооружения // Очерки русской культуры XIII–XV вв. Часть 1. Материальная культура. Москва, 1969. – С. 416–464.
56. Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. Средневековые Чебоксары. – Москва, 1978. – 191 с.
57. Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. – Москва. 1971. – 140 с.
58. Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. Москва, 1987. – 240 с.
59. Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев XIX века. – Йошкар-Ола, 1956. – 160 с.
60. Кудрявцев В.Г. Деревянное зодчество марийцев. – Йошкар-Ола, 2004. – 120 с.
61. Куза А.В. 1985. Неукрепленные поселения // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. – Москва, 2004. – С. 96–104.
62. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – Москва, 1985. – 216 с.

63. Леонтьев А.Е. Меря и мурома: Материалы к изучению системы расселения.//Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. – Ижевск – Глазов. 1996. – С. 46– 51.
- 64.Макаров Л.Д. История археологических исследований древнерусских памятников бассейна р.Вятки//Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов, 1985. – С. 45–54.
- 65.Макаров Л.Д. Древнерусские памятники среднего течения р.Пижмы. // АЭМК. Вып. 23.: Проблемы средневековой археологии волжских финнов. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 155 – 184.
66. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. – Ижевск, 2001. – 140 с.
67. Макаров Л.Д. Взаимодействие древнерусского населения с финно-угорскими народами Прикамья // Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов.: Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Йошкар-Ола, 2004. – С.137 – 142.
68. Макаров Л.Д. Славяно-финно-пермские этнокультурные процессы в Волго-Вятском междуречье в первой половине II тыс.н.э. // АЭМК. Вып. 27.: Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. – Йошкар-Ола, 2004-б. – С. 116 –125.
69. Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. 2001. Средневековое расселение на Белом озере. –Москва, 2001. – 496 с.
70. Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65.: Труды Новгородской археологической экспедиции. – Москва, 1959. – С. 121–191.
71. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII – XIV вв.// САИ. – Вып. Е 1 – 36. – Москва, 1966. – 115 с.; табл.
72. Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко-то черемисс, чуваш и вотяков. – Санкт-Петербург, 1781. – 101 с.

73. Михайлов С. Сундырская гора // Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. – Чебоксары, 1972. – С. 32 – 37.
74. Михайлов С. Еще о Сундырской горе // Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. – Чебоксары, 1972-а. – С. 43 – 44.
75. Михайлов С. Масленица у горных черемис Казанской губернии // Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. – Чебоксары, 1972-б. – С. 201 – 209.
76. Михайлов С. Очерк расселения русского племени в Козьмодемьянском уезде Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. – Чебоксары, 1972-в. – С. 237 – 245.
77. Михеева А.И. Характеристика керамического материала Юльяльского селища (по результатам исследований 2003 г.) // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 2004. – С. 143–148.
78. Никитин А.В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. – Вып. Е1–34. – Москва, 1971. – 51 с. 11 табл.
79. Никитина Т.Б. Юльяльское селище (к вопросу о марийско-русских связях в эпоху средневековья) // АЭМК. Вып. 20: Межэтнические связи населения Марийского края. – Йошкар-Ола, 1991. – С. 22 – 35.
80. Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI–XVIII вв.) по материалам могильников. – Йошкар-Ола, 1992. – 159 с.
81. Никитина Т.Б. О характере расселения марийцев во II тыс. н.э. на примере Мало-Сундырского городища и его округи // АЭМК. Вып. 24.: Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1995. – С. 130 – 139.

82. Никитина Т.Б. Древнемарийское селище XIII–XIV вв. // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье. – Йошкар-Ола, 2000. – С. 51–59.
83. Никитина Т.Б., Михеева А.И. Оборонительные сооружения Важнангерского (Мало-Сундырского) городища (предварительные наблюдения) // АЭМК. Вып. 27.: Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековья. – Йошкар-Ола, 2004. – С. 89 – 95.
84. Никитина Т.Б. Оборонительная система Важнанерского (Мало-Сундырского) городища по результатам раскопок 2004 года // Древности средневековья Волго-Камья. – Казань-Болгар, 2004. – С. 142 – 144.
85. Николаева Т.В., Недошивина Н.Г. Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура. Москва, 1997. –С. 166–178.
86. Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. – Москва, 1981.– 294 с.
87. Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. к истории древнерусского градостроительства в земле вятичей. – Москва, 1987. – 184 с.
88. Обломский А.М. Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (по материалам Чаплинского могильника) // Советская археология. – 1985. – № 1. – С. 90 – 106.
89. Олейников О.М. Круговая керамика Тверского Поволжья конца X – начала XIII вв: классификация, орнаментация, хронология // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Тверь, 2002. – С. 35 – 69.
90. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. – Москва, 1978. – 136 с.
91. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. – Москва, 1993. – 123 с.
92. Полубояринова М.Д. 1997. Русские вещи и мастера в Золотой Орде // Древняя Русь. Быт и культура. – Москва, 1997. – С. 216–220.

- 93.Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. – С.
- 94.Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII – XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. – Москва, 1975. – С. 156 – 244.
- 95.Равдина Т.В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика. – Москва, 1991. – С. 7 – 13.
- 96.Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. / МИА. – № 52. Т. V. – Москва-Ленинград, 1956. – 183 с.
- 97.Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-восточной и Северо-западной Руси X–XV вв./ МИА. – № 105. – Москва-Ленинград, 1961. – 246 с.
98. Раппопорт П.А. Древнерусское жилище (VI – XIII вв. н.э.)//Древнее жилище народов Восточной Европы. – Москва, 1975. – С. 104 – 155.
- 99.Раппопорт П.А., Колчин Б.А., Борисевич Г.В. Жилище // Древняя Русь. Город, замок, село. – Москва, 1985. – С. 136 –154.
100. Руденко К. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татарская археология. – 2000. – № 1–2 (6–7). – С. 42 – 102.
101. Руденко К.А.. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII – XIV вв. – Казань, 2000-а. – 180 с.
102. Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. – Казань, 2001. – 220 с.
103. Руденко К.А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. по археологическим материалам. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Казань, 2004. – 647 с.
104. Руденко К.А. Булгарские изделия из кости и рога// Древности Поволжья: Эпоха средневековья (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань, 2005. – С. 67–97.

105. Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара: Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996. – С. 5 – 87.
106. Самойлович Н.Г. Керамика Поповского городища // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. Материалы работ Волго-Окской экспедиции. – Москва, 1989. – С. 106–126.
107. Салангин Д. А. Круговая неполированная керамика Вятского края в XII–XVIII вв. (по археологическим источникам). Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. – Ижевск, 1999. – 256 с.
108. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). Москва, 1981. – 193 с.
109. Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. – Москва, 1997. – 234 с.
110. Сепеев Г.А. Восточные марийцы. – Йошкар-Ола, 1975. – 248 с.
111. Сепеев Г.А. Материальная культура // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. – Москва, 2000. – С. 216–156.
112. Сепеев Г.А. Поселения и жилище // Марийцы. Историко-этнографические очерки. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 113–145.
113. Сидоренко Г.В. Коллекция крестов–«курсунчиков» В.Е. Гезе – И.С.Остроухова в собрании ГТГ // Ставрографический сборник. Книга вторая. Москва, 2003.
114. Смирнов А.П. Исследования городища и могильника золотоордынской эпохи у с. Б. Тояба Чувашской АССР // Записки ЧувНИИ. Вып. IV. – Чебоксары, 1950. – С. 131 – 153.
115. Смирнов А.П. Волжские булгары./ Труды ГИМ. Вып. XIX. – Москва, 1951.– 277 с.
116. Смирнов И.Н. Черемисы: историко-этнографический очерк. – Казань, 1889. – 212 с.

117. Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА : Труды Новгородской археологической экспедиции. – Т. I., № 55. – Москва, 1956. – С. 237–244.
118. Судаков В.В. Изделия из кости из Переяславля Рязанского // Археологические памятники Окского бассейна. – Рязань, 1996. – С. 159 – 186.
119. Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. – Москва, 1990. – 192 с.
120. Токарев С.А. Ранние формы религии. – Москва, 1990. – 622 с.
121. Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг. / МИА. № 111. Т. IV.: Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – Москва, 1962. – С. 49 – 89.
122. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. Москва, 1966. – 274 с.
123. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Москва, 1994. – 232 с.
124. Хорев Б.С. Волго-Вятский район. Экономико-географический очерк. Москва, 1964. – 249 с.
125. Хлебникова Т.А. Результаты исследований Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 гг. // Труды МарНИИ. Вып. XXII.: История, археология, этнография мари. – Йошкар-Ола, 1967. – С. 148-169.
126. Хлебникова Т.А. Археологические памятники XIII–XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола, 1967-а. – С. 85 – 92.
127. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии: (к вопросу об этнокультурном составе населения). – Москва, 1984. – 240 с.
128. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – Москва, 1988. – С. 7 – 102.

129. Хорошев А.С. Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура. – Москва, 1997. – С. 14 – 17.
130. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. –Казань, 2001. –480 с.
131. Чернецов А.В., Куза А.В., Кирьянов Н.А. Земледелие и промыслы // Древняя Русь. Город, замок, село. – Москва, 1985. – С. 219 – 242.
132. Челищев П.Н. Путешествие по северу России в 1791 году. Дневник. – Санкт-Петербург, 1896. – 315 с. + 12 л с илл.
133. Чернов С.З. К хронологии московской керамики XIII-середины XV вв. // Московская керамика. – Москва, 1991. – С. 29 – 40.
134. Чубарова Р.В. Археологические памятники Горномарийского района МАССР. //Ученые записки Мар НИИ. Вып. V. Йошкар-Ола, 1953. – С. 177–196.
135. Шаландина В.Т., Шакирова Д.Р. Растительный покров Марийского Заволжья в неолите – железном веке// Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1995. – С. 168–176.
136. Шарифуллин Р.Ф. О ранних жилищах волжских булгар (X – начало XIII вв.) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань, 1993. – С. 63 –76.
137. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники Казанской губернии. Казань, 1877. – 585 с.

КАТАЛОГ ПАМЯТНИКОВ ПОСЕЛЕНИЙ МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ (XIII – XV ВВ.)

1. Сиухино. Кузница. д. Сиухино, Троицко-Посадской сельской администрации, Горномарийского района, правый берег р. Б. Юнги, правый берег р. Волги.

Находится в 900 м к северо-западу от деревни на останце коренной террасы р. Б. Юнги. Площадка размером 52 м х 17 м. В 1952 г осматривался Р.В. Чубаровой, в 1958 г. А.Х. Халиковым (МАЭ) изучена площадь в 324 кв. м. Культурный слой содержал обломки лепной посуды РЖВ и средневековья.

Средневековый материал представлен обломками лепной плоскодонной посуды, железными бытовыми предметами (наконечники стрел, серпы, коса, удила, подковы, ножи и пр.), кусками глиняной обмазки, обломками тиглей и шлаками.

ИАРАН № 5146.

Патрушев В. С. 1986. С. 25 – 26; Халиков А.Х. 1962. С. 96 – 98. Архипов Г.А., Никитина Т.Б. 1993. С. 14, № 5; С. 28, № 10.

2. Нижние Шелаболки. Селище I. Древнемарийская культура. XIII – XV вв. д. Нижние Шелаболки, Красноволжской сельской администрации, левый берег р. Обуховки, правого притока р. Волги.

Обнаружено в 2001 г А.И. Михеевой (НПЦ) в 30 м к востоку от деревни на мысу между двумя оврагами. Высота мыса 13 м. Зачисткой обнажения выявлен культурный слой в виде коричневого суглинка мощностью до 70 см с вклинивающимися в него ямами. Исследованы отдельные ямы, иногда с меловой обмазкой или заполненные золой и углем.

Собрано более 120 фрагментов керамики, железный нож и сердцевидная бронзовая накладка. Керамика лепная и гончарная. Лепная посуда горшковидных форм с примесью в формовочной массе дресвы, шамота, раковины. Гончарная посуда по примесям близка лепной, несколько фрагментов бул-

гарской посуды. Сочетание данных типов характерно для селищ первой половины II тыс.

Архив НПЦ.

3. Нижние Шелаболки. Селище II. Средневековье. Древнемарийская культура. Нижние Шелаболки, д. Красноволжской сельской администрации, левый берег р. Обуховки, правого притока р. Волги.

В 2001 г А.И. Михеева (НПЦ) в 90 м к востоку от деревни и в 60 м к востоку от селища I на краю мыса (высота 8 м) шурфовой выявила наличие культурного слоя в виде темно-серой супеси мощностью до 20 см в которую врезаны углистые ямы. Крупная яма (диаметр 180 см, глубина 75 см) содержала кальцинированные кости и фрагменты керамики с примесью дресвы, шамота, раковины. По формам, примеси и внешнему облику близка керамике селища I.

Архив НПЦ.

4. Нижние Шелаболки. Селище III. Средневековье. Древнемарийская культура. Нижние Шелаболки, д. Красноволжской сельской администрации, левый берег р. Обуховки, правого притока р. Волги.

В 2001 г А.И. Михеева (НПЦ) в 95 м к северо-востоку от деревни и в 40 м к северу от селища II на площадке коренной террасы левого берега р. Обуховки, ограниченной оврагом по которому протекает ручей шурфом 2 м x 2 м определила наличие культурного слоя в виде темно-серого суглинка мощностью до 15 см. В слое найдены фрагменты лепной и гончарной посуды с примесью дресвы, шамота и раковины: железные обломки ножа и застёжки; кости животных и фрагменты глиняной обмазки.

Архив НПЦ.

5. Ключево. Селище. Древнемарийская культура. Середина II тыс. н.э. Ключево, деревня Усолинской сельской администрации, правый берег р. Волги.

В 300 м к северо-востоку от деревни на краю надлуговой террасы круто обрывающейся к водохранилищу в 1999 г В.В. Никитин (МАЭ) собрал об-

ломки посуды: 1 – лепные плоскодонные горшки с примесью толченной раковины и органики; 2 – плоскодонные горшки темного цвета изготовленные на гончарном круге имеют завернутый наружу край горла, в примеси дресва и шамот (славяноидная); 3 – обломки гончарной посуды красного цвета плотные, хорошего обжига с наклепными ручками. По краю горла параллельные бороздки – болгарская. Здесь же встречены обломки красной черепицы и половинка крупного бубенчика из белой бронзы. В обнажениях берега виден слой содержащий кости и мелкие фрагменты керамики толщиной от 20 до 50 см.

Колл. Мар НИИ. НРФ Мар НИИ № 1046.

6. Носелы. Селище I. Древнемарийская культура. I тыс. н.э. Носелы, деревня Усолинской сельской администрации, правый берег р. Волги.

В 300м к северо-востоку от деревни на удлиненной площадке высокого обрывистого берега между двумя оврагами (площадь 60 х 20 м) в 1958 г. А.Х. Халиков (МАЭ) выявил культурный слой мощностью до 15 см. местное название мыса «Кандуш нер». Собранные в слое посуда представлена фрагментами лепных горшков с примесью дресвы и шамота в формовочной массе. Колл. НМРМЭ. Слой разрушается оползнями. В 2003 г. Т.Б. Никитина (МАЭ) шурфовкой установила наличие культурного слоя в напольной части мыса мощностью до 20 см.

ИАРАН № 1874.

Архипов Г.А., Никитина Т.Б. 1993. С. 30, № 19

7. Носелы. Селище II. Древнемарийская культура XIII – XIV вв. Носелы, деревня Усолинской сельской администрации, правый берег р. Волги.

В 400 м к северо-востоку от деревни и к северу-северо-западу от селища I на соседнем мысу известном под названием «Вараш нер» в 1958 г. А.Х. Халиков (МАЭ) на площадке 34 х 15 собрал фрагменты лепной плоскодонной посуды с примесью органики и толченых раковин, обломки горшков сделанных на гончарном круге с примесью дресвы в формовочной массе. Колл. НМРМЭ. Слой разрушается оползнями. В 2003 г. Т.Б. Никитина

(МАЭ) зачисткой обнажений установила наличие культурного слоя в напольной части мощностью до 20 см.

ИАРАН № 1874.

Архипов Г.А., Никитина Т.Б. 1993. С. 30 - 31, 20.

8. **Носелы.** Селище III. Эпоха бронзы. Чирковская культура. Древнемарийская культура. XII-XIV вв. Носелы, деревня Усолинской сельской администрации, правый берег р. Волги.

В 300 м к северо-западу от деревни на левой коренной террасы правый берег р. Волги, известного под названием «Якшар уа корем нер». В 1958 г. А. Х. Халиков (МАЭ) провел раскопки (203 кв. м). Установлены два культурных слоя. Верхний слой мощностью до 30 м – средневековый. В нем изучены остатки хозяйственных ям, остатки амбара с погребом, в них каменный жернов и обломки лепной и гончарной посуды с примесью шамота, дресвы и толченой раковины, присутствуют и обломки болгарской посуды. В 1975 году при осмотре памятника (В. В. Никитин) установлено, что слой разрушается эрозией оврагов.

В 2003 г. Т.Б. Никитина (МАЭ) установила шурфовкой и зачисткой обрывов наличие культурных слоев мощностью от 10 см до 50 см в напольной части мыса.

ИАРАН № 1874.

Бадер О.Н. Халиков А.Х. 1976. С. 96; Архипов Г.А., Никитин В.В., Соловьев Б.С. 1993. С. 154, № 2; Архипов Г.А., Никитина Т.Б. 1993. С. 31, № 21; Халиков А.Х. 1960 С. 110 - 112; С. 19 - 29; Никитина Т. Б. 1995. С. 131;

9. **Важнангер.** Селище. Древнемарийская культура. Середина II тыс. н.э. деревня Важнангер Виловатовской сельской администрации, левый берег р. М. Сундырь.

В 1000 м к северу от деревни на надлуговой террасе правого берега реки Волги на пахотном поле в 1992 г. В.В. Никитин (МАЭ) собрал коллекцию: лепной плоскодонной посуды с примесью толченых раковин и песка; обломки плоскодонной, горшковидной, гончарной посуды славяноидного облика.

Слой распаивается. В 2003 г. Т.Б. Никитина шурфовкой и зачисткой обнажений установила площадь селища (слой сохранился лишь в прибрежных частях мыса) от 10 см до 50 см. В слоях собраны фрагменты местной лепной и гончарной посуды, обломки болгарских кувшинов, куски печной обмазки., железный нож. Колл. Мар НИИ.

ИАРАН № 17644

Никитина Т.Б. 1995. С.131

10. Важнангерское (Малый Сундырь) городище. Древнемарийская культура. Сер. II тыс. н.э., деревня Важнангер Виловатовской сельской администрации, правый берег р. Волги, правый берег р. Большая Сундырка.

Площадка подтреугольной формы имеет длину 260 м и ширину у вала 200 м, дугообразный вал высотой до 2 м, шириной до 13 м, ров шириной до 12 м углубленный до 1,3 м. Городище упоминается в литературе в 1852 г. В 1952 г. осмотрено Р.В. Чубаровой (Мар НИИ), в 1957, 1964, 1983 гг. исследовалось Т.А. Хлебниковой и Г.А. Архиповым (МАЭ). В 1999–2005 гг. раскапывалось Т.Б. Никитиной (МАЭ) и А.И.Михеевой (НПЦ). На памятнике вскрыта площадь более 2000 кв. м. Культурный слой в виде темно-гуммированной супеси достигает 40 см–60 см. Жилыми сооружениями была застроена северо-восточная часть городища. Постройки с остатками куполообразных печей, хозяйственные постройки типа летнего сооружения «кудо», погреб, ямы различного назначения. Выявлены детали конструкции вала. Вещевые комплексы: керамика лепная горшковидных форм при наличии посуды изготовленной на гончарном круге по местным образцам и славянского типа; болгарские горшки, миски и кувшины; железные бытовые предметы – ножи, кресала, наконечники стрел, замки, ключи; украшения из цветного металла: кресты, ладанки, подвески, болгарские зооморфные замочки, монеты. По золотоордынским и русским монетам датировано XIII – XV вв. Колл. НМРМЭ, Мар НИИ.

ИА РАН № 1470; № 2947; № 10216.

Архипов. Г.А. 1985. С. 136 – 137; Михайлов С.М. 1852. С. 182 – 185; Архипов Г.А., Никитина Т.Б. 1993. С. 68, № 28; Никитина Т.Б. 1994. С. 68; Никитина Т.Б. 2002. С. 208.; Михеева А.И., Никитина Т.Б. 2001.

11. **Яндушево.** Селище. Древнемарийская культура. Яндушево, деревня Виловатовской сельской администрации, правый берег р. Волги.

В 1500 м к западу от деревни на высоком мысу, образованном двумя оврагами врезанными в левый берег оврага Копан выходящего в пойму р. Б. Сундырка у д. Важнангер. Длина мыса 100 м, ширина – 15 м-18 м, высота над поймой 23 м. Восточный и западный склон обрывистые и осыпаются. Площадка (20 м х 15 м) отрезанная небольшим рвом, прорезающим мыс с восточной стороны почти до конца, где прослеживается узкий проезд шириной около 2 м. Площадка занята сосновой посадкой. В 1999 г. В.В. Никитин (МАЭ) собрал в обрывах фрагменты лепной посуды с примесью толченых раковин и песка с плоским дном древнемарийского облика. Шурфовкой установлено наличие культурного слоя в виде темной гумуссированной супеси мощностью до 10 см. Колл. Мар НИИ.

НРФ Мар НИИ № 1046.

12. **Сауткино.** Селище. Древнемарийская культура. XIV – XV вв. Сауткино, деревня Кузнецовской сельской администрации, левый берег р. Сундырь, правый берег р. Волги.

В 100 м к востоку от деревни В.В. Никитин (Мар АЭ) в 1992 г. в обрыве мыса левого берега р. Сундырь отметил наличие культурного слоя мощностью до 80 см. тогда же небольшой траншеей вдоль обрыва были исследованы остатки постройки (вероятно подполья) в которой сохранились углистые полосы. На дне подпола фрагменты сгоревшего деревянного сундука обитого бронзовыми накладками с железными ручками, фрагменты железных бытовых предметов, глиняная посуда: лепные горшковидные плоскодонные сосуды с примесью толченых раковин и шамота; гончарные горшки с желобчатыми венчиками славяноидного облика, железный замок новгородского типа.

ИАРАН № 17644.

Никитина Т.Б. 2002. С. 207. Никитина Т.Б. 1995. С. 132 – 133.

13. Юльялы. Кузница. Древнемарийская культура. XIV-XV вв. Юльялы, деревня Кузнецовской сельской администрации, левый берег р. Сундырь, правого притока р. Волги

В 500 м к северо-востоку от деревни, на восточном конце деревенского кладбища, на мысу левого берега р. Сундырь образованном двумя оврагами. Площадка подтреугольной формы (25 м x 10 м). Вал имеет ширину 12 м при высоте 1,7 м, длину 10 м. Ров оплывший, глубина около 0,5 м. Северная часть вала срезана траншеей. В 1952 г. Р.В. Чубарова (Мар НИИ) раскопала 1214 кв. м. Полевая документация не сохранилась. В 1958 г. исследовалось А.Х. Халиковым (МАЭ), в 1991 г. осматривалось В.В. Никитиным (МАЭ), снявшим стратиграфию вала по северной стенке (разрезанной траншеей). Культурный слой эпохи средневековья достигал 15 см, а по склонам до 25 см. Посуда представлена обломками горшковидных плоскодонных сосудов вылепленных от руки с примесью шамота и бугристой поверхностью. Собрана значительная коллекция железных предметов: серпы, ножи, наконечники стрел, светец, др. изделия.

Судя по напластованиям вала, первоначально городище было занято чирковским населением эпохи бронзы, о чем свидетельствуют находки чирковской посуды, представленной фрагментами плоскодонных горшков с высокой шейкой украшенных клиновидными вдавлениями и оттисками мелкозубых штампов полученные В.В. Никитиным в результате зачистки вала. Восточная часть городища размывается и рушиться. Колл. НМ РМЭ, Мар НИИ.

ИАРАН № 1874, № 16269.

Архипов Г.А., Никитина Т.Б. 1993. С. 32 – 33, № 26; Чубарова Р.В. 1953. С. 185 – 186; Чубарова Р.В. 1953а. С. 255 – 290; Халиков А.Х. 1962. С. 17; Никитина Т.Б. 1995. С. 132.

14. Юльялы. Селище. Древнемарийская культура. XIII – XV вв. Юльялы, деревня Кузнецовской сельской администрации, левый берег р. Сундырь, правого притока р. Волги.

На краю надлуговой террасы левого берега р. Сундырь (в устье) в 1500 м к северо-востоку от деревни. В 1986–1989 гг., в размытой водохранилищем части, В.В. Никитиным (МАЭ) собрана большая коллекция лепной горшководных форм посуды с примесью органики и раковины; обломки гончарных сосудов славянского облика, фрагменты болгарских горшков и кувшинов, металлические изделия; замок новгородского типа, ключи, пластинчатый браслет с геометрическим рисунком, арабские монеты конца XIV – нач. XV вв. В 1990 Т.Б. Никитина у береговой линии изучила остатки постройки, отдельные очаги и хозяйственные ямы. В 2002 г. Михеевой А.И. проведены раскопки разрушающейся части памятника площадью 80 кв.м. Исследованы остатки жилой постройки, получен вещевой инвентарь: подкова, ключ, фрагмент замка, 3 монеты, керамика.

ИАРАН № 11752; № 11469, № 13077.

Архипов Г.А., Никитина Т.Б. 1993. С. 70 – 71, № 35; Никитина Т.Б. 2002. С. 39. Никитина Т.Б. 1991. С. 24 – 25. Никитина Т.Б. 2002. С. 207 – 208.

15. Красное Селище. Селище I. Древнемарийская культура. I тыс. н.э. Красное Селище, деревня Сурской сельской администрации, правый берег р. Суры, правого притока р. Волги.

К югу от деревни на склоне правый берег р. Суры. В настоящее время площадка занята приусадебными участками. В 1958 г А.Х. Халиков (МАЭ) собрал фрагменты лепной горшководной посуды, железный нож, обломок тигля. Колл. Мар НИИ.

ИА РАН № 1874.

Архипов Г.А., Никитина Т.Б. 1993. С. 26, № 2.

16. Красное Селище. Селище II. Древнемарийская культура. XIII – XIV вв. н.э. Красное Селище, деревня Сурской сельской администрации, правый берег р. Суры, правого притока р. Волги.

В центре деревни на правом берегу ручья, протекающего по оврагу "Андран энгер" впадающего в р. Суру. У моста через ручей на дюнном берегу небольшого пруда в 1971 г. В.В. Никитин (МАЭ) отметил наличие культурного слоя содержащего: 1) обломки лепной посуды с примесью толченой раковины шамота и дресвы; 2) обломки гончарных горшков с примесью дресвы. Кроме посуды собраны кости животных. Площадь селища 160 м x 65 м. Частично разрушено при подсыпке дороги на мост. Т.Б. Никитина (МАЭ) в 1995 – 1998 гг. раскопом (470 кв. м) изучила остатки построек срубной конструкции небольших размеров с печкой на деревянном опечке, укрепленном на столбах; хозяйственную постройку с углубленным подполом, отдельные хозяйственные ямы. Вещевые комплексы представлены лепной посудой с примесью толченой раковины, шамота и дресвы (основная – более 80 %); гончарной, с примесью дресвы (от 12 % до 14 % на различных раскопах); и гончарной болгарской красного и желтого цветов, хорошего обжига украшенной параллельными прямыми и волнистыми линиями. Много костей домашних животных, металлические бытовые предметы: ножи, рыболовные крючки, булавки, пряжки, скобы, гвозди, цепочки, наконечники стрел, ключи от пружинных замков, бронзовый зооморфный замок, бронзовые сьюльгамы, монетовидная подвеска с ликом святого, глиняные пряслица и грузила. Колл. Мар НИИ.

ИА РАН № 16269, № 19349, № 19767.

Никитина Т.Б. 2000. С. 51 – 59; Никитина Т.Б. 2002. С. 50 – 51, 206.

17. Красное Селище. Селище III. Древнемарийская культура. XIV в. н.э. Красное Селище, деревня Сурской сельской администрации, правый берег р. Суры, правого притока р. Волги.

Находится в центре деревни на восточной окраине подпрямоугольного мыса, образованного коренной террасой правый берег р. Суры и оврагом «Андран энгер». Мыс возвышается над первой надлуговой террасой, где находится селище II, на 12 м. Площадь селища 115 м x 30 м. В 1995 г Т.Б. и В.В. Никитиными (МАЭ) установлено наличие культурного слоя в виде серо-

го суглинка с углистыми включениями мощностью до 70 см. В слое собраны кости животных, обломки посуды: 1) лепная с примесью шамота, толченой раковины, дресвы; 2) гончарная с примесью дресвы и сложным оформлением края венчика – воротничок, утолщения, желобки.

ИА РАН № 19349.

18. Красное Селище. Селище IV. Древнемарийская культура. XIV – XV вв. н.э. Красное Селище, деревня Сурской сельской администрации, правый берег р. Суры, правого притока р. Волги.

На коренной террасе правый берег р. Суры на северной окраине деревни на мысу треугольной формы, образованном коренной террасой правый берег р. Суры и левым склоном оврага "Андран энгер". Стрелка мыса выходит к мосту через ручей напротив Селища III. Мыс возвышается над первой надпойменной террасой с селищем II на 20 м. У подножия расположены дома и усадьбы деревни через которые проходит грунтовая дорога на мысу квартальный столб № 44, рядом с ним округлая впадина четырехугольной формы 7 м x 11 м и глубиной около 1 м.

В 1995 г В.В. и Т.Б. Никитины (МАЭ) шурфовкой выявили культурный слой в виде темно-бурого с углем суглинка мощностью до 60 см. В слое собраны фрагменты лепной и гончарной посуды, кости животных, куски обожженной глины. Площадь селища залесена. Колл. Мар НИИ.

ИА РАН № 19349.

19. Шартнейка. Селище I. Древнемарийская культура. Шартнейка, деревня Виловатовской сельской администрации, правый берег р. Волги.

В 500 м к северо-востоку от деревни на краю надлуговой террасы правый берег р. Волги в 1992 г. В.В. Никитин (МАЭ) в размывах берега собрал коллекцию обломков лепной и гончарной круговой посуды. Лепная посуда с применением толченой раковины, горшковидная плоскодонная, с выраженной шейкой отогнутым наружу венчиком; круговая – плоскодонные горшки с примесью дресвы, утолщенным венчиком славяноидного облика; болгарская

– красноватых оттенков с волнистой линией по тулову. Колл. Мар НИИ. Размыта Чебоксарским водохранилищем.

ИАРАН №17644.

20. Шартнейка. Селище II. Древнемарийская культура. Шартнейка, деревня Виловатовской сельской администрации, правый берег р. Волги.

В 1000 м к северо-западу от деревни на низкой надлуговой террасе правый берег р. Волги в 1999 г. В.В. Никитин (МАЭ) в размыве берега собрал коллекцию посуды: лепная с применением толченой раковины и песка, плоскодонные горшки с примесью шамота и дресвы славяноидного облика; железная накладка с отверстием на конце, фрагмент стремени и обломки неопределенных предметов. Колл. Мар НИИ. Размыта Чебоксарским водохранилищем.

НРФ Мар НИИ №1046.

21. Шунангер. Селище II. Древнемарийская культура XII-XIII вв. Шунангер, деревня Кузнецовской сельской администрации, правый берег р. Волги.

В 800 м к югу от деревни на останце дюны в 1974 г. Г.А. Архипов и В.В. Никитин (МАЭ) отметили наличие культурного слоя в виде гумуссированной ступени мощностью до 20 см, содержащем обломки лепной посуды с примесью шамота и толченой раковины, крупную кованую блесну. Колл. НМРМЭ. Разрушено Чебоксарским водохранилищем.

ИАРАН № 5544.

Архипов Г.А., Никитина Т.Б. 1993 С. 31, № 24, 25

22. Сутыри. Селище V. Юрино, посёлок, пр.б. р. Ветлуги. Средневековье. Древнемарийская культура. Нач. II тыс. н.э. Находится в 4000 м к востоку от посёлка и в 1000 м к северу от конца дамбы на краю высокой песчаной дюны ЮВ берега старицы, упирающейся восточным концом в водохранилище. Здесь на распаханной под сосновую посадку и раздутой площадке в 2001 г. В.В. Никитиным (МАЭ) собраны обломки лепной и гончарной плоскодонной посуды. Лепная посуда серого цвета с обильной примесью крупно-

го шамота с бугристой поверхностью; гончарная на ручном круге, плотная с примесью дресвы и песка в формовочной массе. Раскопом (40 кв.м) установлено, что слой почти полностью разрушен. Исследованы остатки сооружений (видимо, типа погребя) находившегося в пределах какого-то помещения, остатки которого фиксировались отдельными углисто-золистыми пятнами. Погребная яма прямоугольной формы (270x100-150 см), глубина – 100 м. Внутри ямы прослежены столбы и остатки сгоревших брёвен. С северной стороны ямы прослежены ступеньки – выход к водоёму.

В раскопе собраны остатки 9 сосудов с прикрытым устьем и раздутым туловом. У части сосуда край горла загнут вовнутрь, плоскодонные банки небольших размеров. Видимо, были сосуды с ручками (найдена одна проушенная ручка). На одном сосуде по плечу горизонтальные прочерченные полосы. Коллекция МарНИИ.

НРФ МарНИИ, № 1059.

23. Удельный Шумец. Селище II. Средневековье. Древнемарийская культура. Удельная, деревня, л.б. р. Волги. Находится в 300 м от деревни на краю дюны. В 1987 г. В.В. Никитин (МАЭ) зафиксировал культурный слой в виде углистого песка мощностью до 30 см, в котором найдена лепная миска с примесью дресвы изготовленная на гончарном круге. Здесь же в осыпях собраны фрагменты лепной посуды горшковидных, плоскодонных форм с примесью крупного шамота и железные предметы: мостовые кованые гвозди, обломки бытовых предметов. При работах на поселении эпохи камня, в верхних слоях содержалась посуда указанных типов и изучены мелкие хозяйственные объекты средневекового времени

ИА РАН, № 11469.

Архипов Г.А., Никитина Т.Б. 1993. С. 72-73, № 40.

24. Починок. Селище. Средневековье, древнемарийская культура. II тыс. н.э. Починок, деревня, левый берег р. Волги. Находится в 250 м к юго-востоку от деревни на высоком мысу коренной террасы, образованном двумя оврагами и занимает площадку 10x25 м. В 1986 г. В.В. Никитин (МАЭ)

шурфом установлен культурный слой в виде серой супеси мощностью до 40 см и собраны фрагменты плоскодонных горшков, вылепленных от руки с примесью шамота и дресвы. Коллекция МарНИИ.

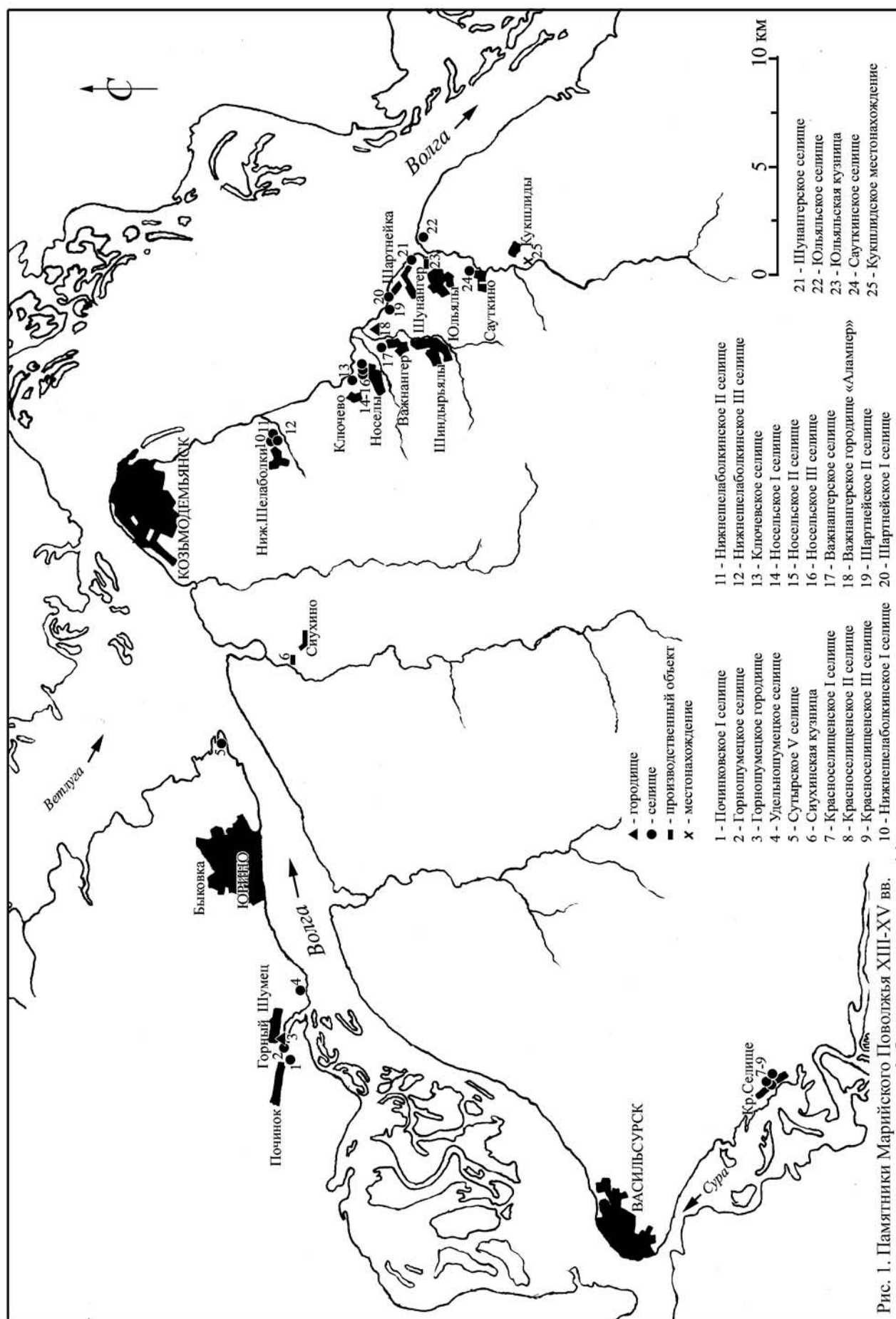
ИА РАН, № 11752.

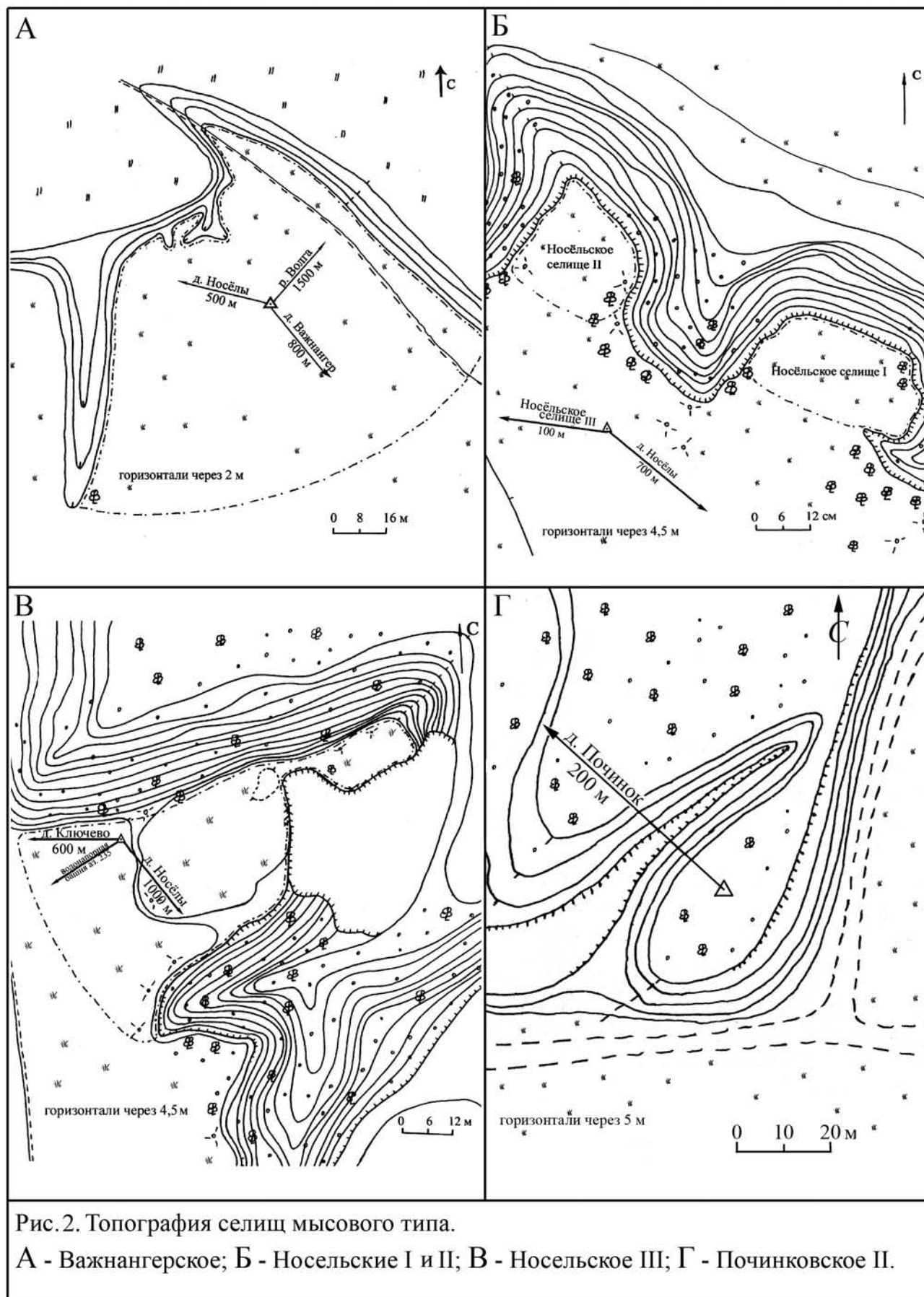
Архипов Г.А., Никитина Т.Б. 1993. С. 72, № 38.

25. Горный Шумец. Городище. Средневековье. Древнемарийская культура. II тыс. н.э. Горный Шумец, деревня, л.б. р. Волги. Находится на западном конце деревни (в 150 м к югу) на высоком мысу коренной террасы, образованном двумя оврагами, остатков оборонительных сооружений не прослеживается. Возможно, они были сnivelированы при обустройстве деревенской улицы. Склоны мыса сильно нарушены оползнями. В обнажениях просматривается культурный слой мощностью до 40 см. В 1986 г. В.В. Никитин (МАЭ) собраны обломки лепной плоскодонной посуды с примесью шамота с бугристой поверхностью. Здесь же найдены фрагменты гончарной посуды горшковидных форм с примесью дресвы и органики. Кроме посуды найдены железные предметы быта: ножи, обломки деревообрабатывающих инструментов, мостовые гвозди и пр. В 2005 г. обследовано В.В.Никитиным. Исследована постройка хозяйственного назначения, собран вещевой инвентарь.

ИА РАН, № 11752.

Архипов Г.А., Никитина Т.Б. 1993. С. 72, № 39.

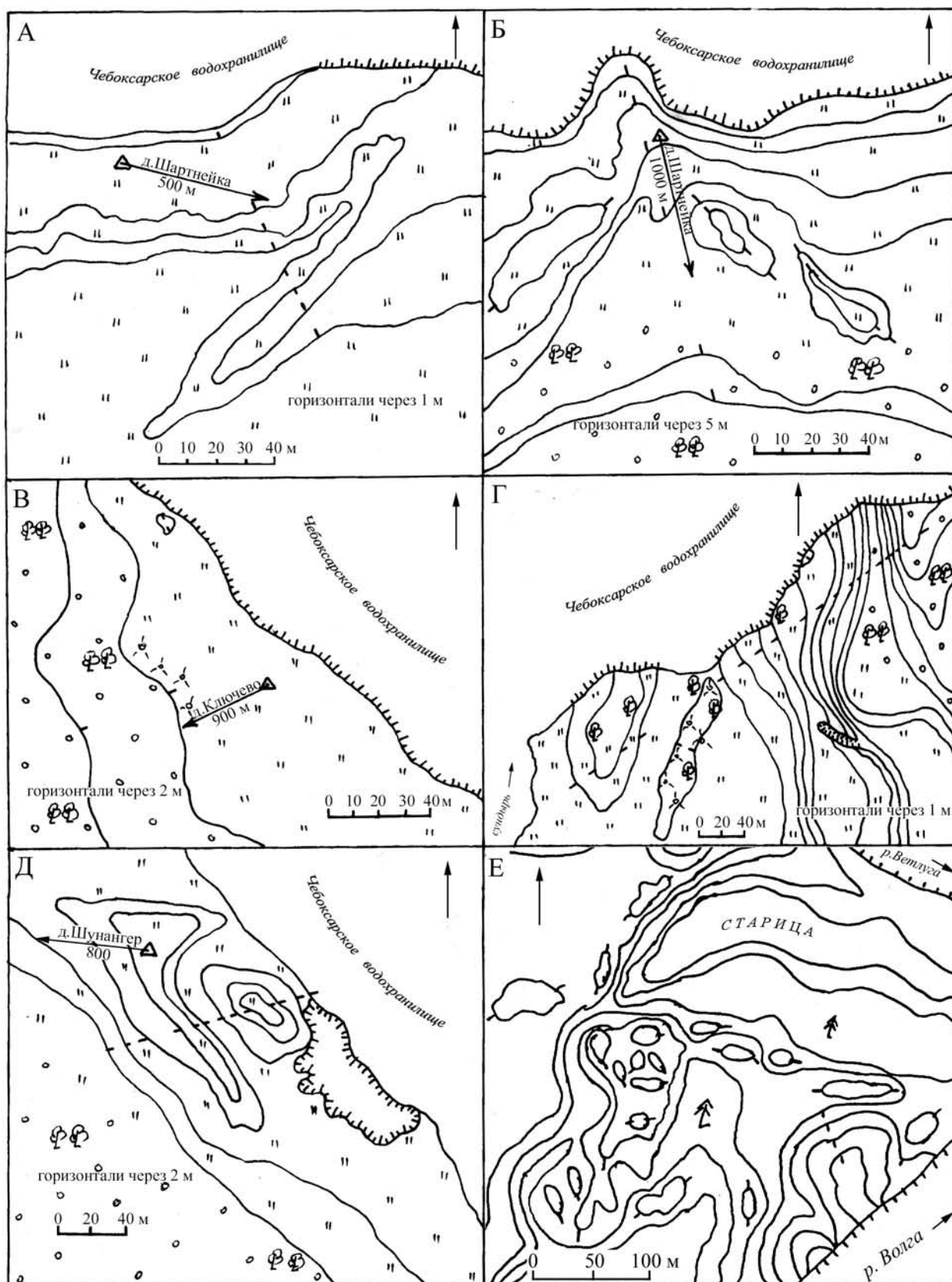

Рис. 3. Топография марийских селищ XIII-XV вв.
 приречное расположение: А - Шартнейское II; Б - Шартнейское I;
 В - Ключевское; Г - Юльяльское.
 дунное расположение: Д - Шунангерское; Е - Сутырское V.

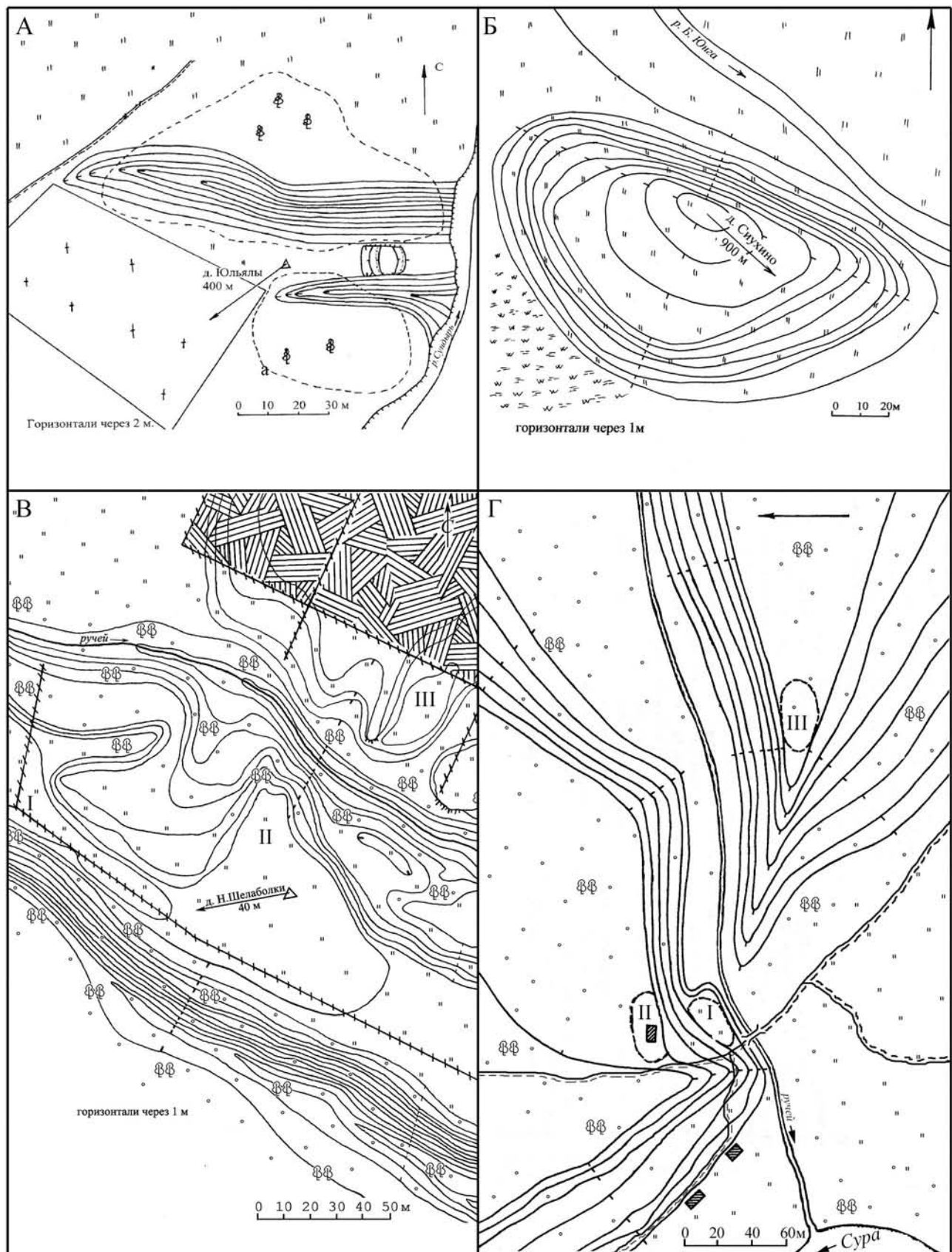

Рис. 4. Топография производственных объектов. Топография селищ террасно-мысового типа.
 А - Юльяльская кузница; Б - Сиухинская кузница;
 В - Нижнешелаболкинское селище; Г - Красноселищенское селище.

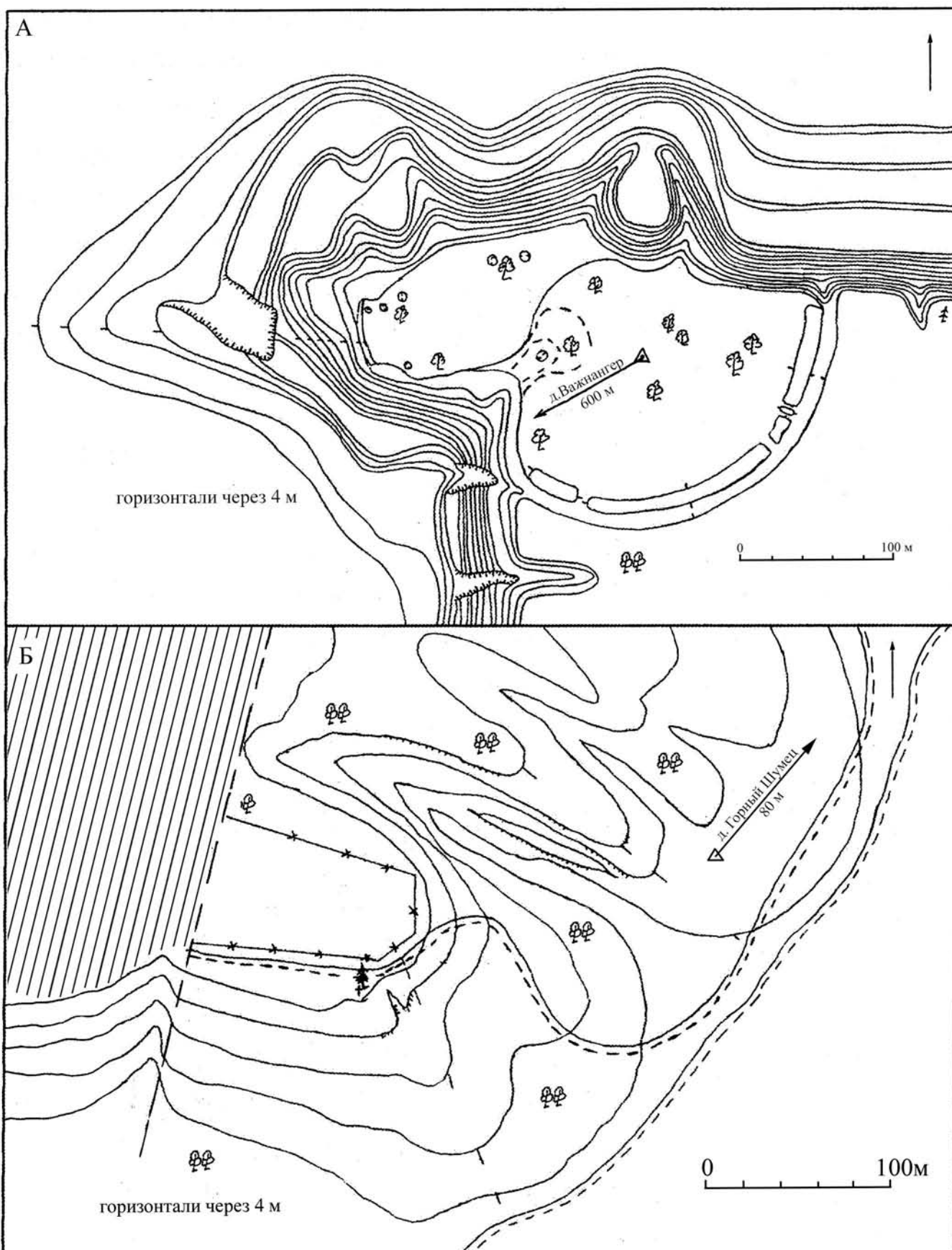

Рис. 5. Топография марийских городищ XIII - XV вв.
А - Важнантерское (Малосундырское); Б - Горношумецкое.

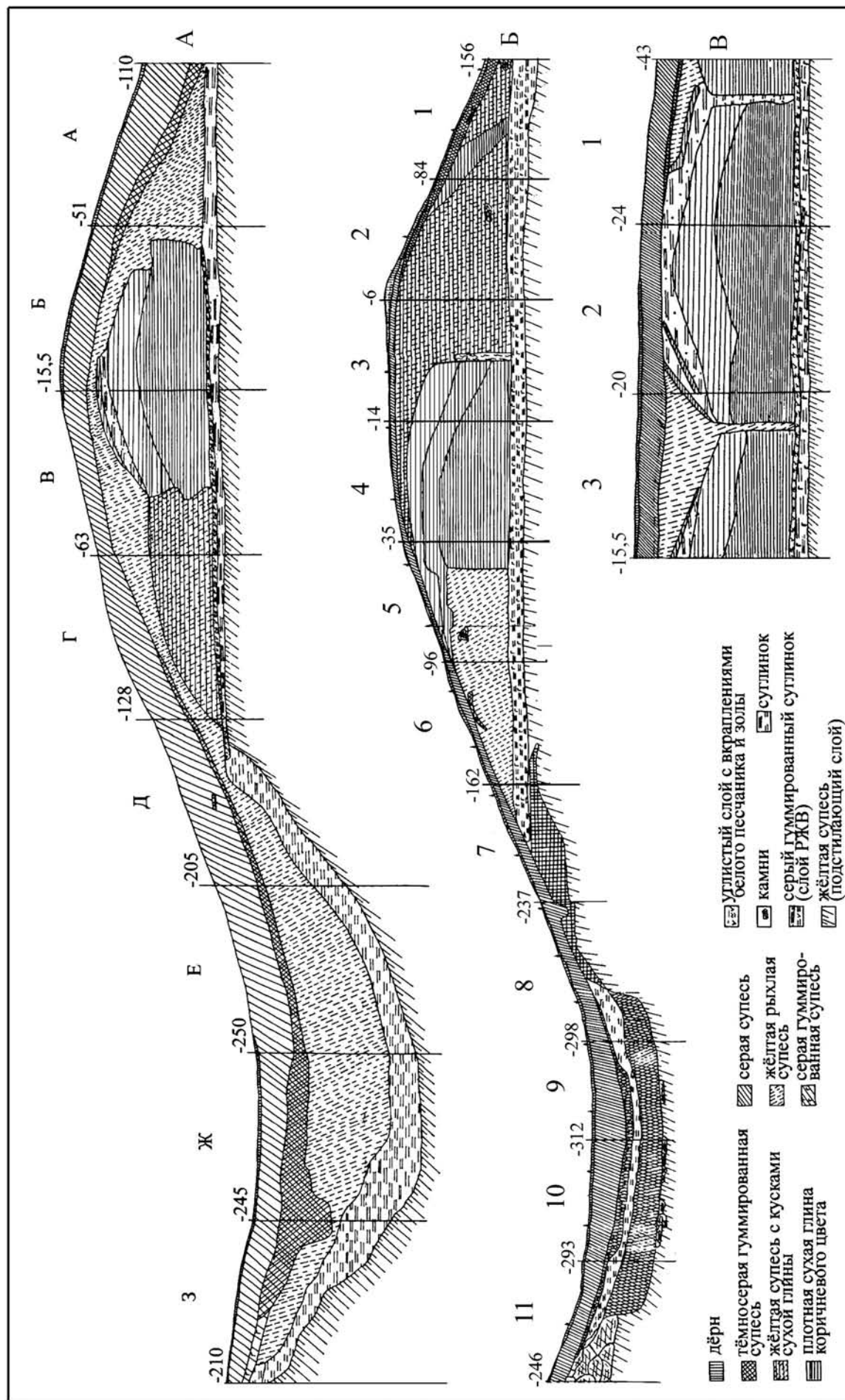
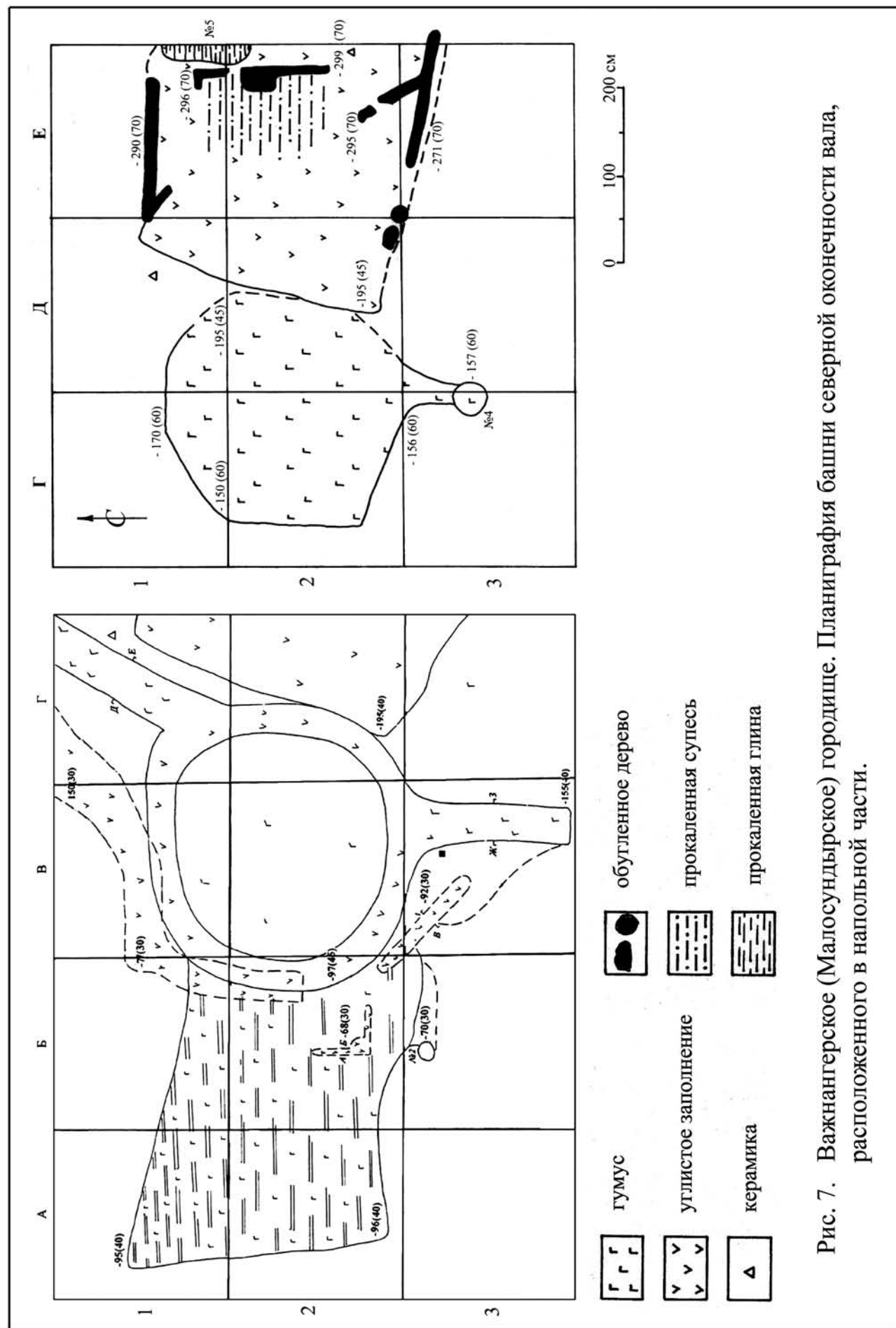

Рис. 6. Важнангское (Малосундырское) городище. Стратиграфия оборонительных сооружений с напольной стороны. А - южная стенка (2002 г.); Б - юго-западная стенка в районе проезда (2003 г.); В - западная стенка (2002 г.).

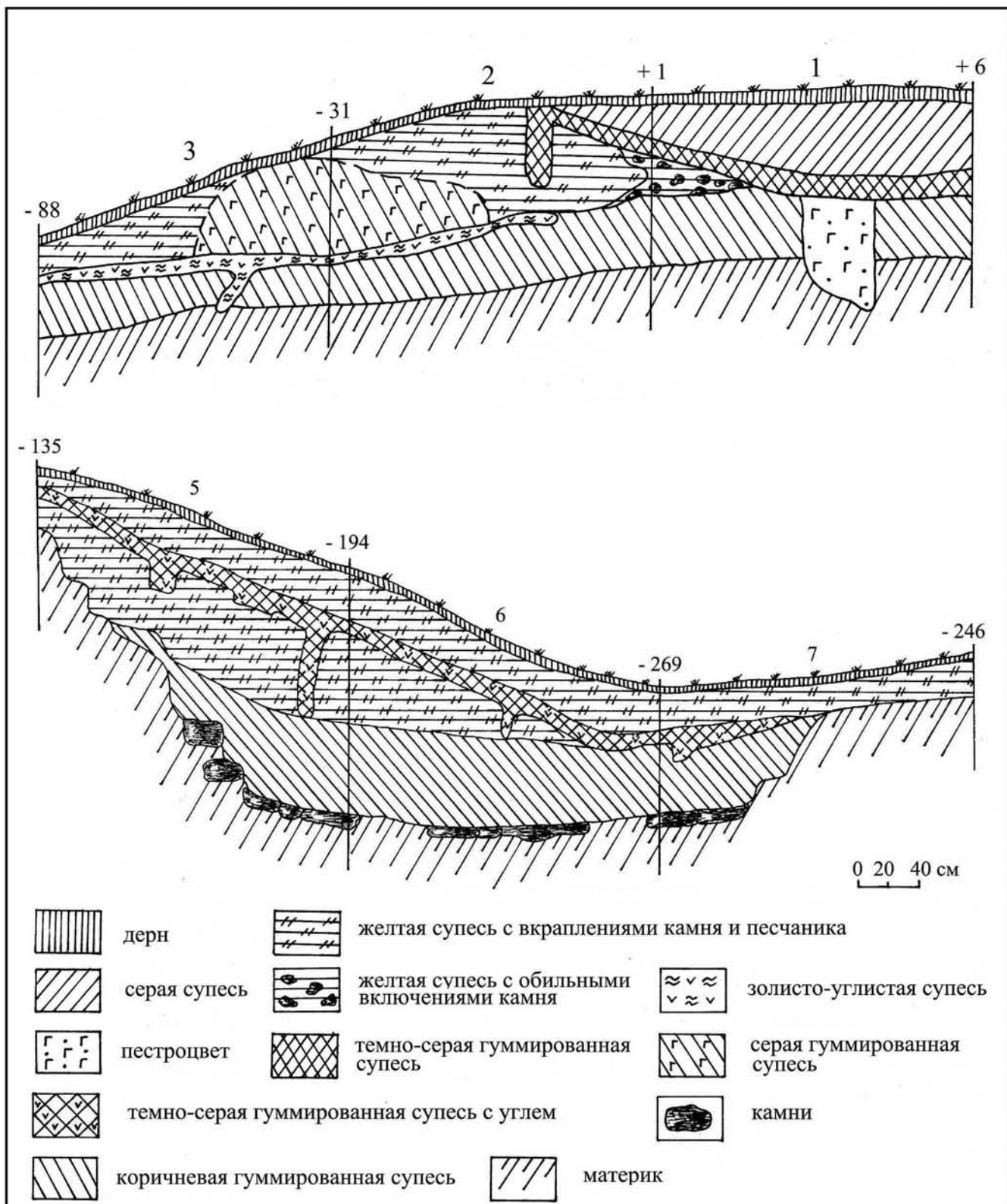

Рис. 8. Стратиграфия вала и рва, расположенного на мысовой части Важнангерского (Малосундырского) городища.

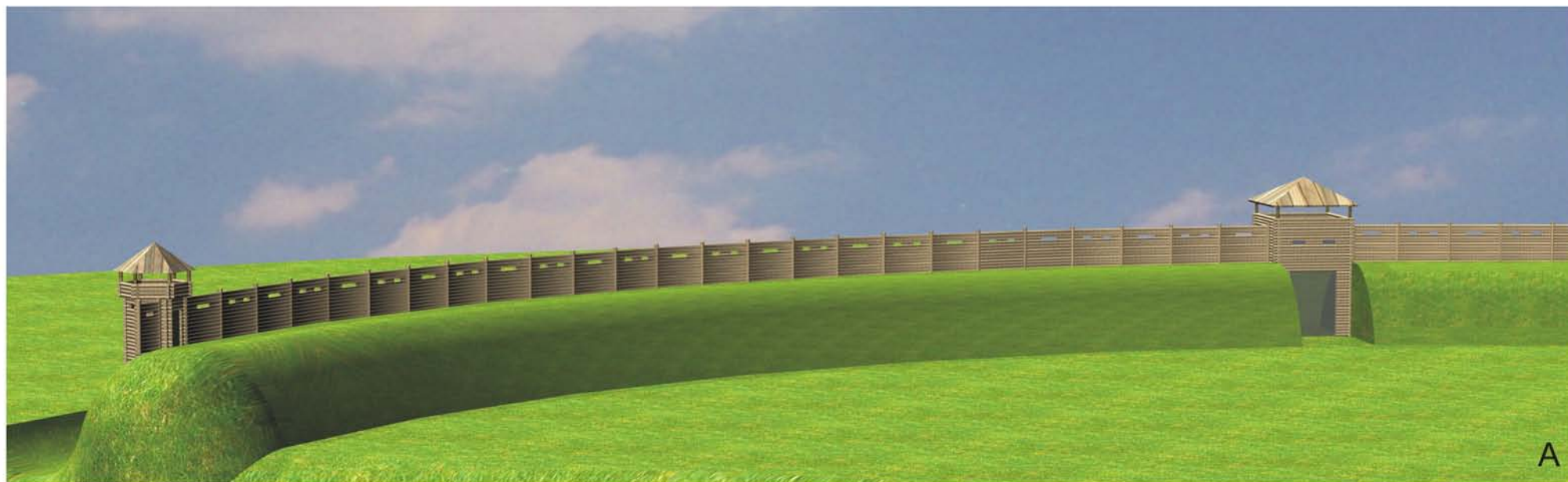

Рис. 9. Важнангерское городище. Реконструкция оборонительных сооружений.
А - Вид со стороны площадки. Б - Вид с напольной стороны.

Рис. 10. Важнангерское городище. Реконструкция: А - надвратной башни, Б - наблюдательной башни.

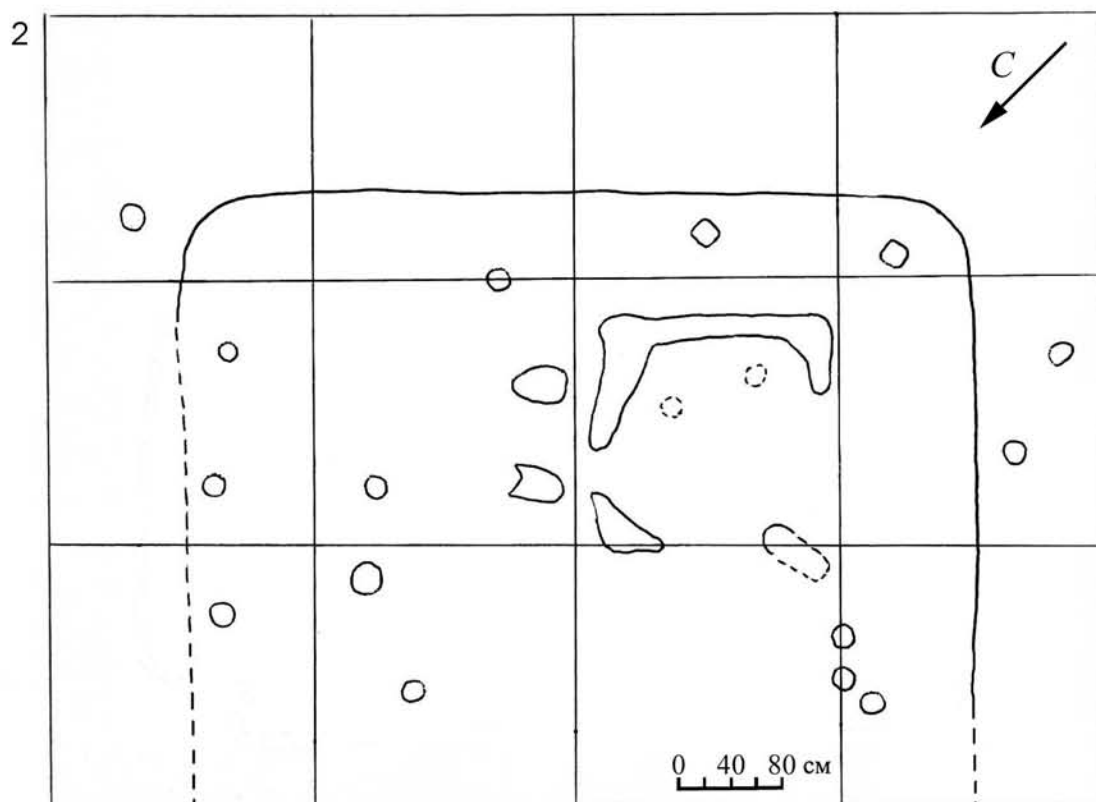

Рис. 11. Наземные постройки на марийских памятниках XIII-XV вв.
1 - Малосундырское городище; 2 - Юльяльское селище.

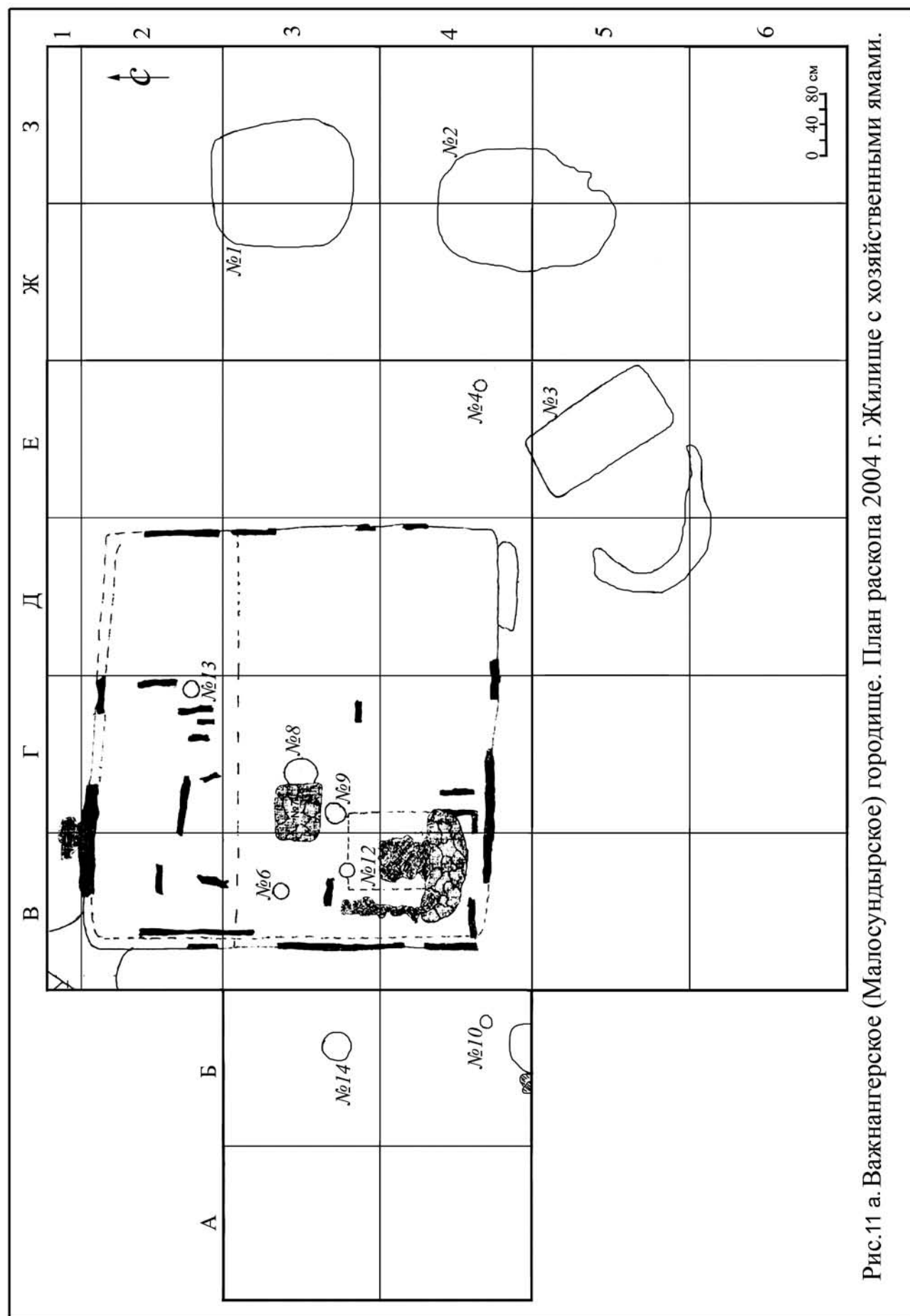

Рис.11 а. Важнангское (Малосундырское) городище. План раскопа 2004 г. Жилище с хозяйственными ямами.

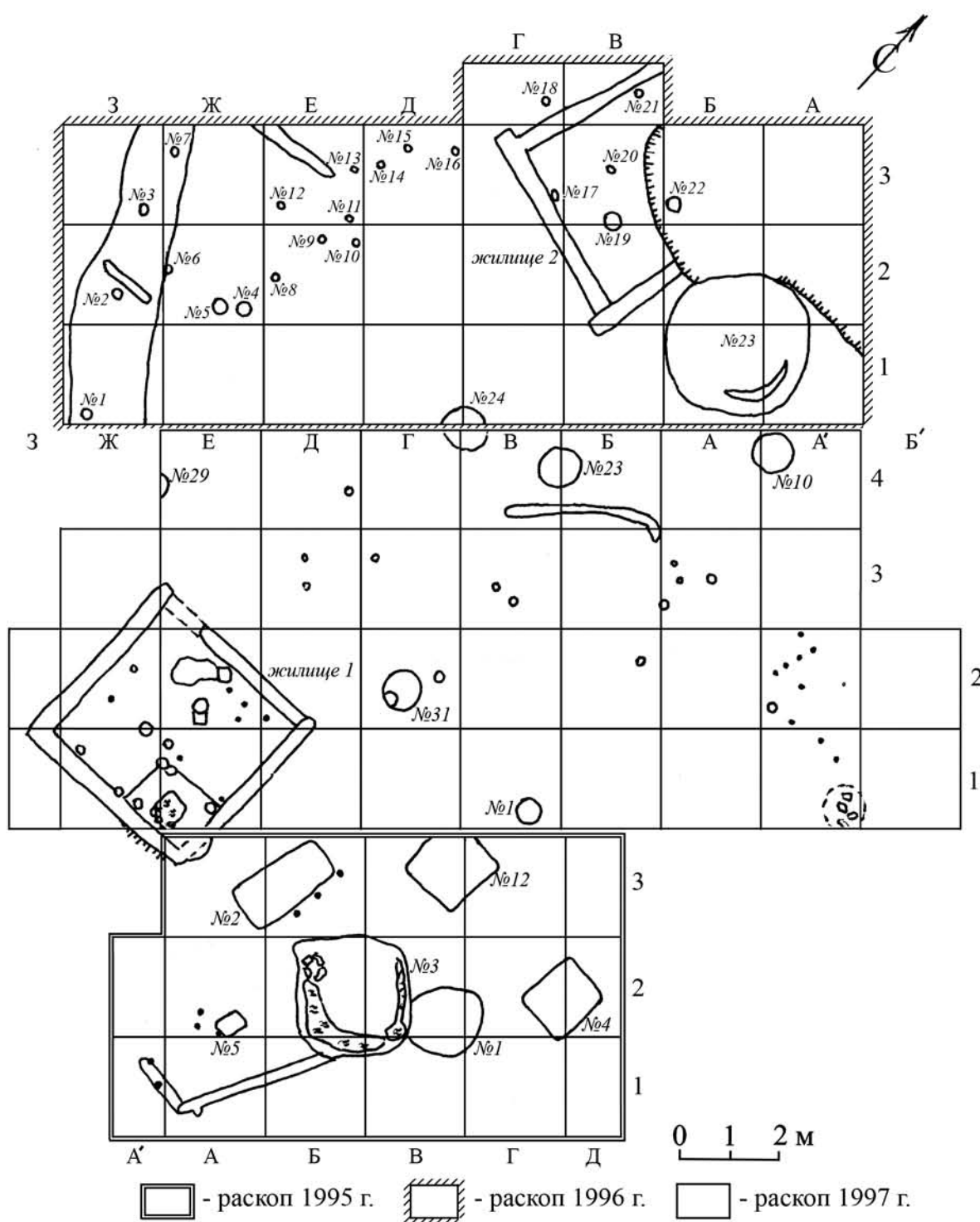
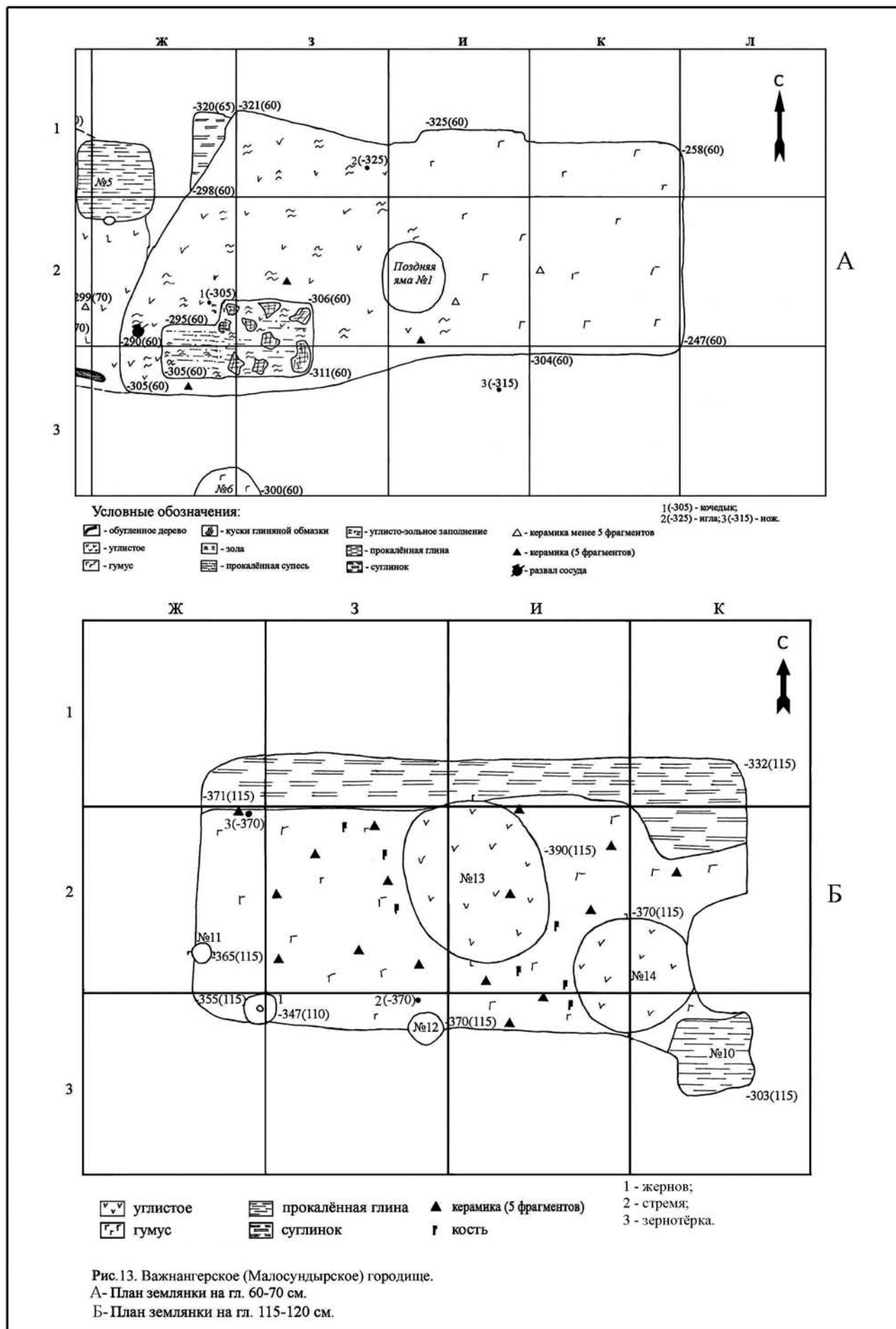
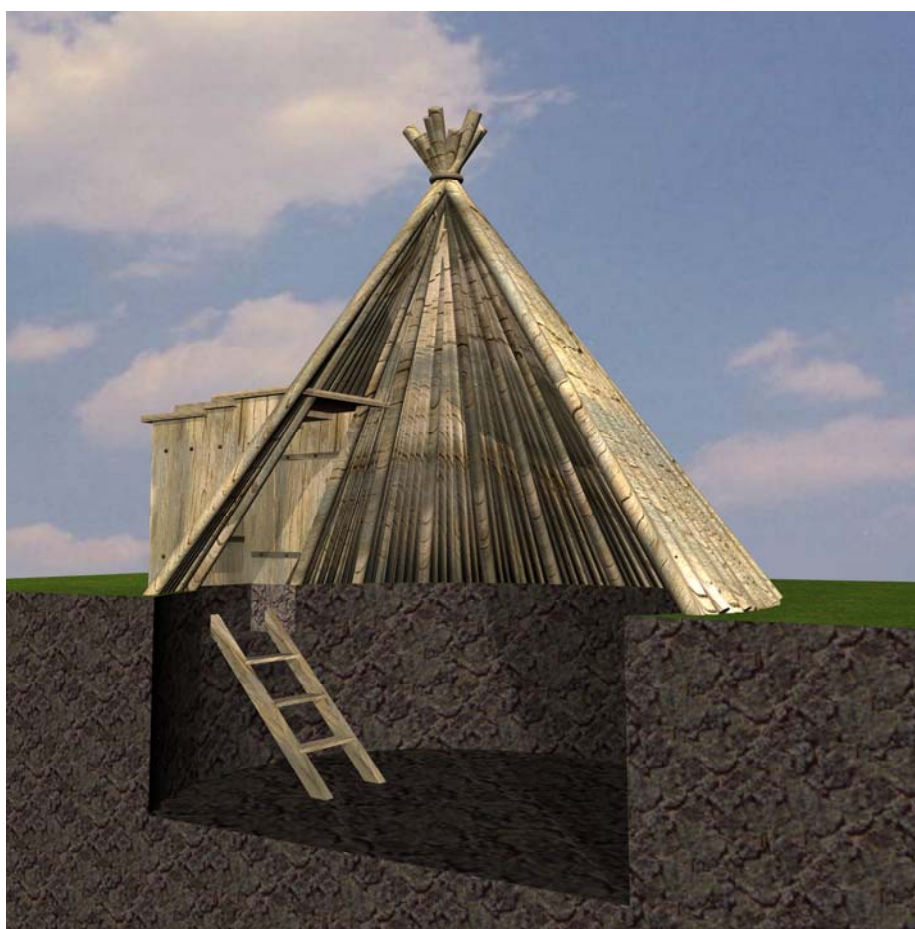

Рис.12. Красноселищенское селище. Сводный план раскопа.

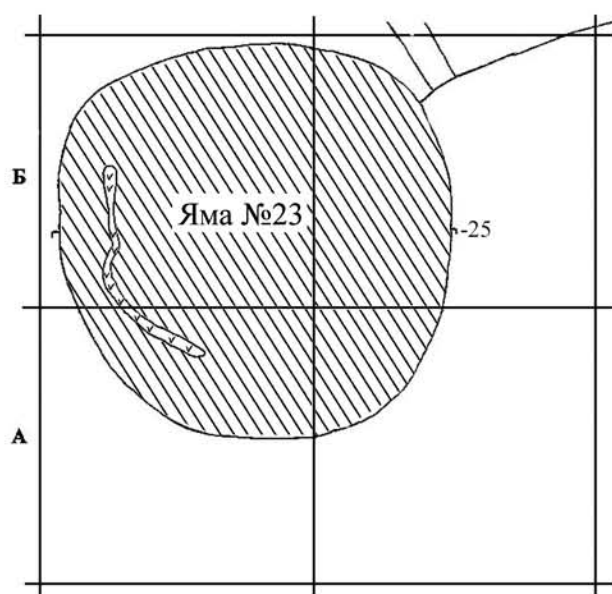
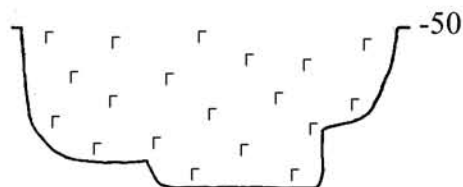
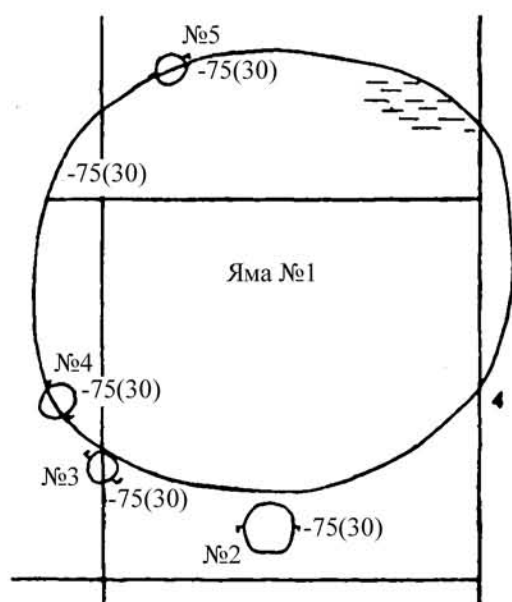

А

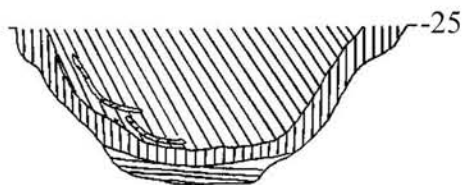

Б

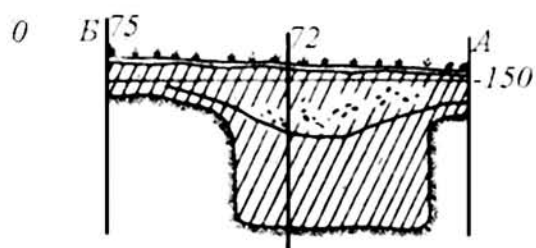
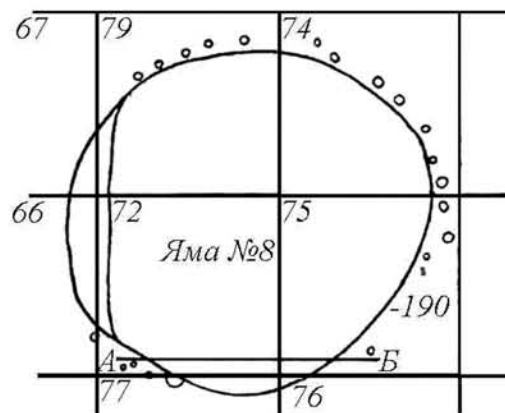
Рис. 14. Реконструкция сооружений Важнангерского (Малосундырского) городища. А – жилая постройка (раскоп 2004 г.), Б – погреб (раскоп 1964 г. яма 8).

20 0 20 40 см

План и сечение ямы №8 1958 г.

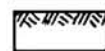
- дерн

- культурный слой
(серая супесь)

- уголь

- материк

- контуры ямы

-190 - глубина от линии
нивелира (0)

- черный гуммированный
суглинок

- уголь

- светло-коричневый суглинок
с включениями угля
и красной глины

- серый суглинок
с включениями угля

Рис.15. Важнангерское (Малосундырское) городище. Яма №1 (2002 г.),
яма № 8 (1958 г., по Хлебникова Т.А., 1967).
Селище Красное Селище. Яма №23 (1997 г.).

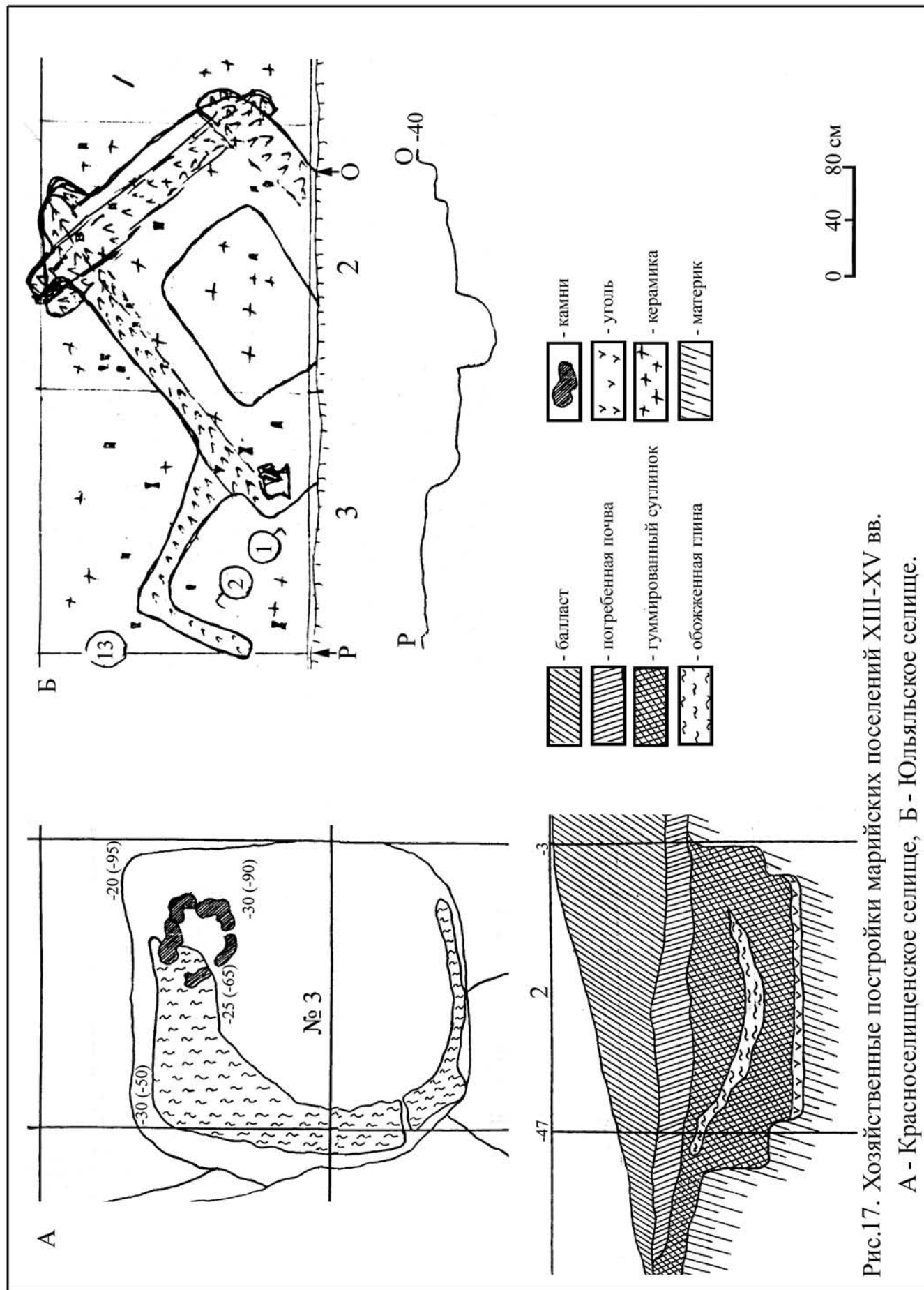

Рис.17. Хозяйственные постройки марийских поселений XIII-XV вв.
А - Красноселищенское селище, Б - Юльальское селище.

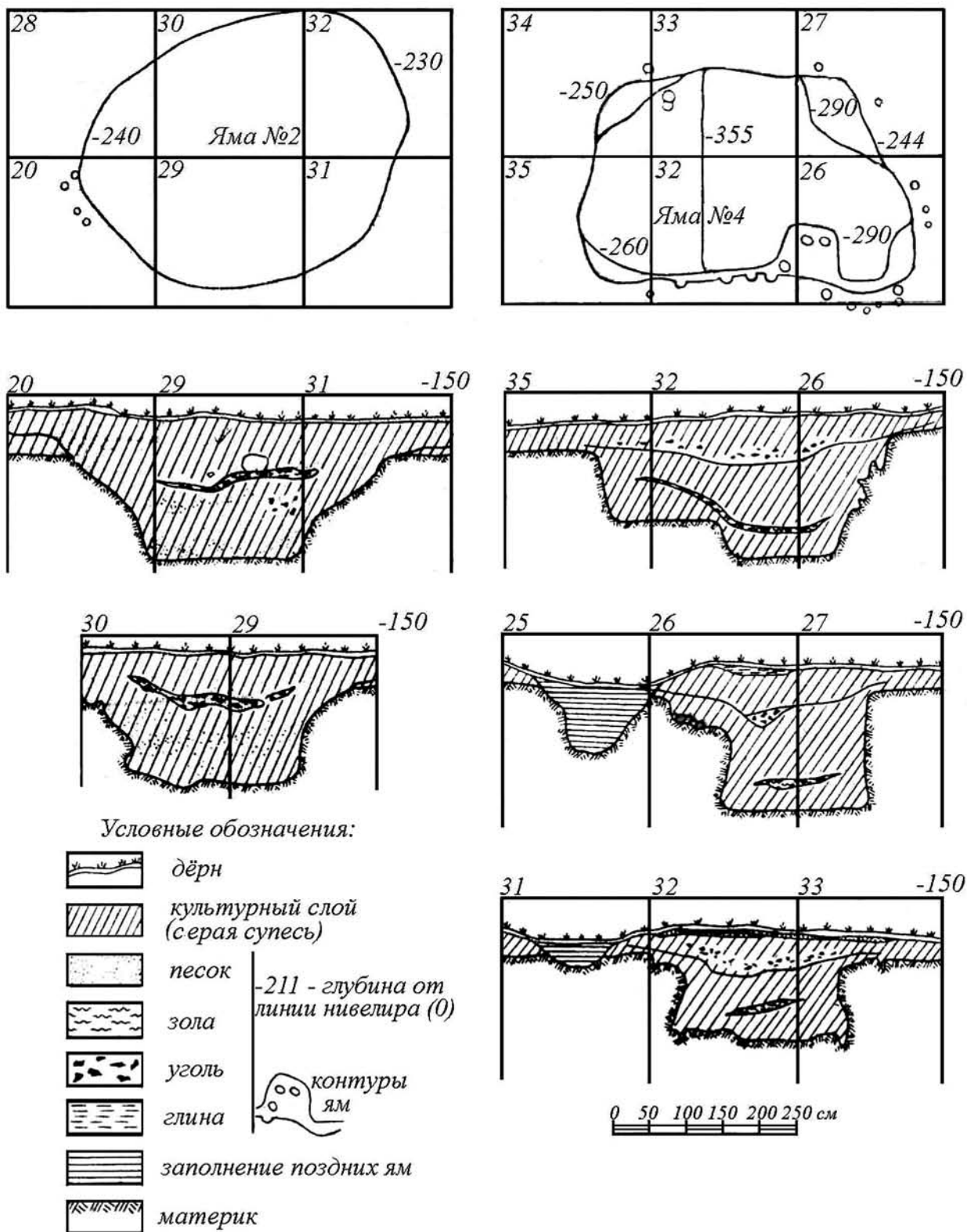

Рис.18. Важнангерское (Малосундырское) городище. Яма № 2 (1958 г.),
яма № 4 (1964 г.). (по Хлебникова Т.А., 1967).

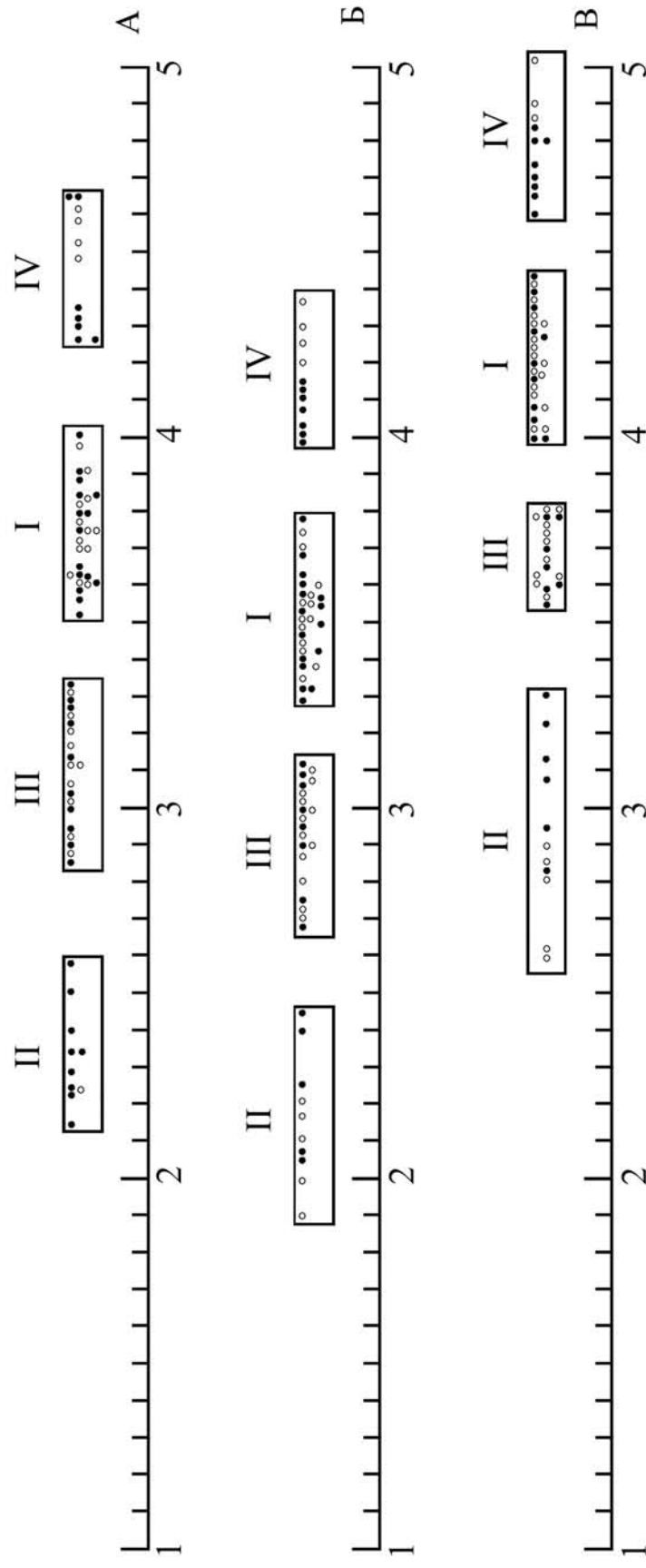

Рис. 20. Графики ранжира. А - соотношение Д1:Н2, Б - соотношение Д2:Н2, В - соотношение Д3:Н2.

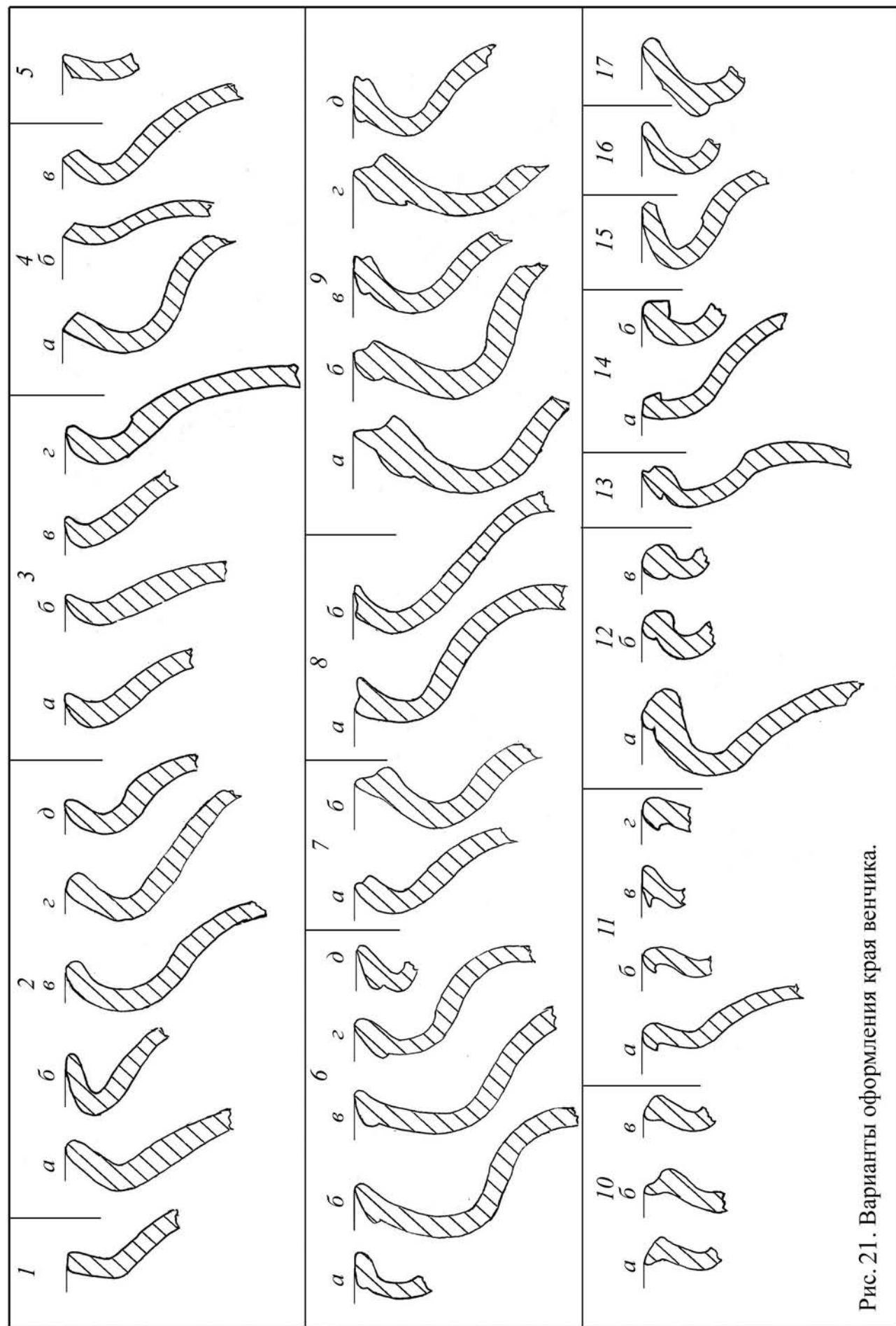

Рис. 21. Варианты оформления края венчика.

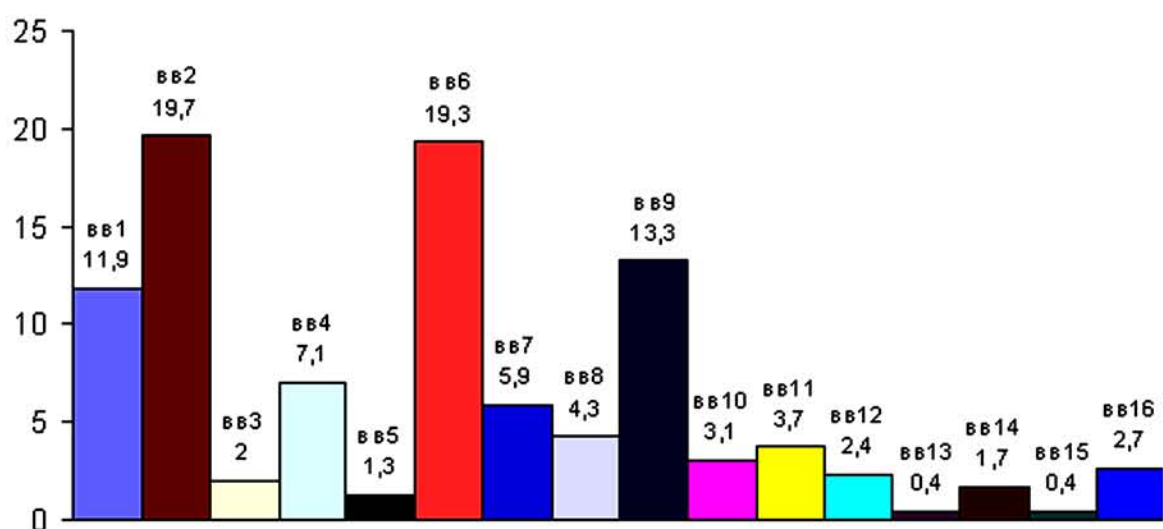

Рис. 22. Распределение вариантов оформления края венчика в посуде Важнангерского (Малосундырского) городища.
в числителе - вариант венчика,
в знаменателе - числовой показатель в процентах.

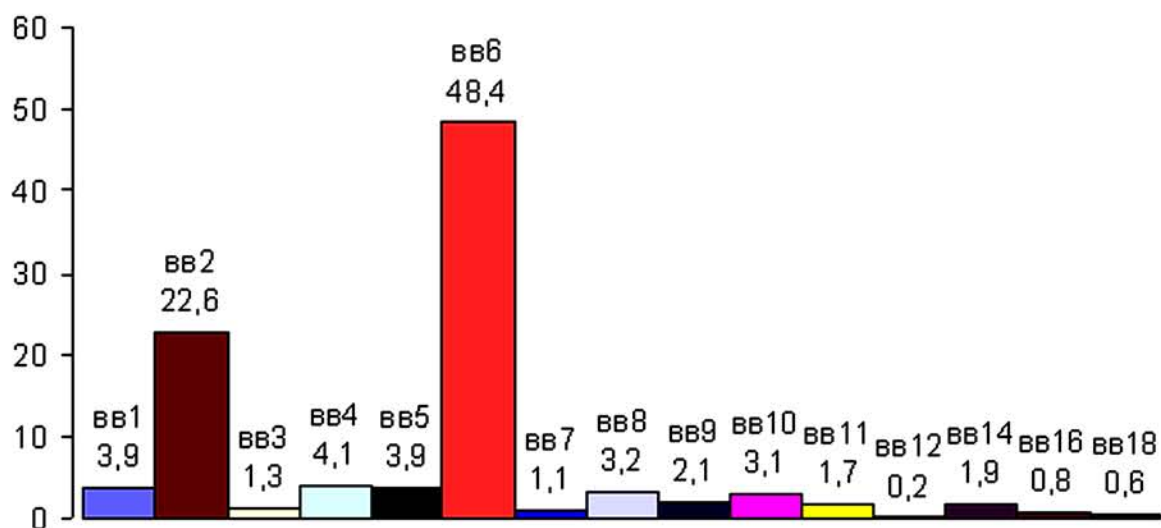

Рис. 23. Распределение вариантов оформления края венчика в посуде селища Красное Селище II.
в числителе - вариант венчика,
в знаменателе - числовой показатель в процентах.

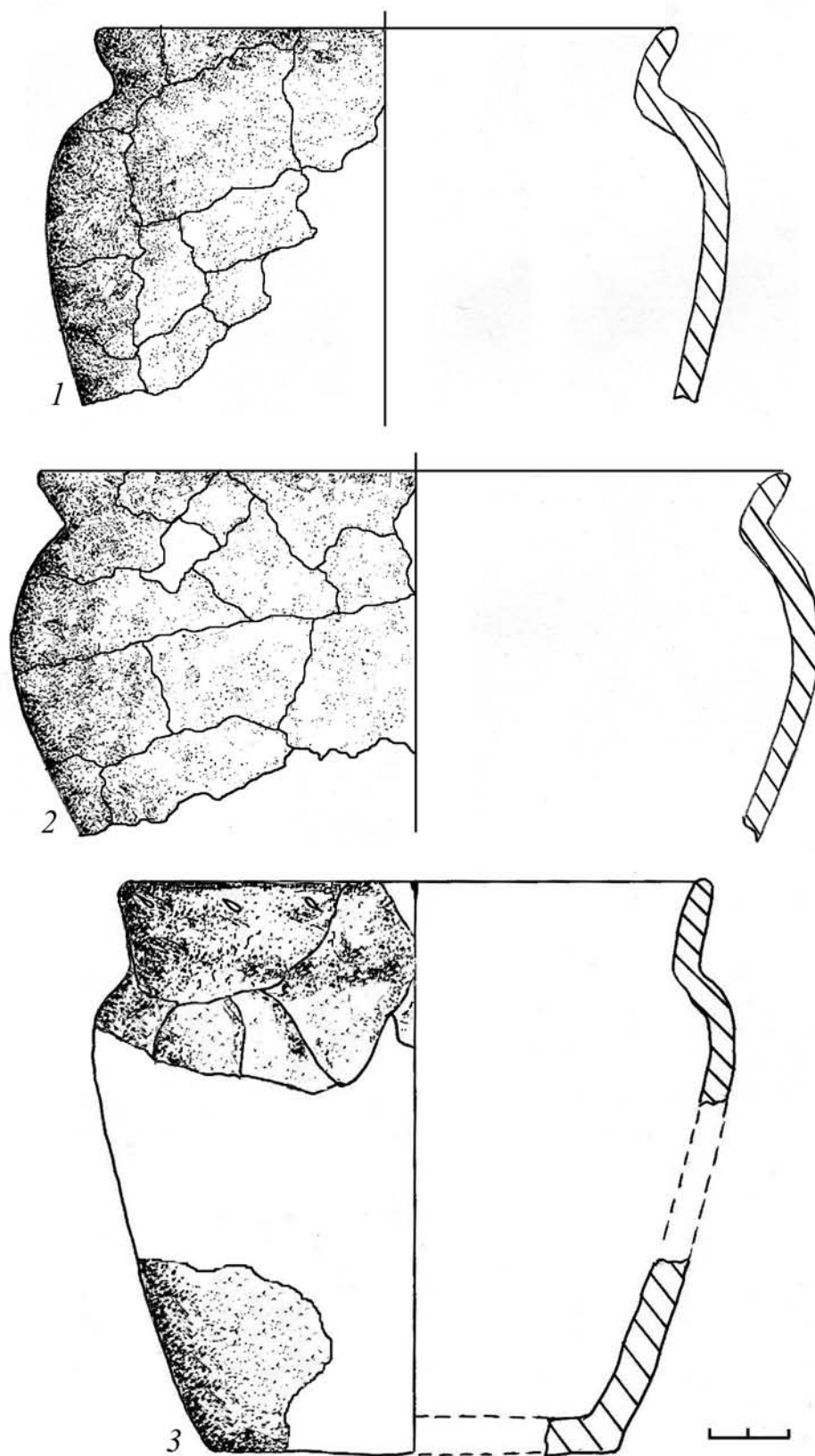

Рис. 24. Лепная керамика Важнангерского (Малосундырского) городища.
Тип I.

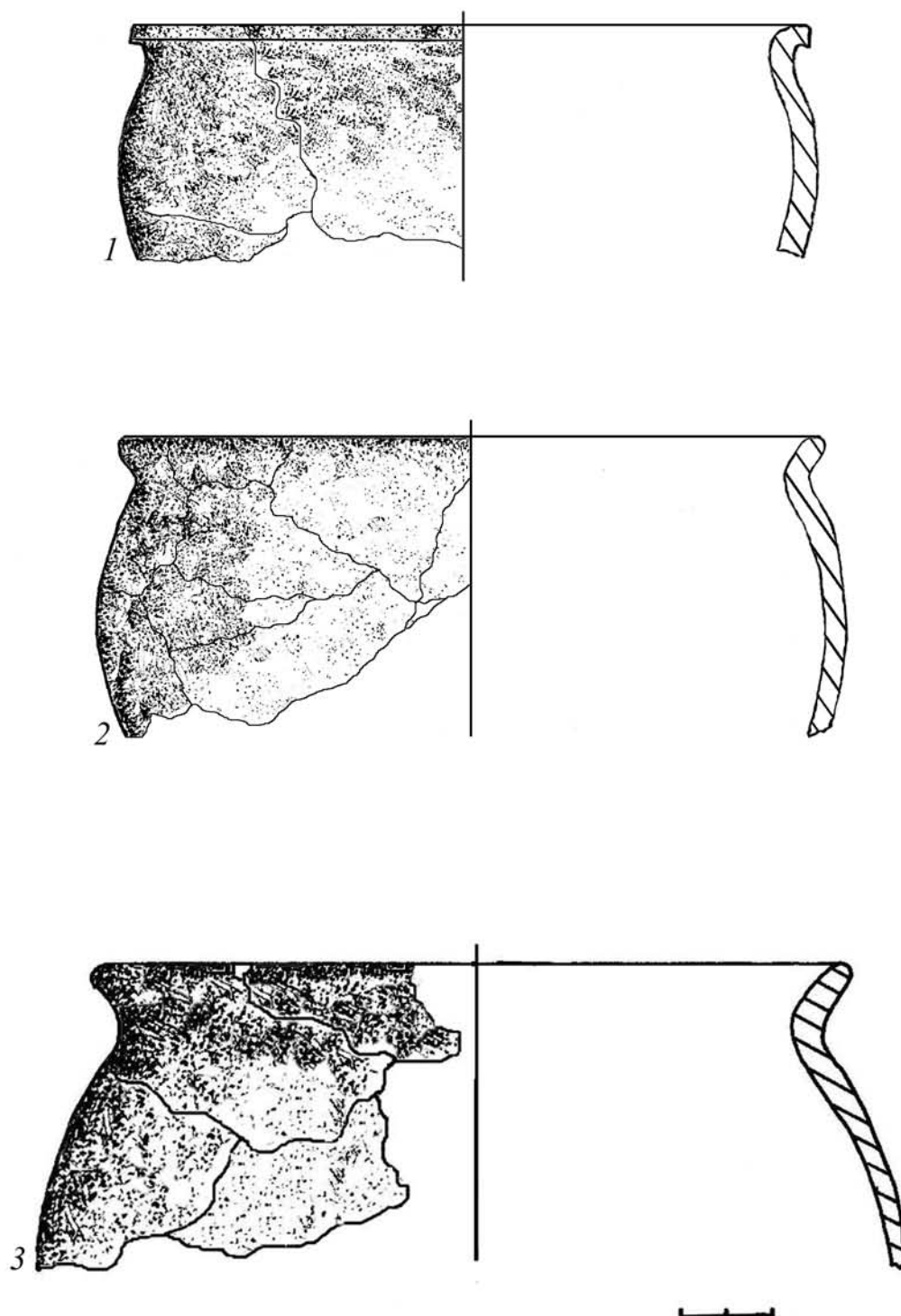

Рис. 25. Лепная керамика Важнангерского (Малосундырского) городища.
Тип II.

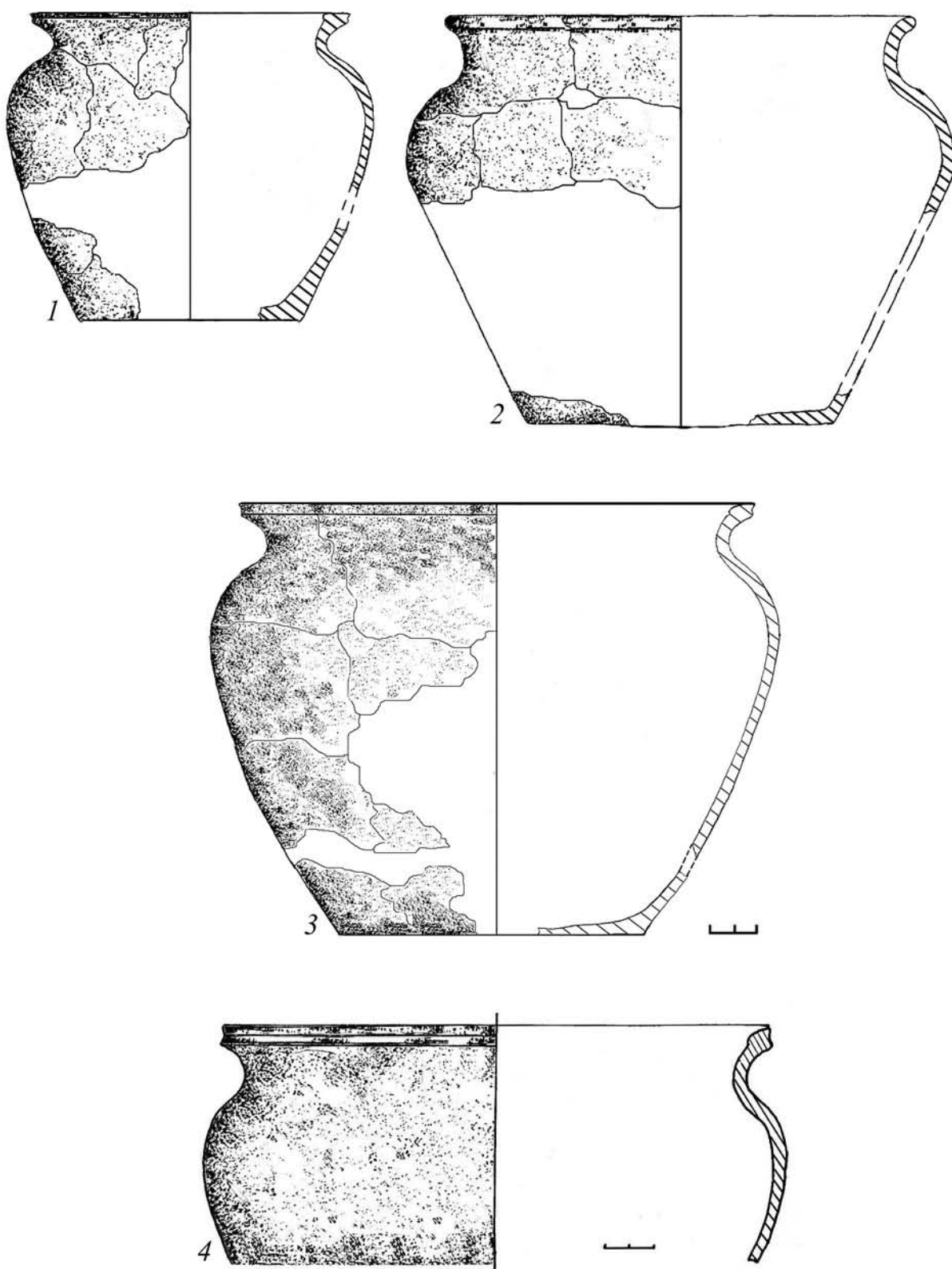

Рис.26.Круговая керамика Важнангерского (Малосундырского) городища.
Тип I, подтип 1.

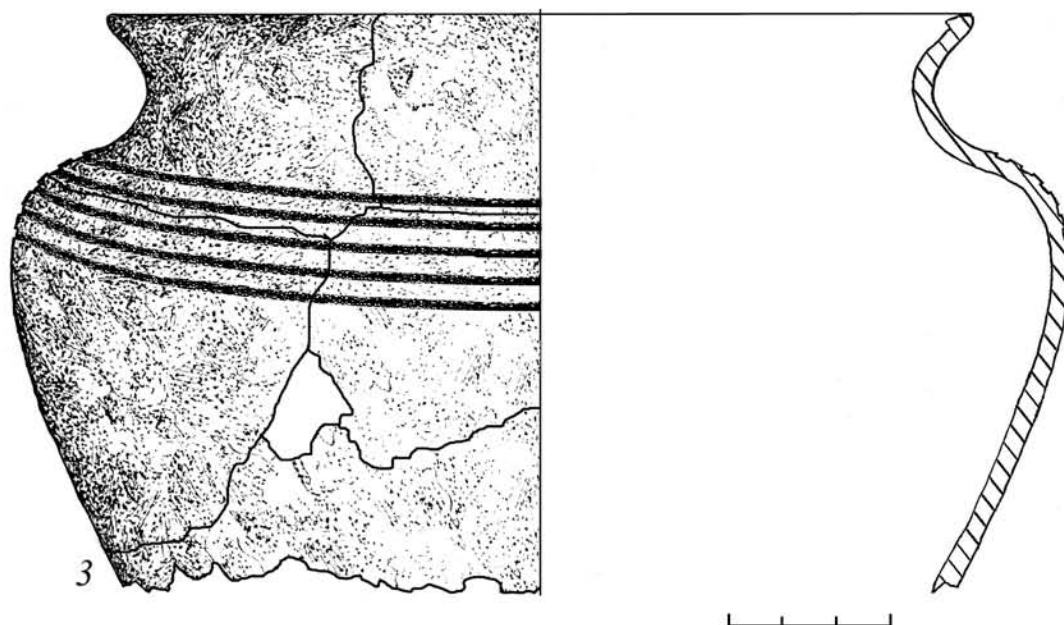
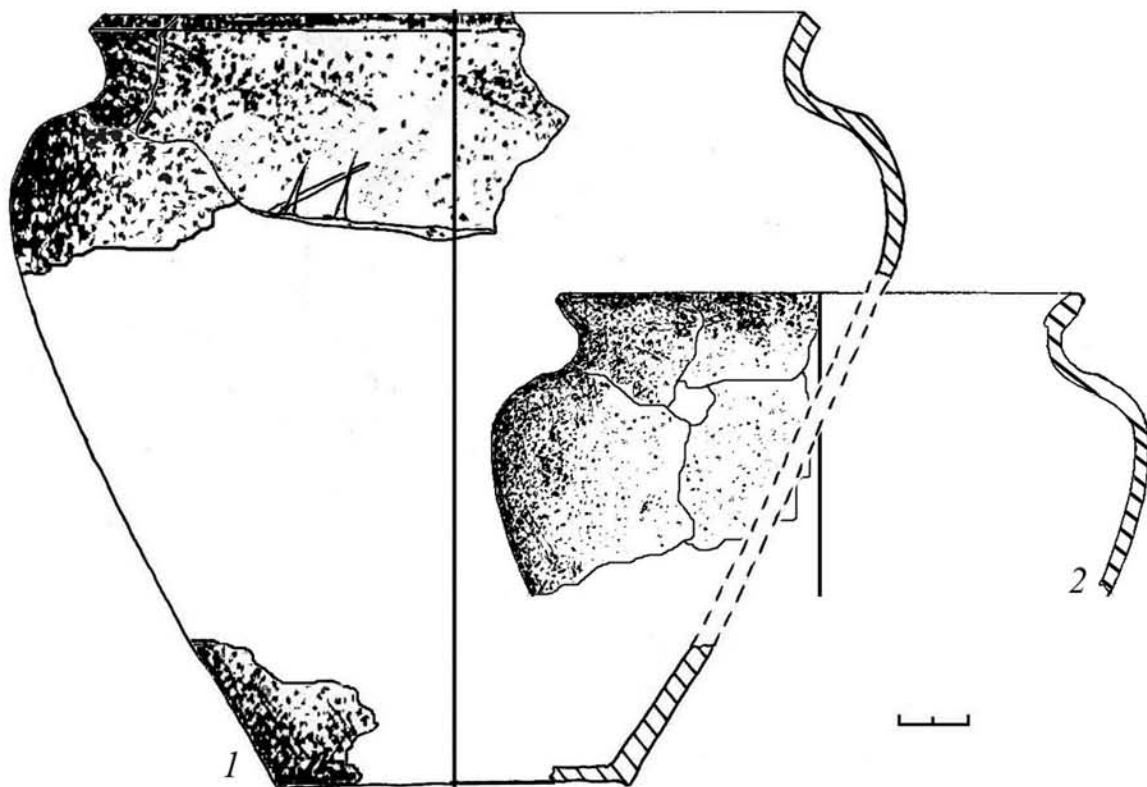

Рис. 27. Круговая керамика Важнангерского (Малосундырского) городища.
Тип I, подтип 2.

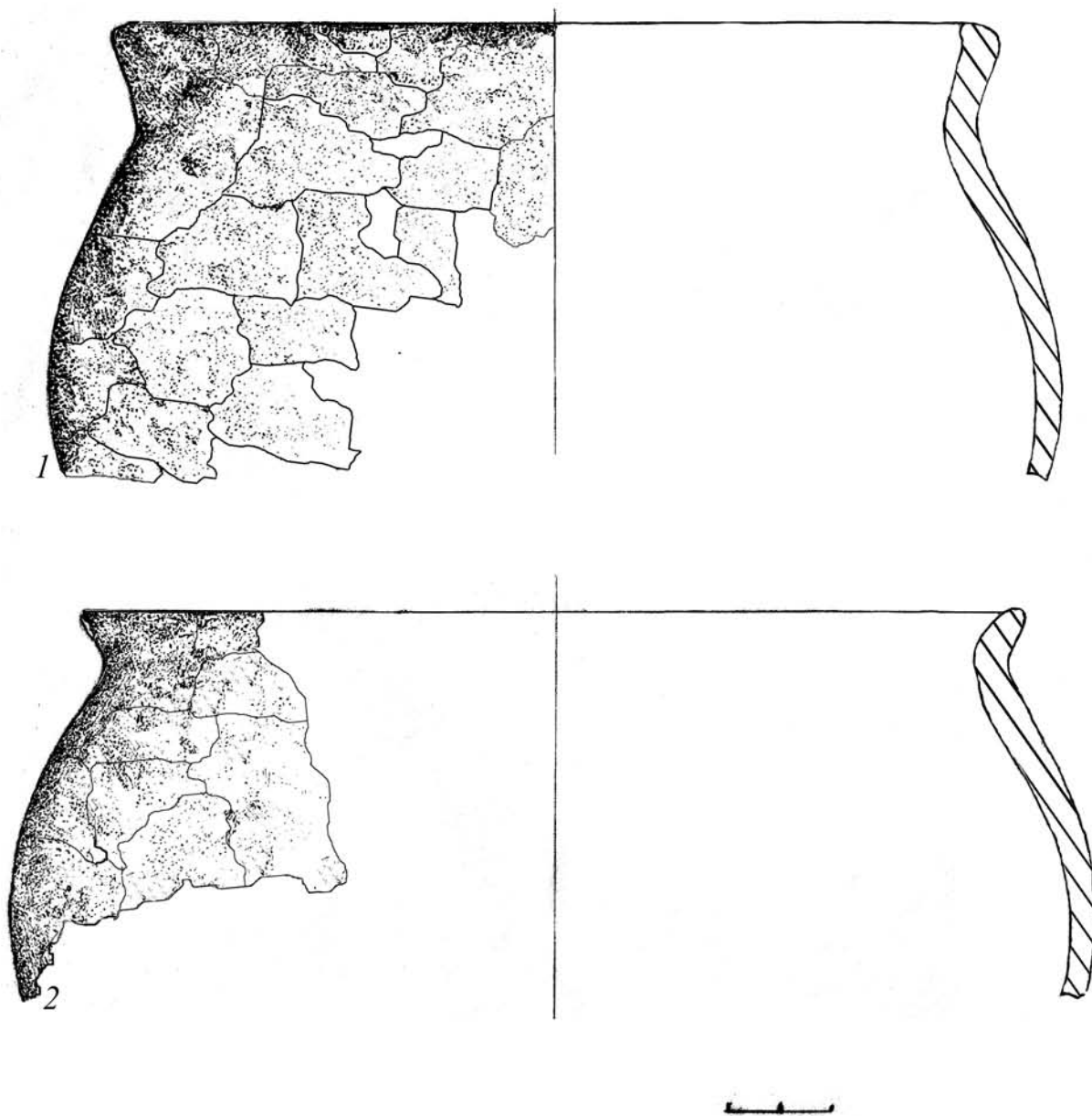

Рис. 28. Круговая керамика Важнангерского (Малосундырского) городища.
Тип II.

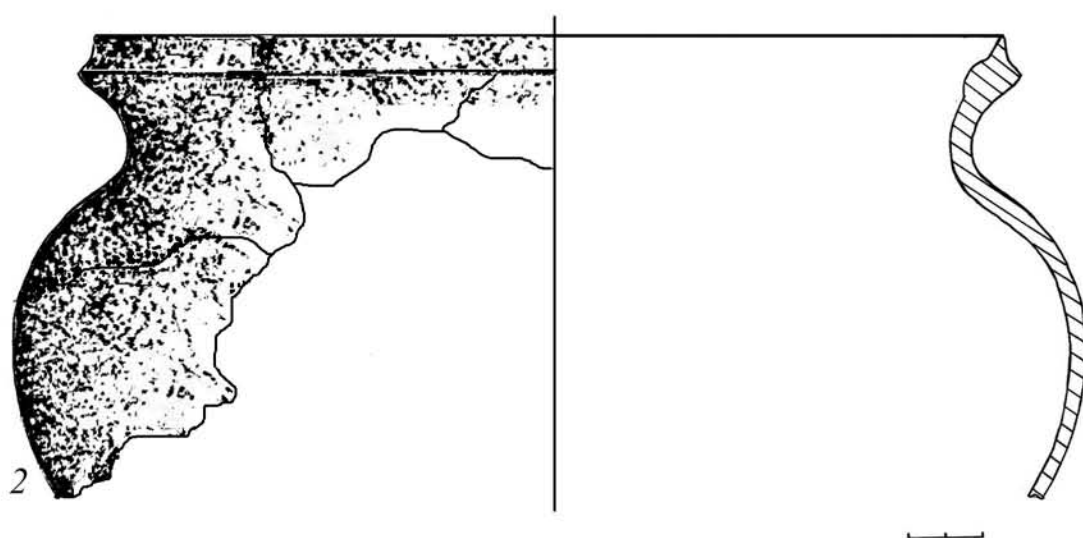
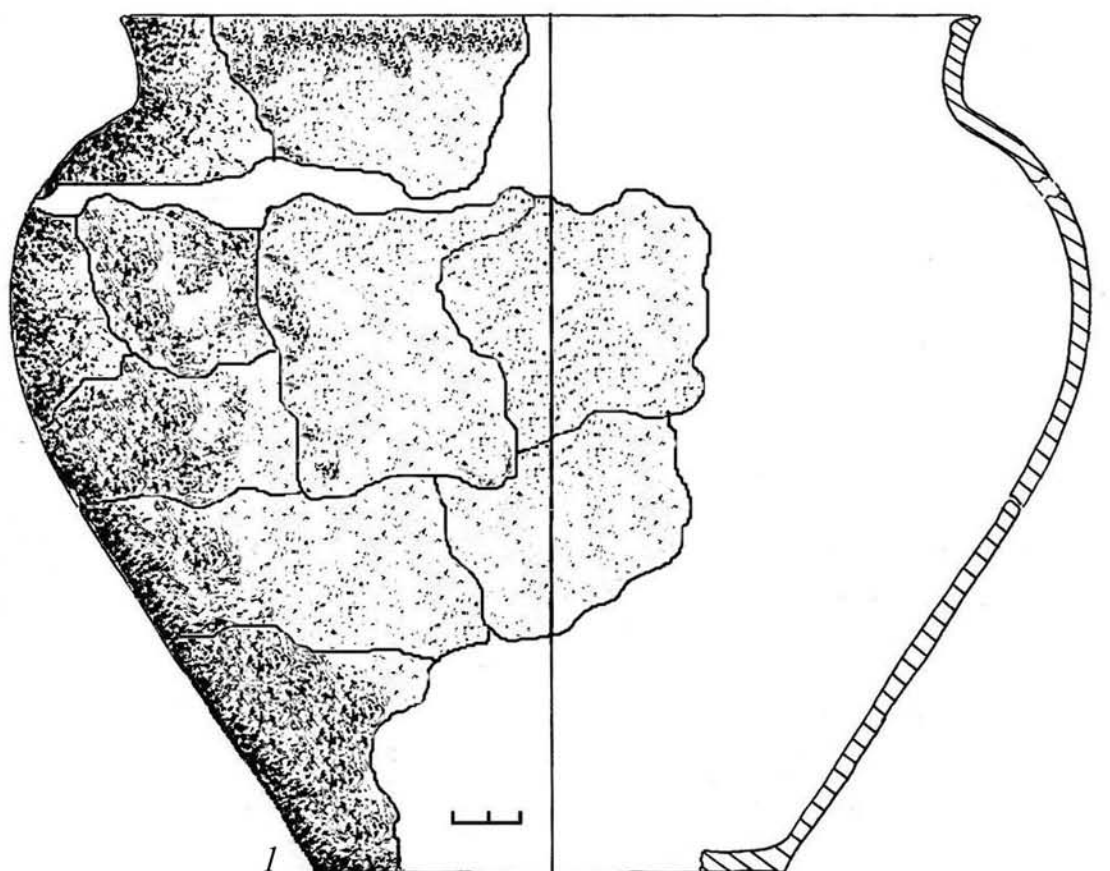

Рис. 29. Круговая керамика Важнангерского (Малосундырского) городища.
Тип III, подтип 1.

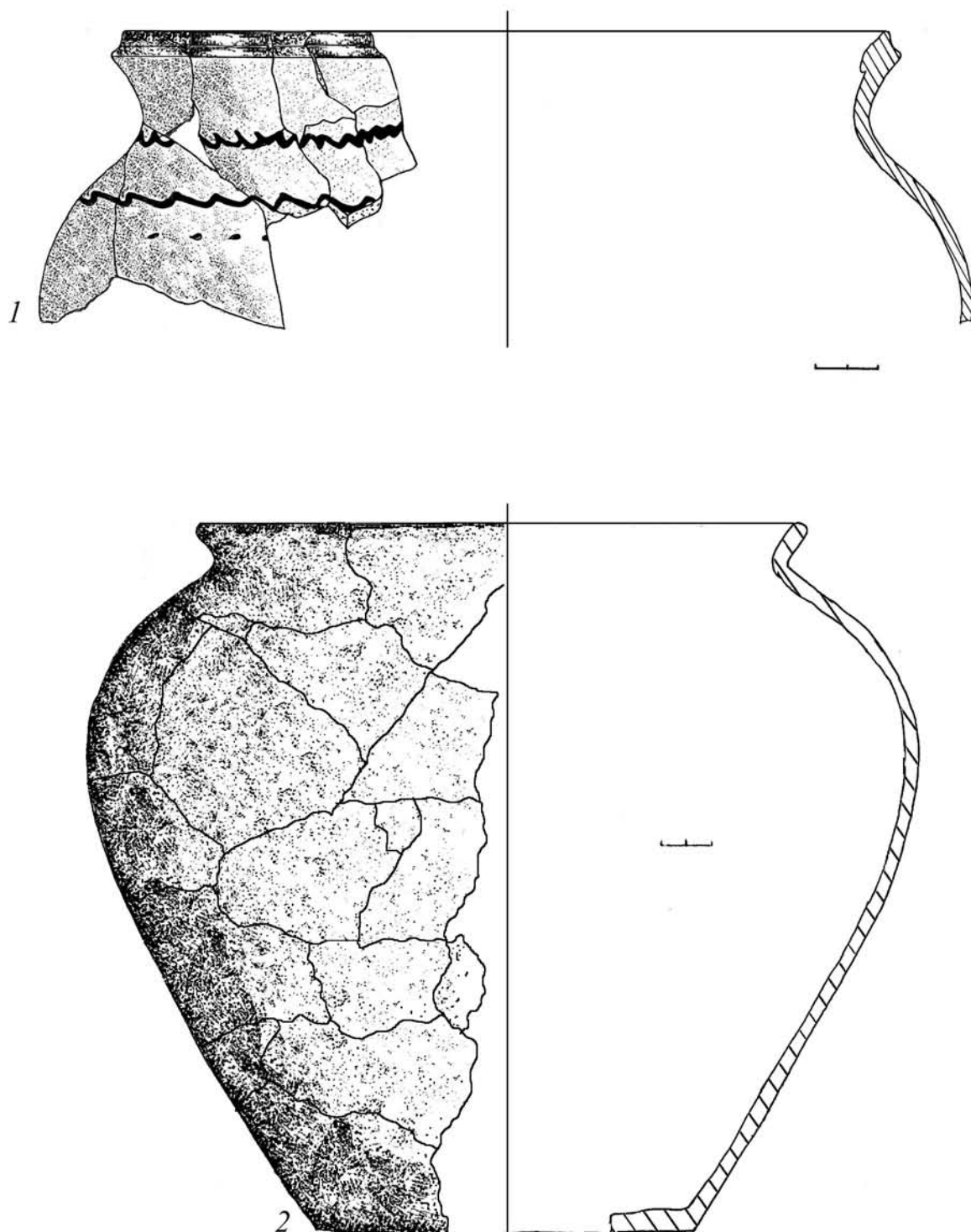

Рис.30.Круговая керамика Важнангерского (Малосундырского) городища.
Тип III, подтип 2.

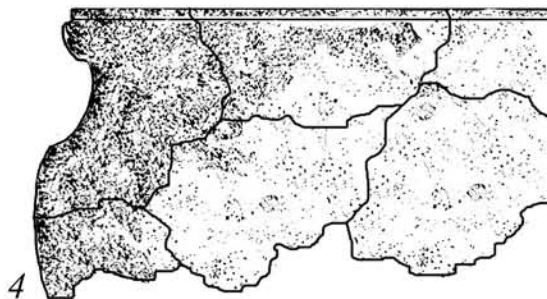
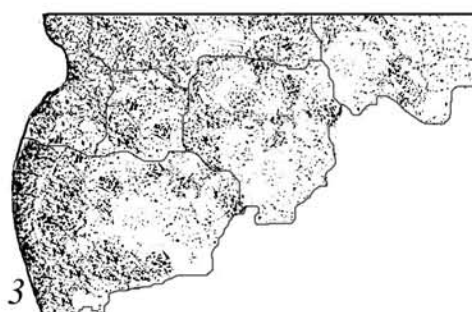
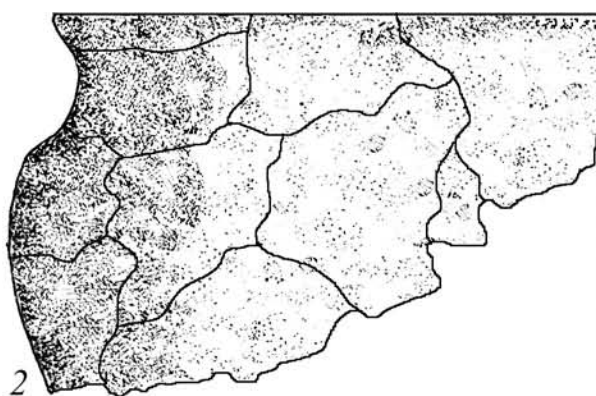
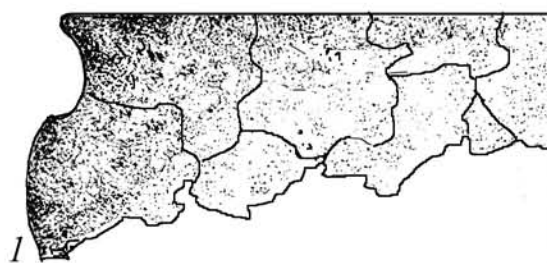
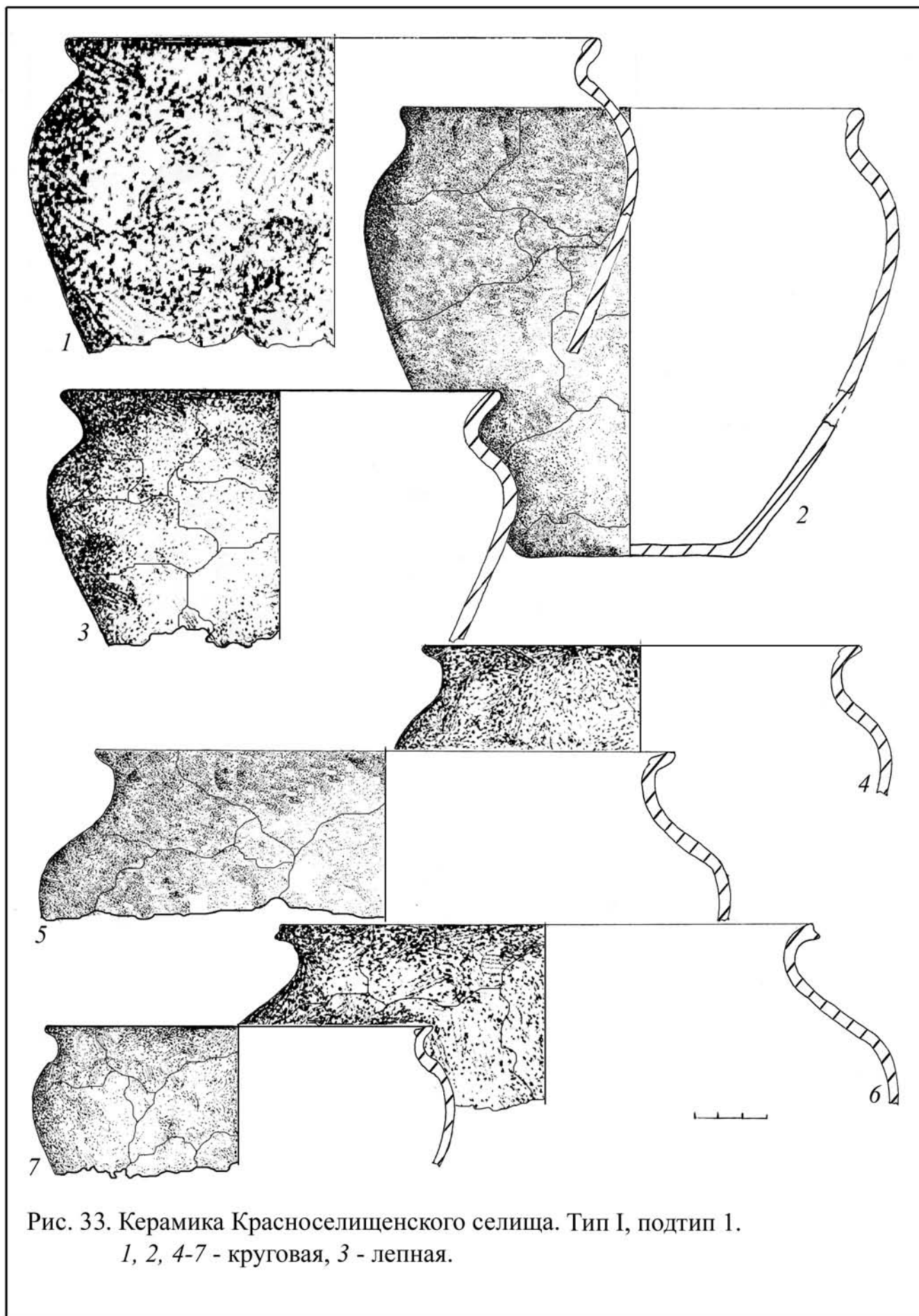
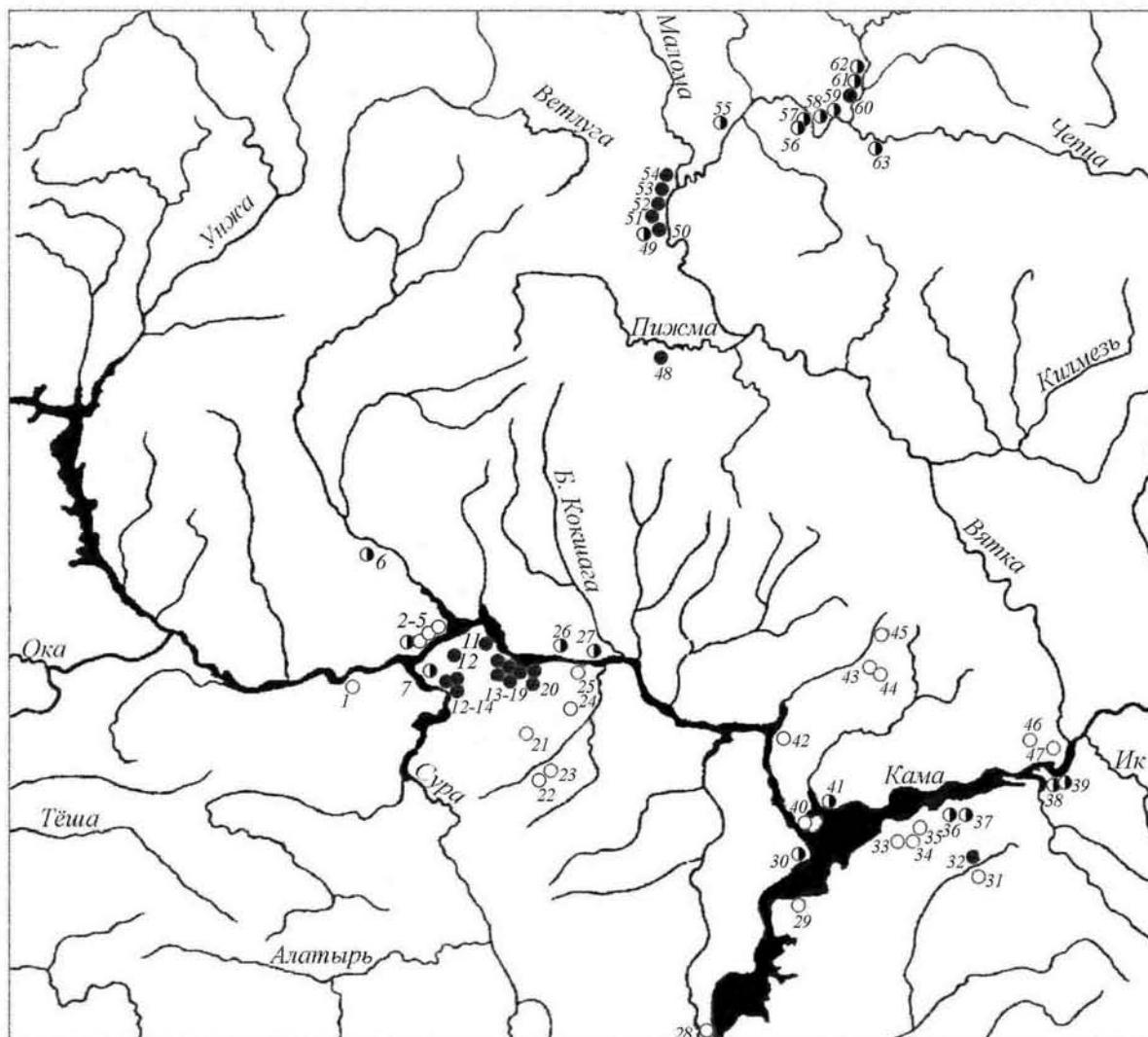

Рис.31.Круговая керамика.Тип IV.

○ - единичные находки; ◐ - до 20%; ● - более 20%.

Карта распространения «славяноидной» керамики: 1 - Оленья Гора у г. Лыскова, 2 - Горношумецкое г-ще, 3 - Сутырское II с-ще, 4 - Сутырское V с-ще, 5 - Сутырское XIV с-ще, 6 - Успенское г-ще, 7 - Васильсурское V г-ще «Репище», 8 - с-ще Красное селище II, 9 - с-ще Красное селище III, 10 - с-ще Красное селище IV, 11 - Сиухинское с-ще, 12 - с-ще Нижние Шелаболки, 13 - Носельское II с-ще, 14 - Носельское III с-ще, 15 - Ключевское с-ще, 16 - Важнянгерское с-ще, 17 - Важнянгерское (Мало-Сундырское) г-ще, 18 - Шартнейское с-ще, 19 - Юльясское с-ще, 20 - Сауткинское с-ще, 21 - Таутовское с-ще, 22 - Янмурзинское с-ще, 23 - Челкасы с-ще, 24 - Больше-Янгильдинское с-ще, 25 - Чебоксары, 26 - Отарское с-ще, 27 - Уржумкинское II с-ще, 28 - Кайбельское с-ще, 29 - город Болгар, 30 - Сюевское с-ще, 31 - Билярское III с-ще, 32 - Батынгузское (Торешское) III с-ще, 33 - Красный Октябрь с-ще, 34 - Нижнемарьяновское с-ще, 35 - Первомайское с-ще, 36 - Дамба I с-ще, 37 - Дамба III с-ще, 38 - Джукетау г-ще, 39 - Донауровское III с-ще, 40 - Рождественское с-ще, 41 - Чакма (Ланшевское) с-ще, 42 - Казанский Кремль, 43 - Русско-Урматское с-ще, 44 - Камеевское г-ще, 45 - Бужинское с-ще, 46 - Чаллыинское г-ще, 47 - Кирменское городище, 48 - с-ще Покста II, 49 - Котельничское г-ще, 50 - Искра с-ще, 51 - Искра II с-ще, 52 - Ковровское г-ще, 53 - Шабалинское с-ще, 54 - Шабалинское г-ще, 55 - Орловское г-ще, 56 - г. Хлынов, 57 - Вятское г-ще, 58 - Никулицы, 59 - Никульнинское с-ще, 60 - Родионовское с-ще, 61 - Подчуршинское с-ще, 62 - Слободское г-ще, 63 - Кривоборское городище.

Рис. 34. Карта распространения «славяноидной» керамики (по Т.Б. Никитиной)

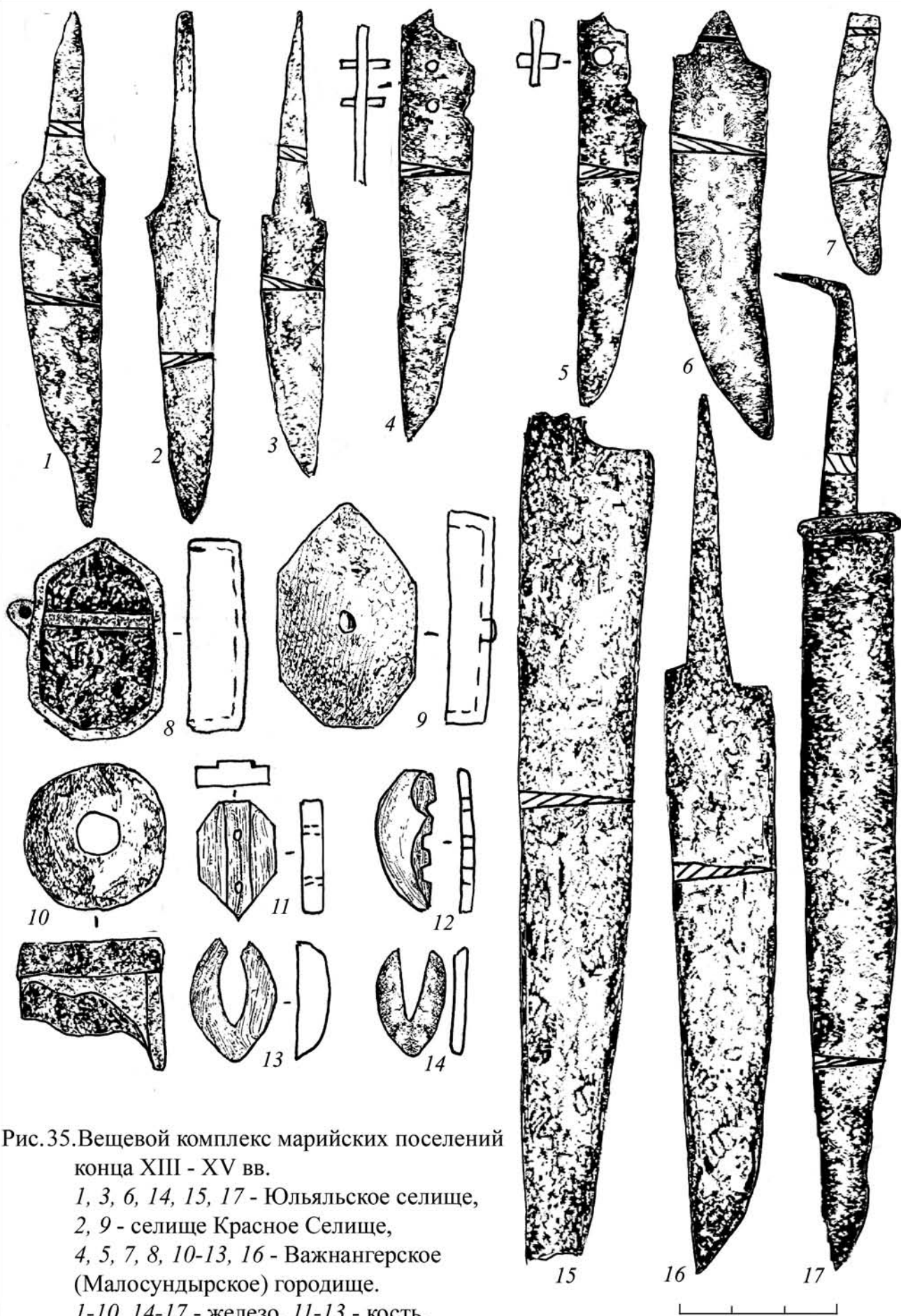

Рис. 35. Вещевой комплекс марийских поселений
конца XIII - XV вв.

1, 3, 6, 14, 15, 17 - Юльляльское селище,

2, 9 - селище Красное Селище,

4, 5, 7, 8, 10-13, 16 - Важнангерское
(Малосундырское) городище.

1-10, 14-17 - железо, 11-13 - кость.

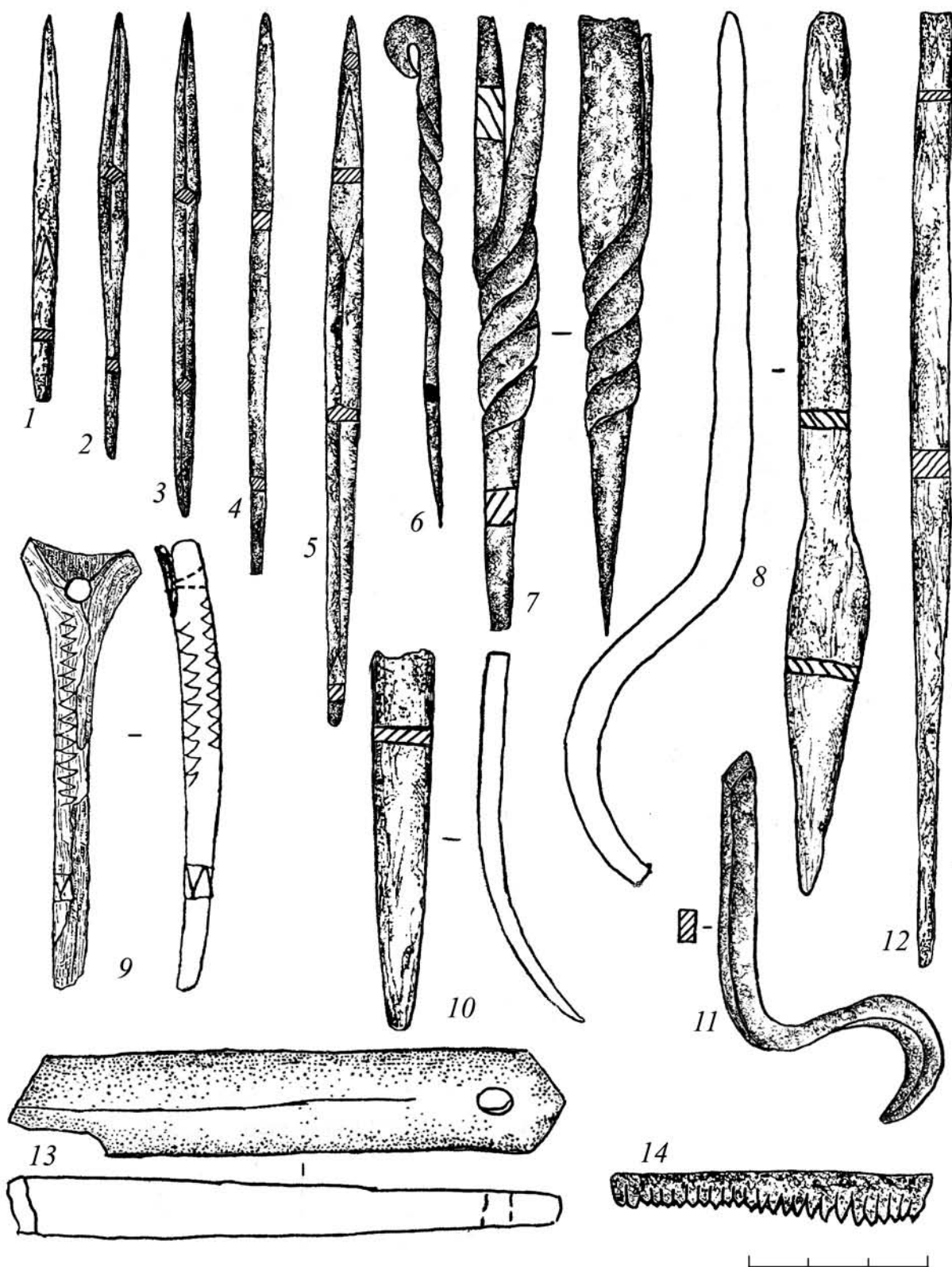

Рис. 36. Вещевой комплекс марийских поселений XIII-XV вв.

1-5, 10-12 - Важнангерское (Малосундырское) городище,
 6, 8, 9, 13, 14 - Красноселищенское селище, 7 - Юльяльская кузница.
 1-8, 10-12, 14 - железо, 9 - кость, 13 - камень.

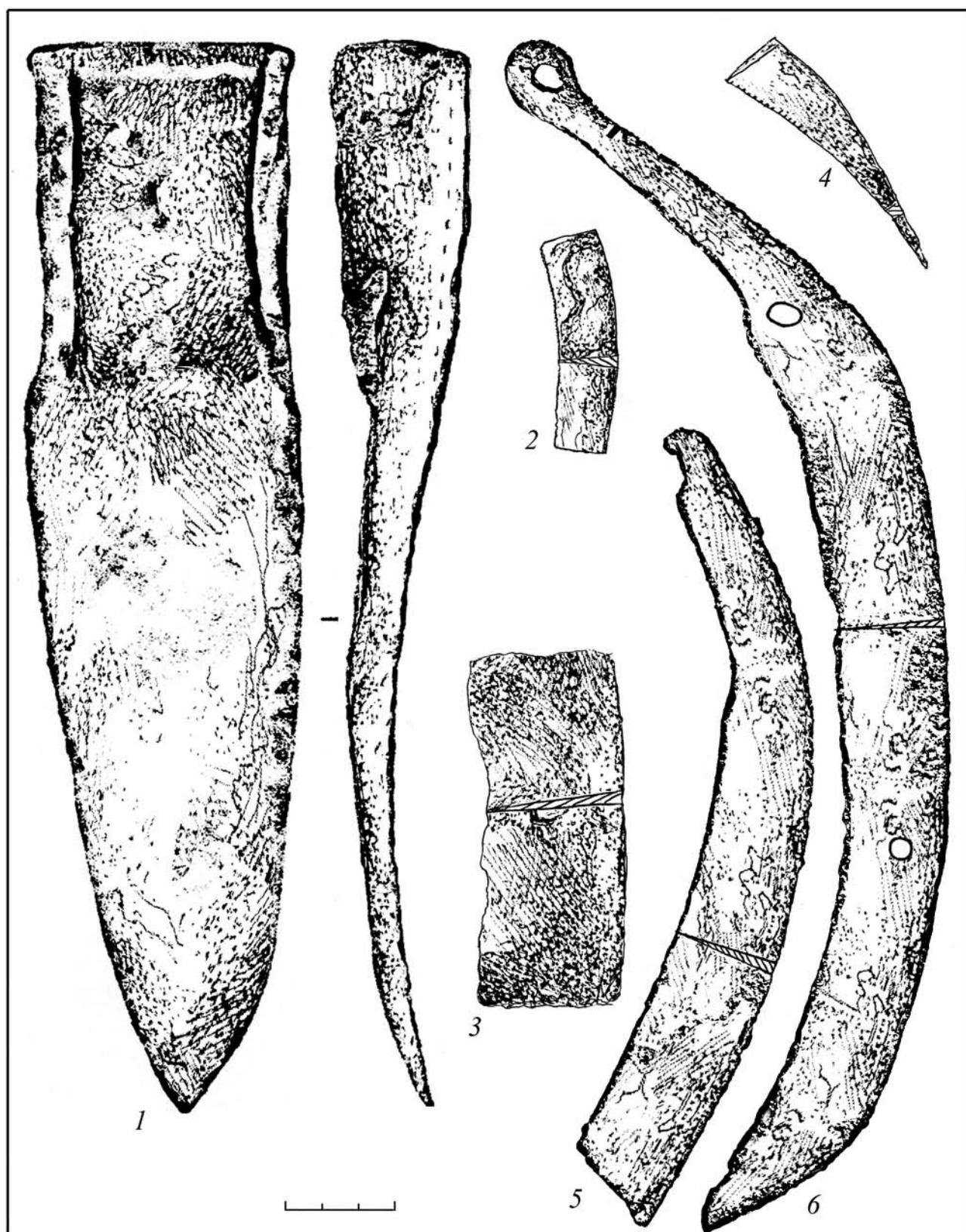

Рис. 37. Вещевой инвентарь марийских поселений XIII-XV вв.

1 - Носельское III селище, 2 - Юльяльское селище,
 3 - Юльяльская кузница, 4 - Горношумецкое селище,
 5, 6 - Важнангерское (Малосундырское) городище.
 1-6 - железо.

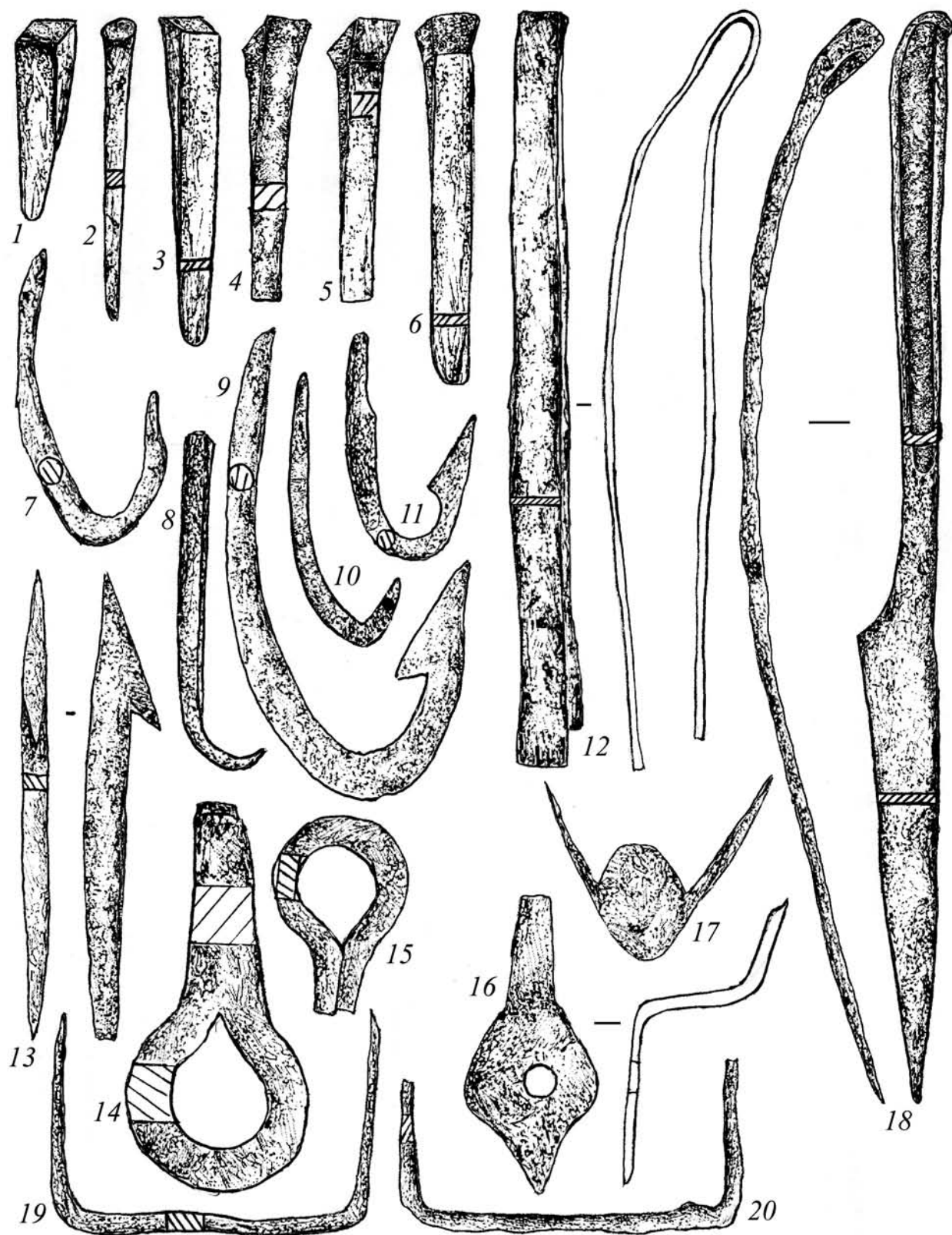

Рис. 38. Вещевой инвентарь марийских поселений XIII-XV вв.

1-6, 10 - Важнангерское (Малосундырское) городище, 7, 9, 11 - Красноселищенское селище, 8, 12, 18-20 - Юльяльское селище, 13 - Горношумецкое городище, 14-17 - Юльяльская кузница.

1-20 - железо.

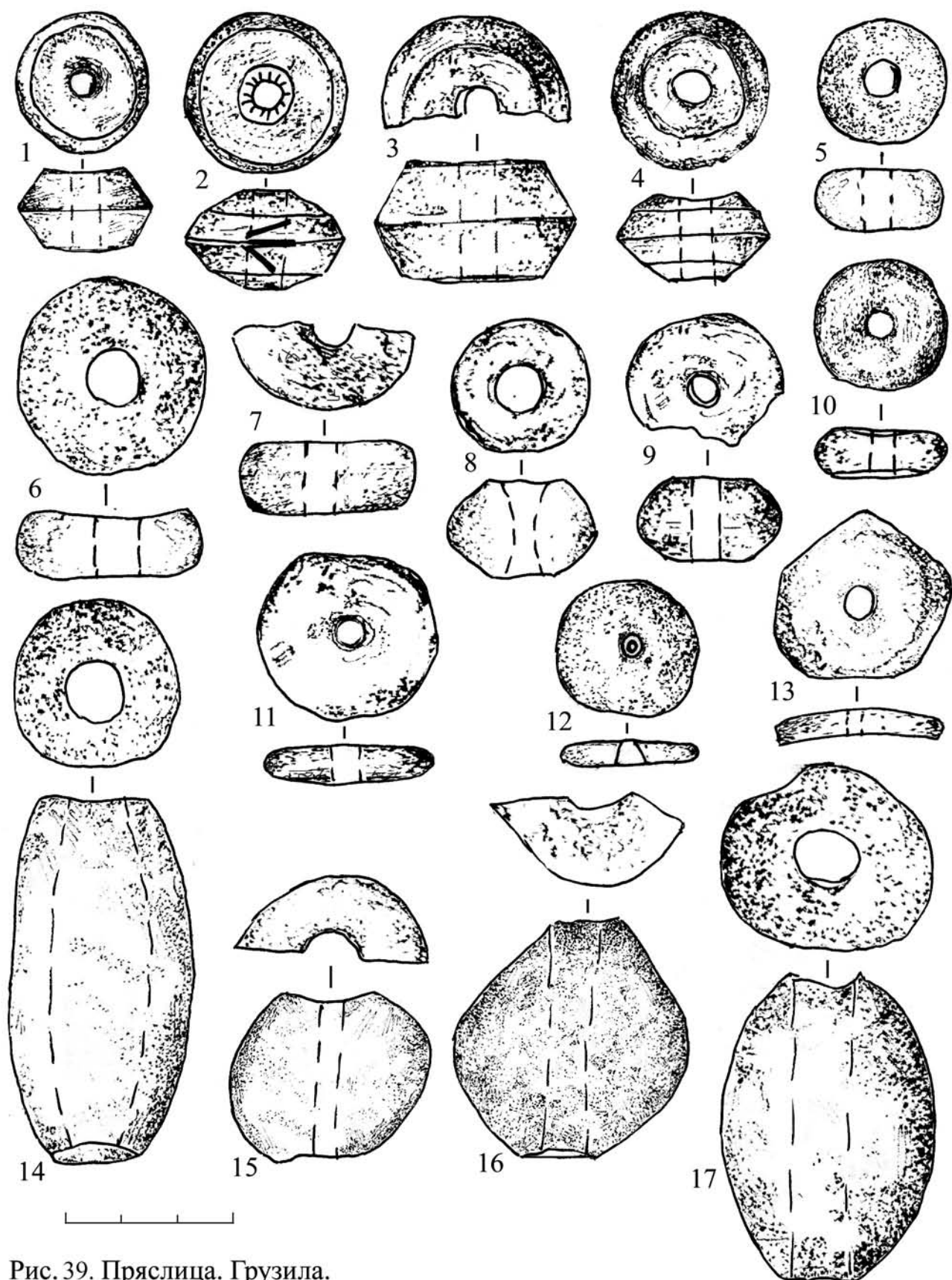

Рис. 39. Пряслица. Грузила.

1-3, 6-8, 10, 13, 16, 17 - Важнангерское (Малосундырское) городище,
4, 14, 15 - селище Красное Селище, 5, 9, 11, 12 - Юльяльское селище.

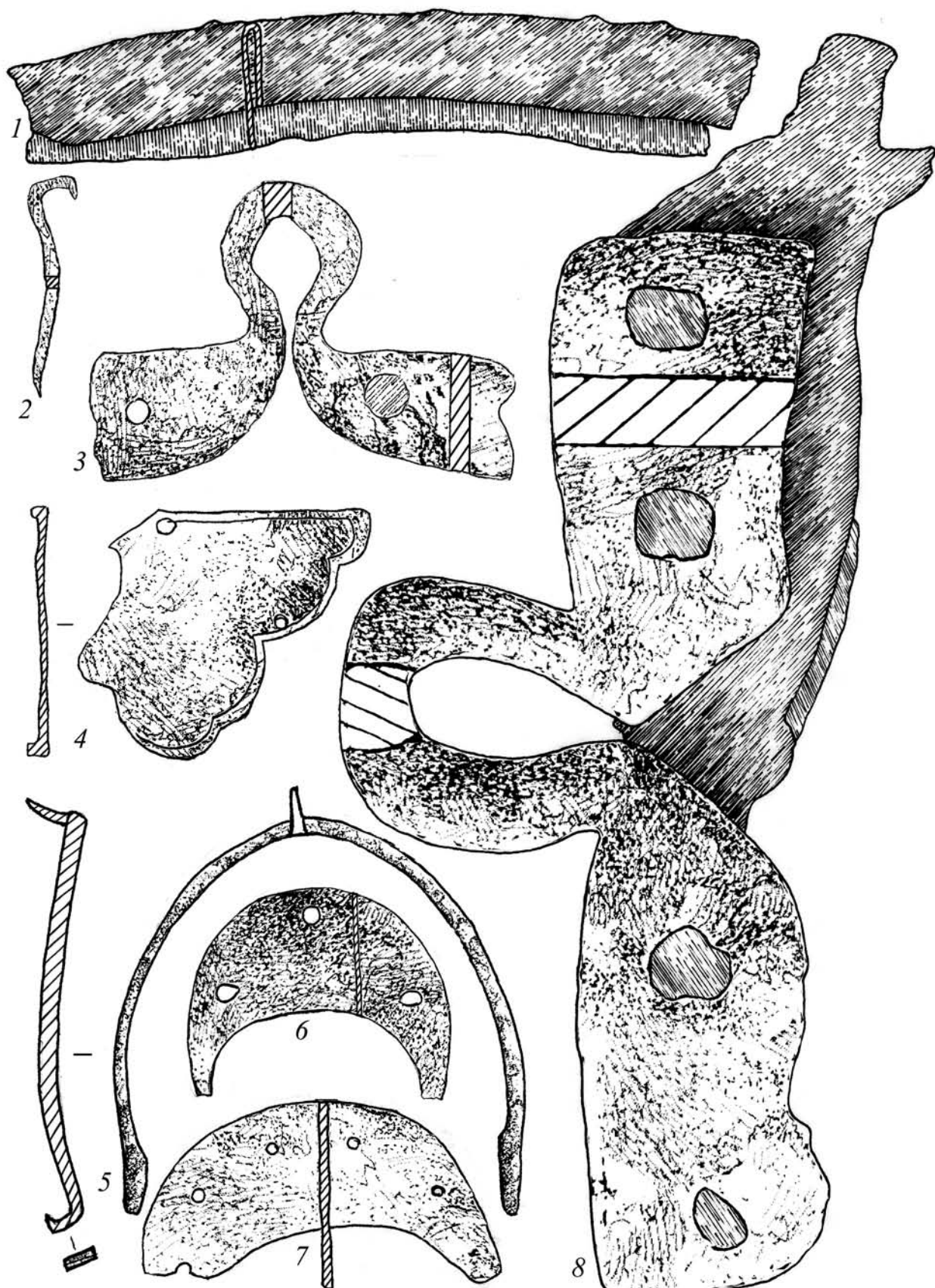

Рис. 40. Вещевой инвентарь марийских поселений XIII-XV вв.

1, 8 - Сауткинское селище, 2, 6 - Юльяльская кузница, 3, 5 - Юльяльское селище, 4 - Красноселищенское селище, 7 - Сиухинская кузница.

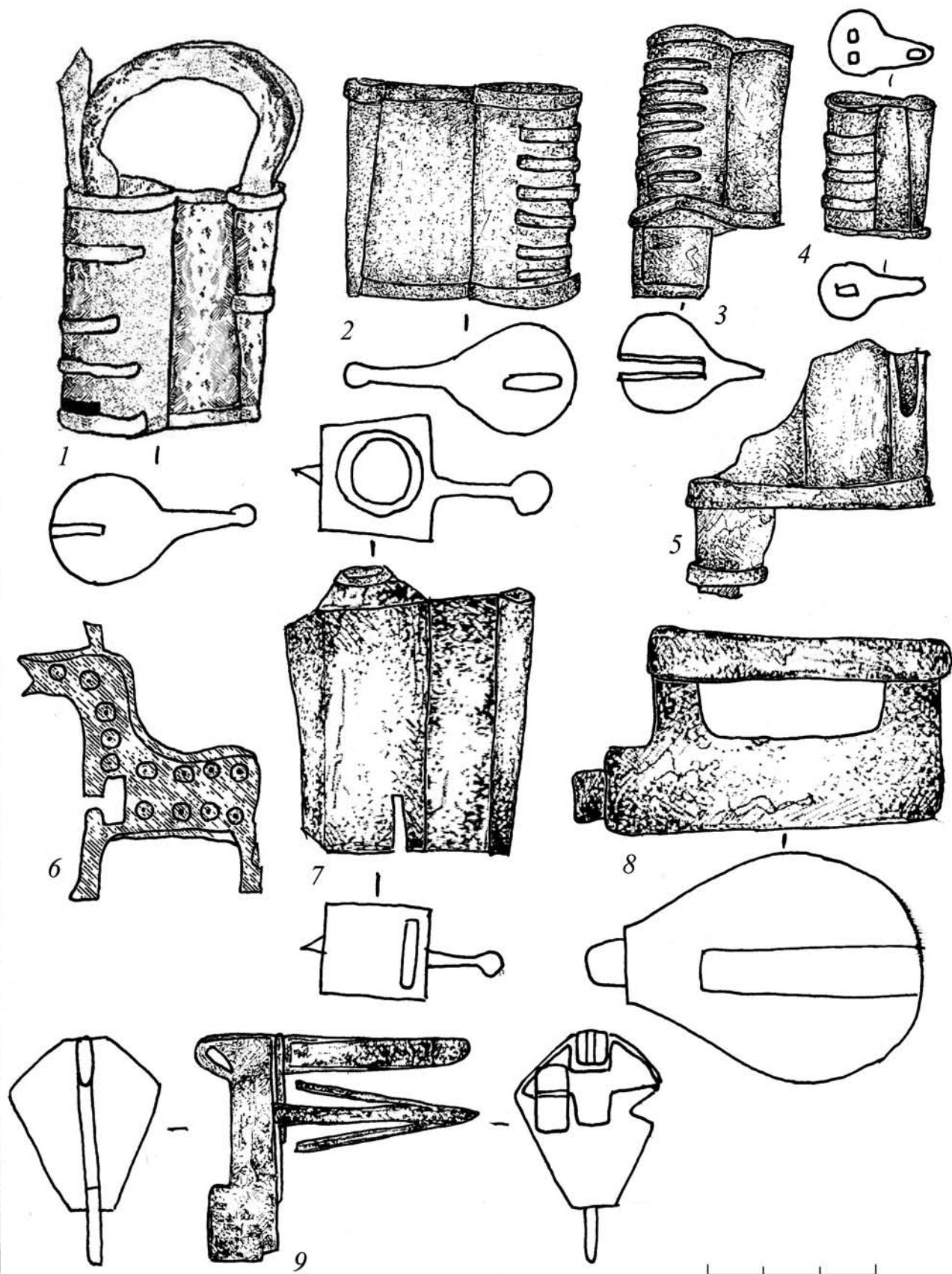

Рис. 41. Замки. 1, 3-7 - Важнангерское (Малосундырское) городище;
 2 - Юльяльское селище; 8 - селище Красное селище;
 9 - Юльяльская кузница.
 1-4, 5-9 - железо; 6 - бронза.

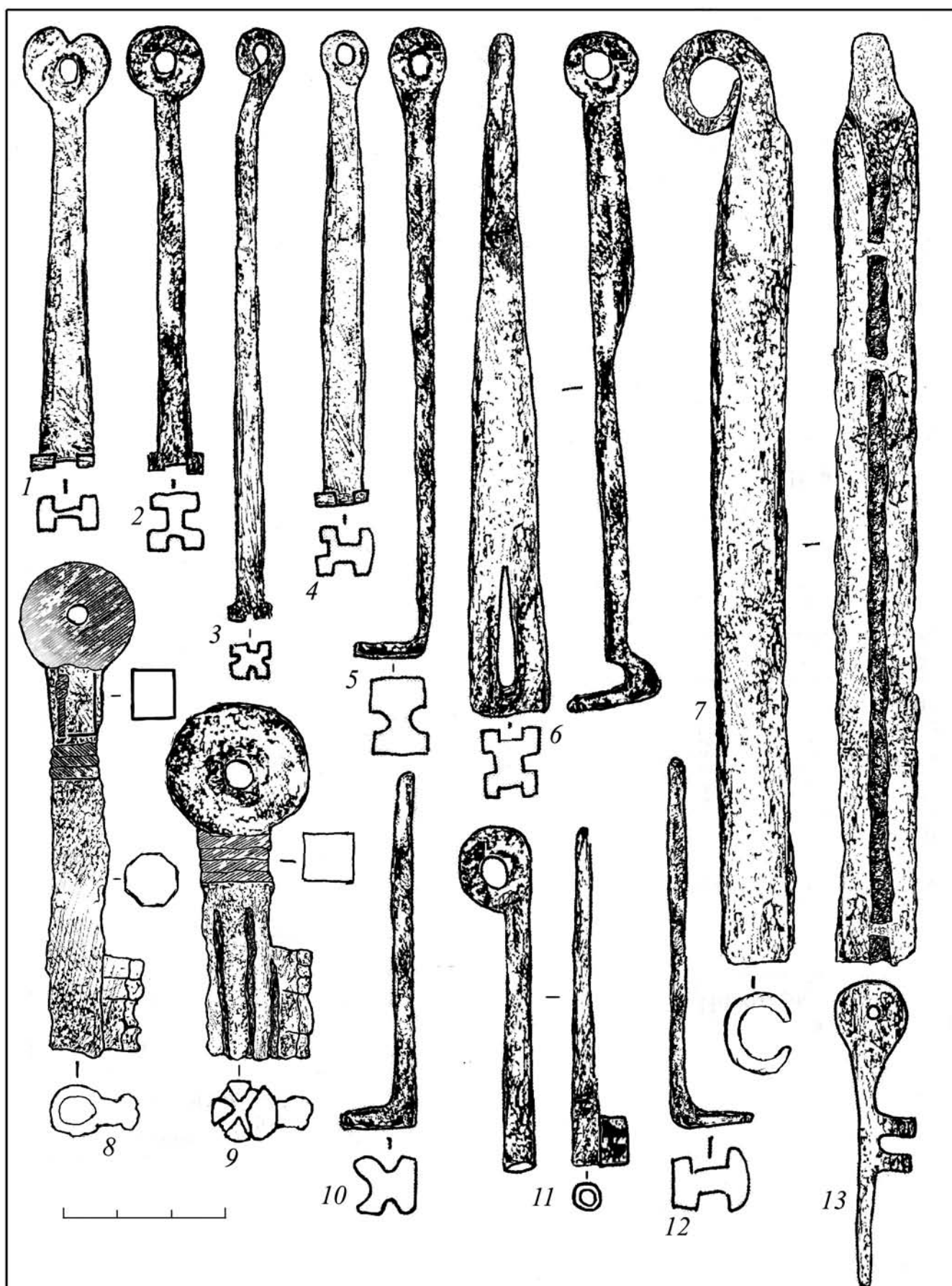

Рис. 42. Ключи. 1-3, 7-9, 11-13 - Важнангерское (Малосундырское) городище, 4-6, 10 - селище Красное Селище.

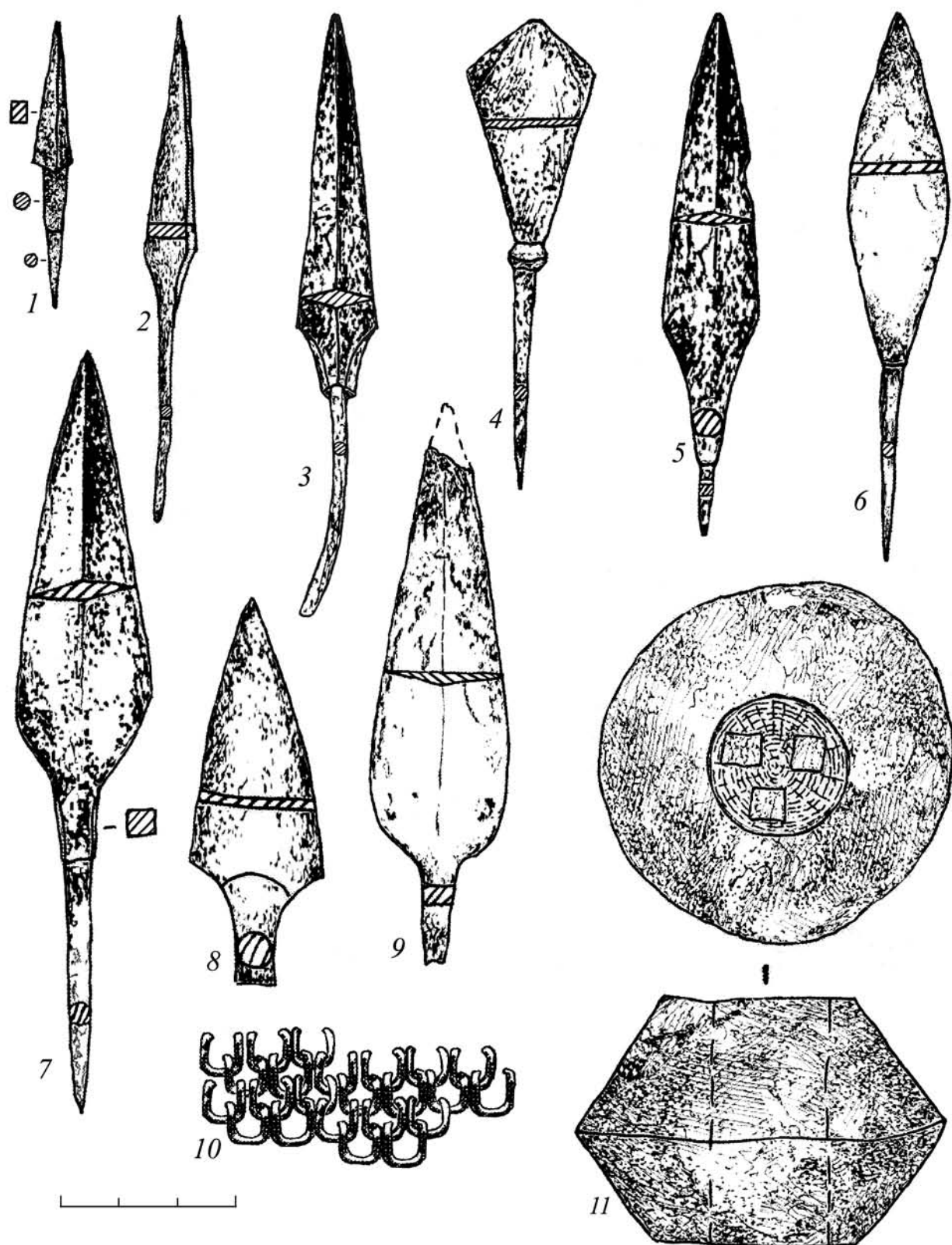

Рис. 43. Вооружение. 1-3, 6, 7, 10, 11 - Важнангерское (Малосундырское городище), 4, 5, 9 - Юльяльское селище, 8 - селище Красное Селище. 1-9 - наконечники стрел, 10 - фрагмент доспеха, 11 - булава.

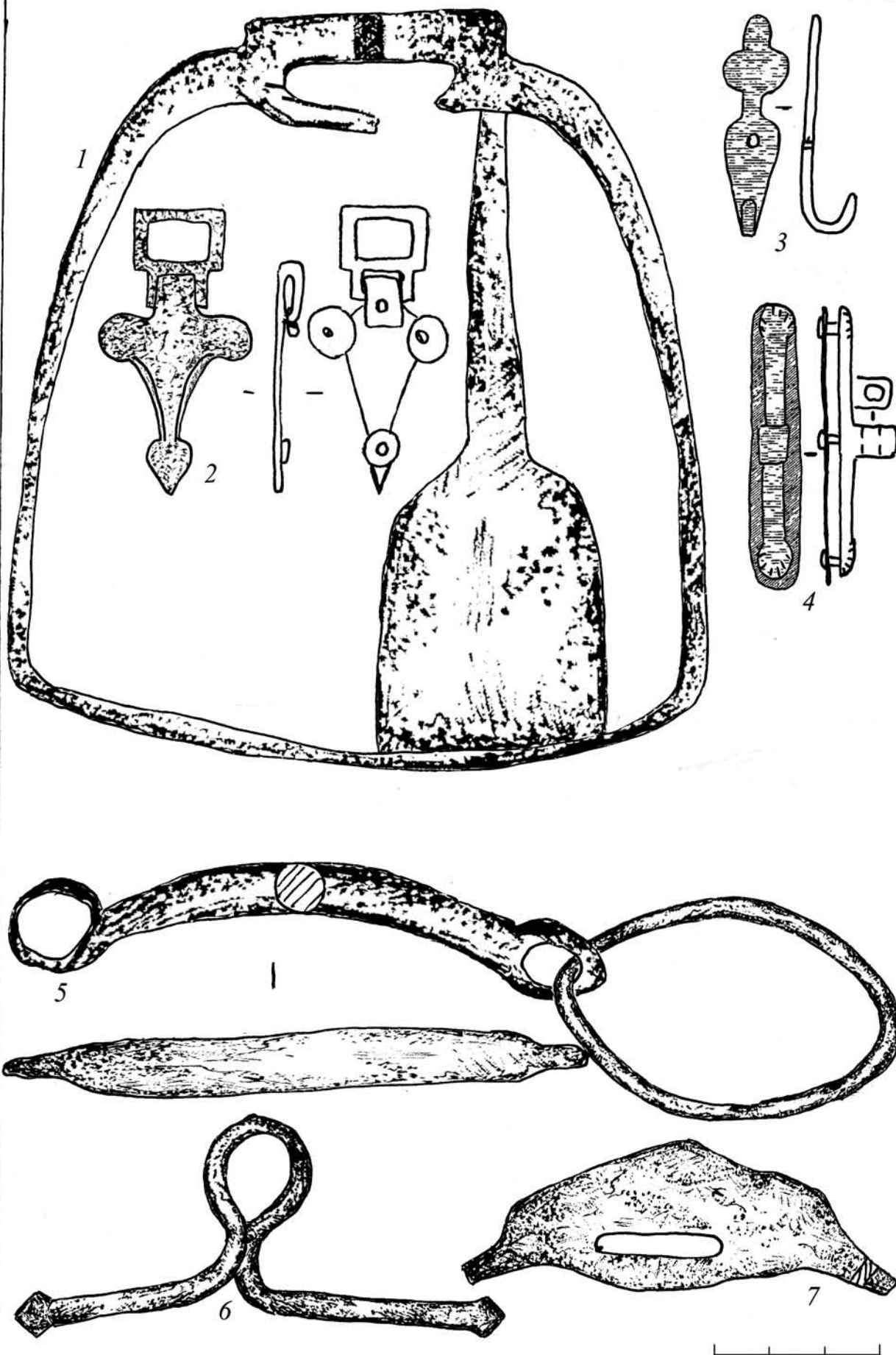

Рис. 44. Снаряжение коня. 1-4 - Важнангерское (Малосундырское) городище, 5, 6 - Юльяльское селище, 7 - Шартнейское селище.
1, 7 - стремя, 2-4 - накладки, 5 - удила, 6 - псалия.
1, 2, 5-7 - железо, 3, 4 - бронза.

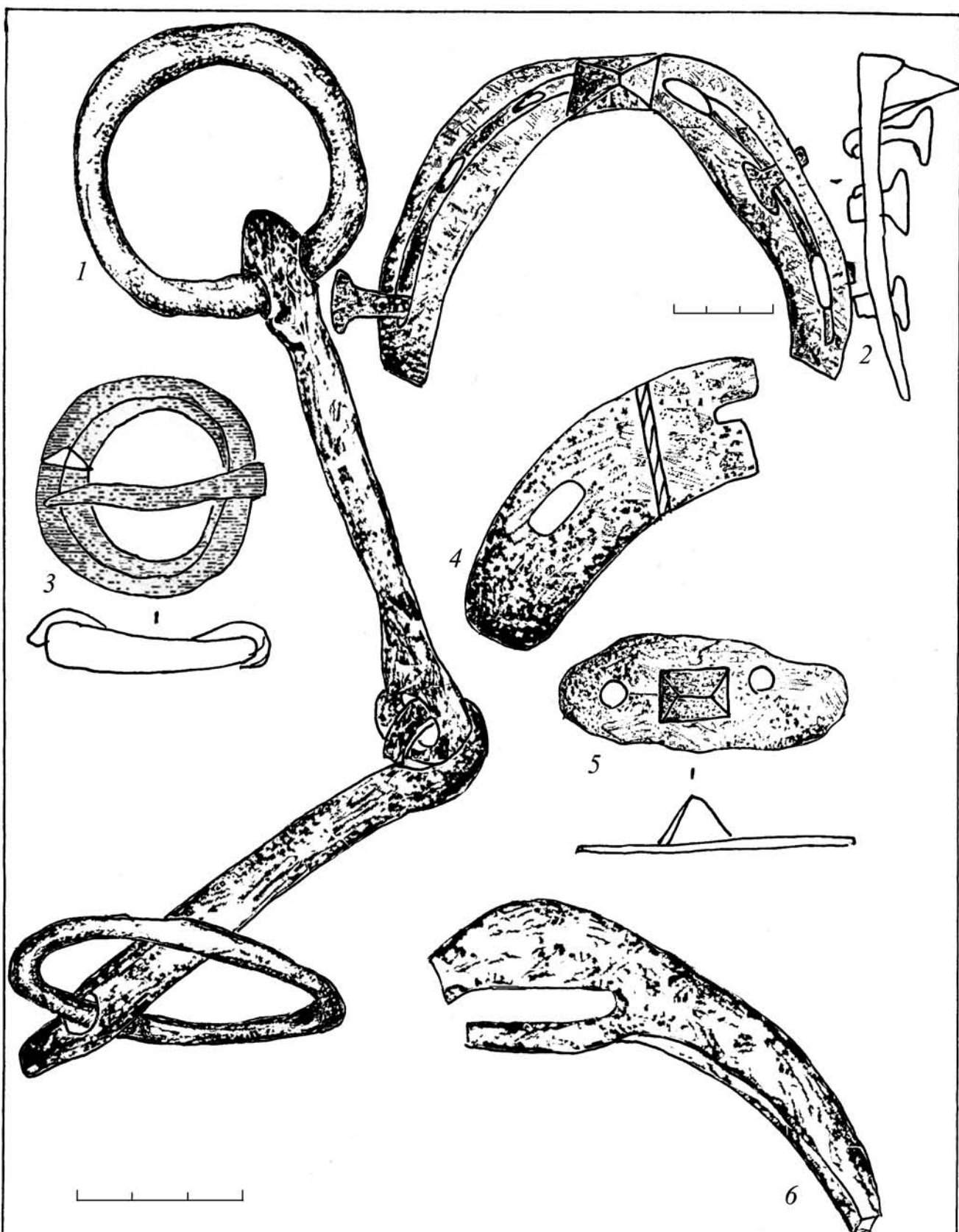

Рис. 45. Снаряжение коня. 1 - Носельское селище, 2, 5 - Юльядьское селище, 3 - селище Красное Селище, 4 - Юльяльская кузница, 6 - Важнангерское (Малосундырское) городище.

1 - удила, 2, 4, 5 - подковы, 3 - пряжка, 6 - стремя.

1 - Носельское селище, 2, 5 - Юльядьское селище, 3 - селище Красное Селище, 4 - Юльяльская кузница, 6 - Важнангер-

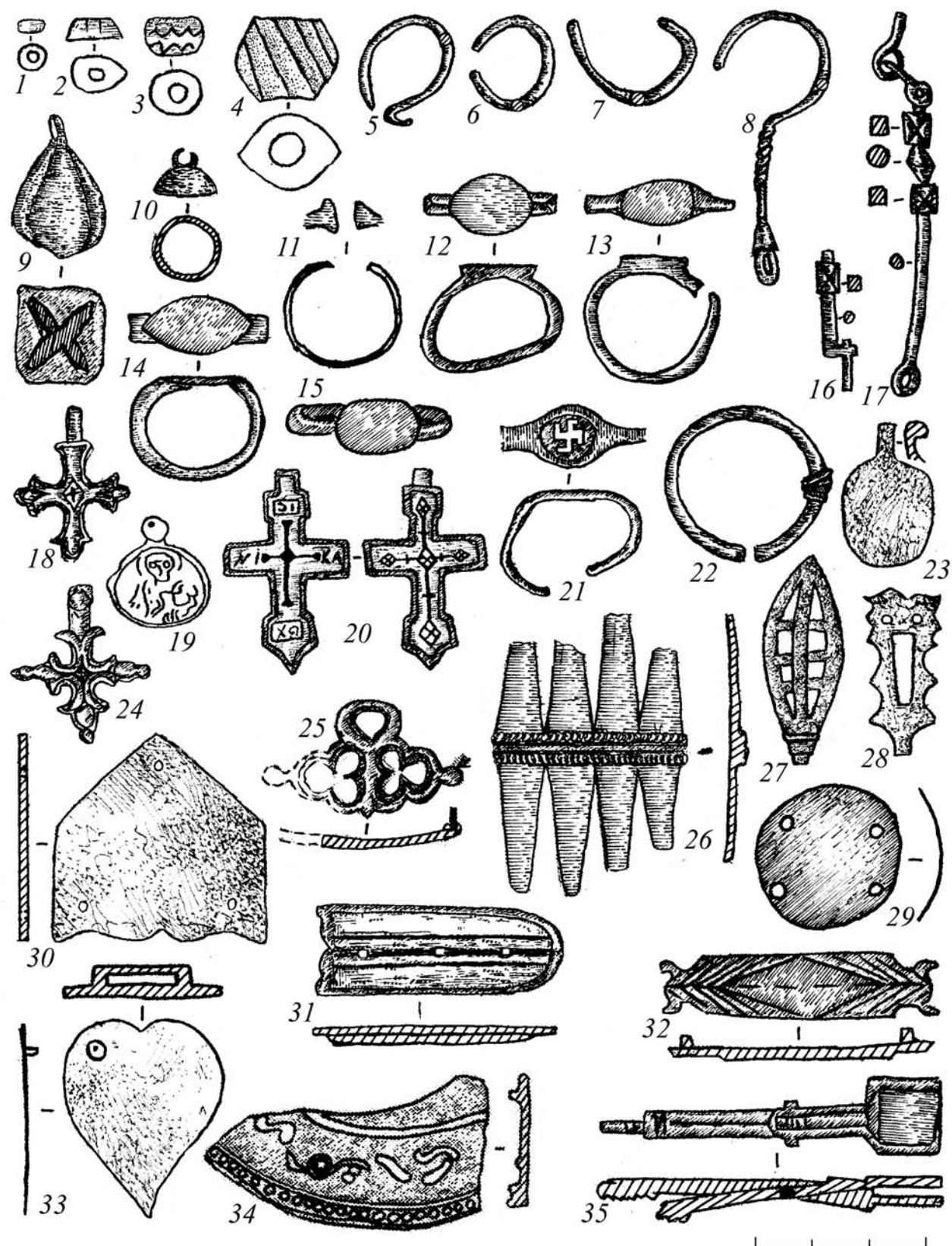
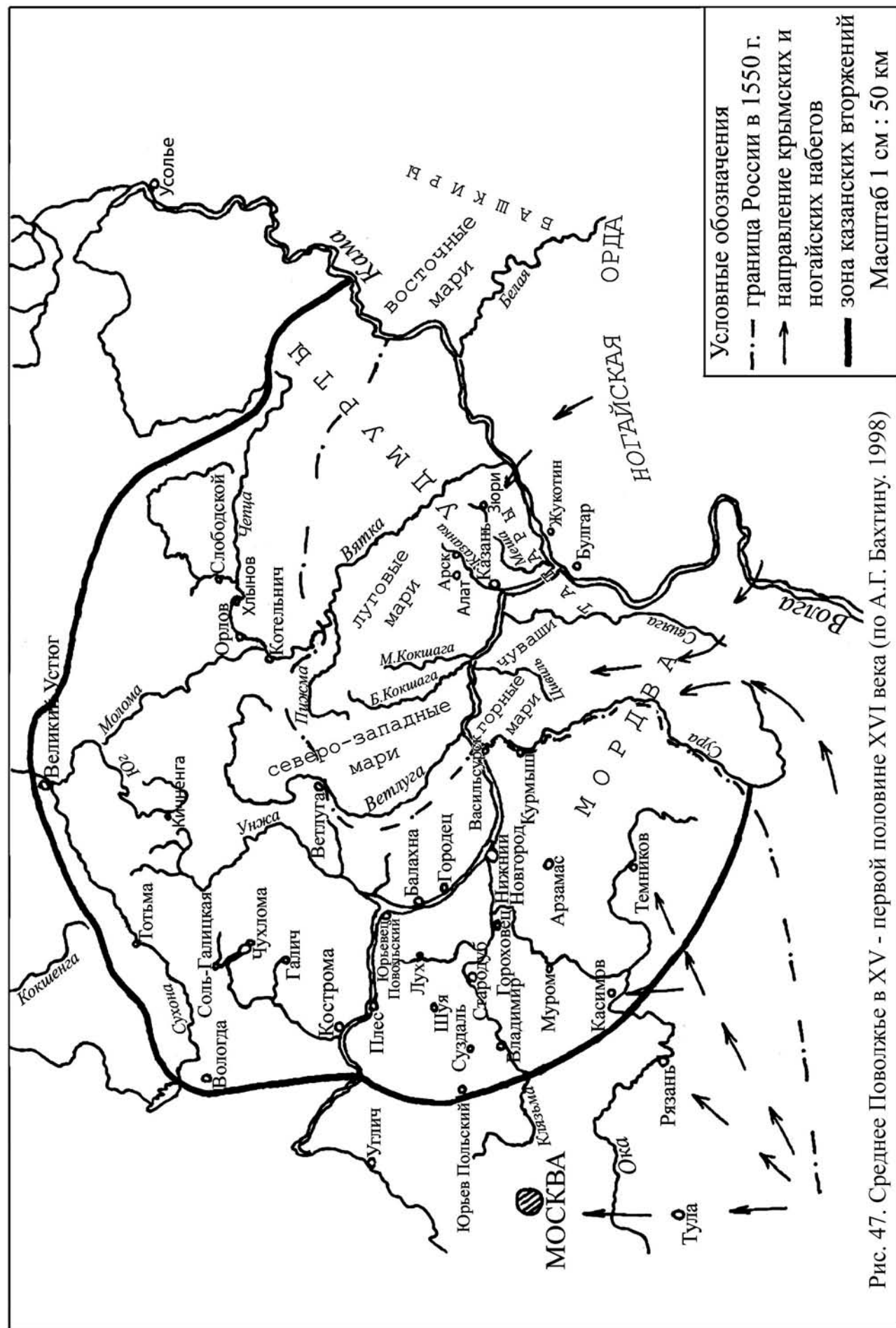

Рис. 46. Вещевой инвентарь марийских поселений XIII-XV вв.

1-4, 6-8, 11-18, 22-24, 27-29, 32-35 - Важнангерское (Малосундырское) городище,
5, 9, 10, 25, 26, 30 - Юльяльское селище, 19-21, 31 - Красноселищенское селище.

1-3, 31 - кость, 4 - стекло, 5-15, 18-21, 24-26, 29, 32, 34, 35 - цветной металл,
16, 17, 22, 23, 27, 28, 30, 33 - железо.

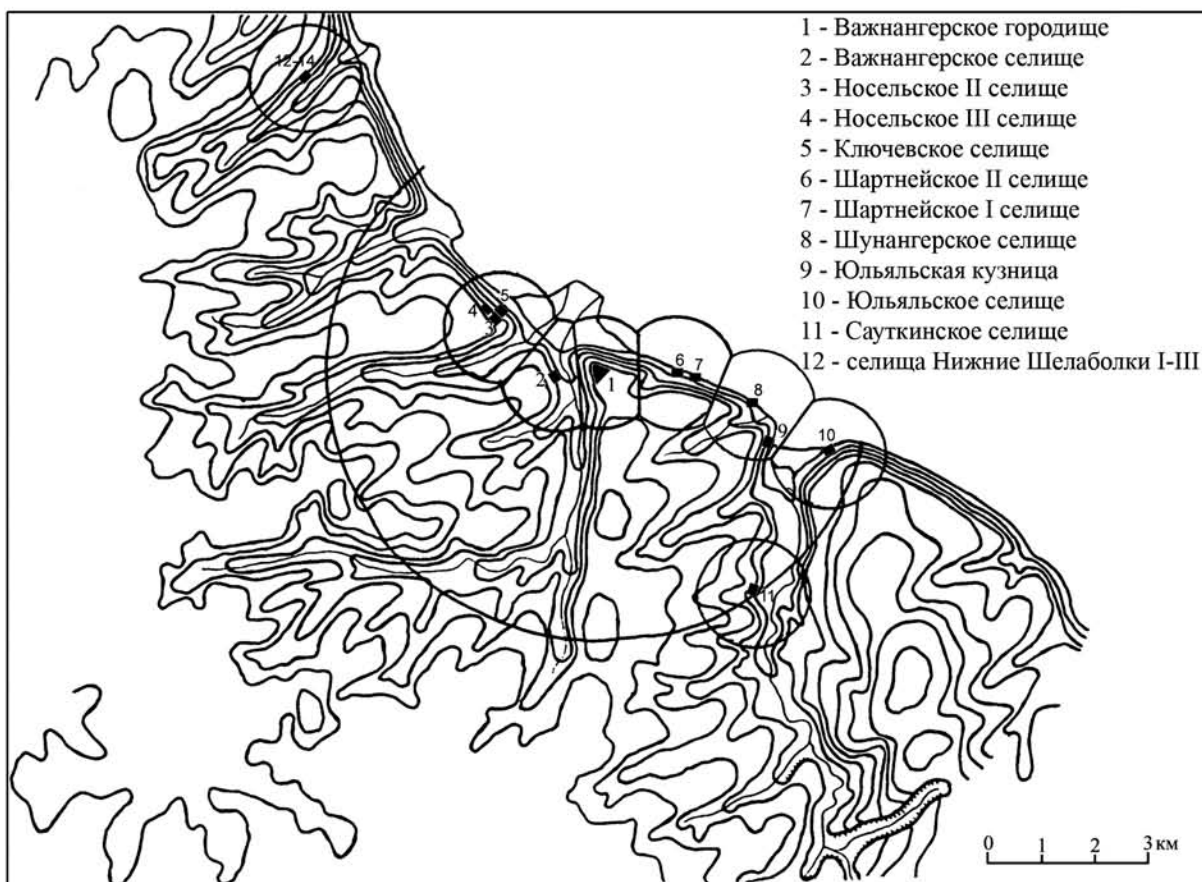

Рис. 48. Система расселения Важнангерской округи.

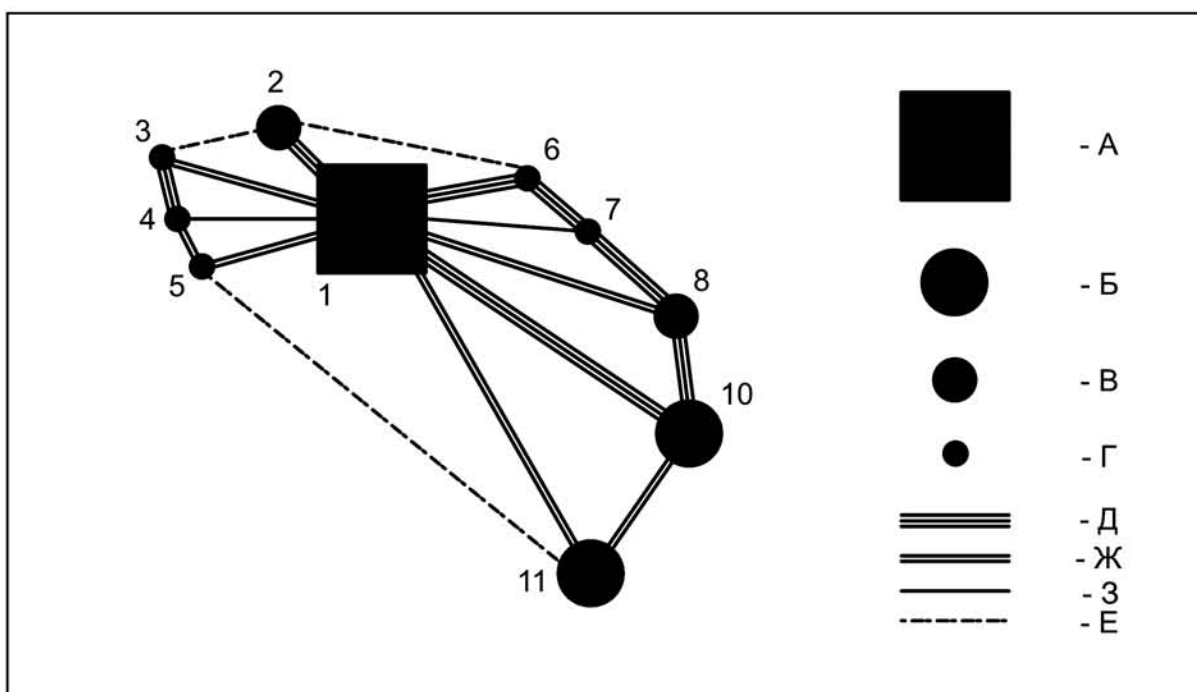

Рис. 49. Граф гравитационных связей поселений в окрестностях Важнангерского (Малосундырского) городища. А - городище площадью 5,6 га.; Б - селища площадью более 1 га.; В - селища площадью от 0,7 до 1 га.; Г - селища от 0,1 до 0,3 га.; Д - гравитационная связь свыше 50; Е - от 25 до 50; Ж - от 10 до 25; З - до 10.